

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3

МАЙ–ИЮНЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Е.В. Урысон (Москва). Синтаксис союзов и коннекторов и теория валентностей	3
В.И. Подлесская, А.В. Стародубцева (Москва). О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи	25
С.Г. Татевосов (Москва). Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола)	42
Е.А. Гришина (Москва). Указания головой как система	90

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

А.П. Выдрин (Санкт-Петербург). <i>P. Samvelian. Grammaire des prédicats complexes: Les constructions nom-verbe. Paris: Lavoisier, 2012</i>	131
К.В. Бабаев (Москва). <i>G. Dimmendaal. Historical linguistics and the comparative study of African languages. Amsterdam: John Benjamins, 2011</i>	135
А.Ю. Русаков (Санкт-Петербург). <i>L. Jusufi. Die zentralgegische Mundartengruppe in Mazedonien. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2011</i>	137

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.В. Дубасова (Санкт-Петербург), Ю.В. Мазурова, Ю.В. Николаева, М.В. Худякова (Москва). V Международная конференция по когнитивной науке.....	141
Д.Б. Тискин, А.С. Шиморина (Санкт-Петербург), В.В. Порицкий (Минск). XXIV Европейская летняя школа по логике, лингвистике и информатике (ESSLI 2012)	149
Н.В. Кабинина (Екатеринбург). II Международная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»	153
В.И. Супрун (Волгоград). XIII Международная конференция «Ономастика Поволжья»	157

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), М.Д. Воейкова, Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), В.И. Подлесская, Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *Т.В. Зайцева, А.С. Кулева, М.М. Маковский, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2013 г. Е.В. УРЫСОН

СИНТАКСИС СОЮЗОВ И КОННЕКТОРОВ И ТЕОРИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ*

Многие союзы способны функционировать как коннекторы, т.е. связывать не только предложения в составе сложного (однородные члены предложения), но и фрагменты текста. Такие союзы названы мягкими. Другие союзы не способны соединять фрагменты текста – они названы жесткими. Некоторые союзы функционируют как коннекторы лишь в контекстах определенного типа, т.е. являются мягкими в той или иной степени. Мягкость / жесткость союза не зависит от его принадлежности к классу подчинительных или сочинительных. И коннекторы, и жесткие союзы являются предикатами по крайней мере с двумя семантическими актантами. У жесткого союза семантические актаны выражаются по определенным синтаксическим правилам. Выражение актантов коннектора описывается синтаксическими правилами лишь частично.

Ключевые слова: союз, коннектор, семантический актант, синтаксическая валентность, невыраженная валентность, сфера действия, семантический акцент, просодия

According to traditional grammar conjunctions are words connecting clauses (or words / word combinations). Still many conjunctions can also connect sentences and longer fragments of texts, being in fact connectors (these are «soft» conjunctions), while some conjunctions are able to connect only clauses (these are «hard» conjunctions). Many Russian conjunctions, both coordinating and subordinating, are soft, but there are also hard coordinating and subordinating conjunctions. Hard conjunctions are easily described in the frameworks of valency theory as predicates with (at least) two semantic and syntactic actants. Soft conjunctions and connectors also have two semantic actants. But at least one of these actants cannot be revealed in a text by an algorithm. It is argued that some refinements of valency theory are necessary for representing syntactic properties of connectors and soft conjunctions.

Keywords: conjunctions, connectors, semantic actant, syntactic valency, expression of participants, semantic accentuation, prosody

1.1. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СОЮЗОВ: ГРАММАТИКА И СЛОВАРЬ

По определению Академической грамматики, «союз – это служебная часть речи, при помощи которой оформляется связь между частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте, а также (это относится лишь к некоторым союзам) связь между словоформами в составе простого предложения» [Грамматика-80: 713]. Примеры:

- (1а) *Я встану, когда будет светло* [союз связывает части сложноподчиненного предложения].
- (1б) *Стало светло, и я встал* [союз связывает части сложносочиненного предложения].
- (2) *Стало светло. И я встал* [союз связывает два отдельных предложения в тексте].
- (3) *Стало светло и тепло* [союз связывает словоформы в составе простого предложения].

Итак, союз, по определению, соединяет: (а) части простого предложения; (б) части сложного предложения; (в) части текста¹. Однако не каждый союз способен выполнять все три названные функции.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной дина-

Так, в приведенном определении оговорено, что не все союзы могут связывать члены предложения. Например, подчинительные союзы такой способностью не обладают: они связывают предложения в составе сложноподчиненного, но не члены предложения. При внимательном рассмотрении оказывается, однако, что это утверждение справедливо не для всех подчинительных союзов. Союз *хотя*, например, в основной массе контекстов связывает предложения, ср.: *Он не снимал пиджака, хотя было жарко*, но в некоторых случаях соединяет члены предложения. Ср.:

(4) *Пьера поразила скромность маленького, хотя и чистенького домика* (Л.Н. Толстой).

(5) *Я тоже артист, хотя плохой* (И.С. Тургенев).

В примере (4) союз *хотя* связывает соподчиненные определения (*маленький чистенький домик*), а в (5) – определяемое слово *артист* и подчиненное ему определение *плохой*. Однако эта функция настолько необычна для подчинительного союза, что *хотя* в подобных случаях обычно трактуется как союз сочинительный ([МАС]; заметим, однако, что в [СУ] союз *хотя* во всех таких случаях считается подчинительным).

Можно думать, что соединять члены предложения – это прерогатива сочинительных союзов. Но и они выполняют данную функцию с разной степенью свободы. Возьмем самый обычный случай – сочинительный союз между однородными членами предложения.

Союз *и* свободно соединяет однородные члены предложения, ср.: *большие и маленькие коробки, в коробках и ящиках, быстро и правильно отвечать на вопросы, Маша и Миша сдали экзамен, Он шел и пел* и т.п. Союз *а*, напротив, может соединять только однородные сказуемые. Ср.: *Маленький, а злой; Морщится, а ест* (мы отвлекаемся сейчас от сочетания *а ... не*, ср.: *не в коробке, а в ящике*). Заметим, что сочинение сказуемых часто трактуется как сочинение предложений, т.е. высказывание типа *Маленький, а злой* относится к сложносочиненным предложениям. При таком подходе союз *а*, будучи сочинительным, оказывается неспособным соединять члены предложения. При более традиционной трактовке (*Маленький, а злой; Морщится, а ест* – это простые предложения с однородными сказуемыми) союз *а* может соединять однородные члены предложения, но не все, а только сказуемые.

Хорошо известно, что сочинительный союз может соединять и такие члены предложения, которые не являются однородными. Примеры из книги [Санников 1989: 14 и сл.]:

(6а) *В этой стране все и всем недовольны.*

(6б) *Читать то нечего, то некогда.*

(6в) *Никогда и никому не завидуй.*

(7а) *Ты помнишь лик светила, но иного* (И. Анненский).

(7б) *Уехал, и надолго.*

В (6а)–(6в) сочинительный союз связывает соподчиненные, но при этом разнофункциональные члены предложения: в (6а) – подлежащее и дополнение, в (6б) и (6в) – дополнение и обстоятельство времени. В (7а)–(7б) союз связывает главное слово и его синтаксическое зависимое: это так называемые «конструкции со вторичной союзной

мики», гранта РГНФ № 10-04-00273а и гранта НШ-6577.2012.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ.

¹ В.З. Санников среди союзных сочинительных конструкций особо выделяет «сочинение члена предложения с предложением», ср.: *Я думал о матери и что так и не подошел к ней* (Ф.М. Достоевский) [Санников 1989: 43]. С определенной долей условности можно считать, что союз здесь оформляет связь между частями сложного предложения. Данные конструкции являются периферийными и нами не рассматриваются. Кроме того, некоторые союзы способны соединять морфемы, ср.: *видео-, а также <и> аудиоаппаратура*. Этот случай тоже является периферийным, и мы его не рассматриваем.

связью» [Прияткина 1971]. Разные типы таких контекстов подробно описаны в книге [Санников 1989].

Очевидно, что в подобных случаях допустимы не все сочинительные союзы. Например, в них невозможны или затруднены союзы *a также, да* в значении 'и'. Некоторые другие запреты на употребление того или иного союза в этих конструкциях описаны в [Там же: 21 и сл.].

Итак, способностью связывать члены предложения обладают далеко не все союзы, причем даже не все сочинительные союзы. В результате полное описание сочинительного союза должно содержать сведения о том, может ли данный союз: (i) соединять однородные члены предложения, причем следует различать сочинение сказуемых и сочинение других членов предложения; (ii) соединять соподчиненные, но разнофункциональные члены предложения, см. (6а)–(6в); (iii) соединять главное слово и его зависимое, см. (7а)–(7б). Оказывается, что и другую свою основную функцию – соединять части сложного предложения – сочинительные союзы выполняют с разной степенью свободы. Некоторые наблюдения на эту тему помещены в разделе 2.1. Из грамматической информации о принадлежности союза к классу сочинительных эти сведения не вытекают и, следовательно, они должны фиксироваться в словаре.

Нужно сказать, что эти две функции союзов – связывать части сложного предложения, а также члены предложения – достаточно подробно описаны в грамматиках и в словарях. Так, в [МАС] при каждом значении союза указывается его способность выполнять ту или иную из этих функций. Нам было важно подчеркнуть, что даже эти, хорошо известные, функции союзов требуют отражения в словаре, а не только в грамматике, где они представлены как общее свойство класса слов.

Объект предлагаемой статьи – способность союза (как сочинительного, так и подчинительного) оформлять связь между отдельными предложениями в тексте, ср.: *Стало светло. И я встал*. В этой, наименее изученной, позиции союз ведет себя как коннектор. Цель работы – сформулировать основные проблемы, возникающие при описании союзов в функции коннекторов².

1.2. СИНТАКСИС КОННЕКТОРОВ

В отличие от союзов, коннекторы не образуют отдельной части речи. В этот класс объединяют некоторые союзы, некоторые частицы, некоторые наречия и некоторые фразеологические сочетания. Классический пример коннектора – *между тем*. Данная единица обычно квалифицируется как фразеологическое сочетание (так называемая грамматическая фразема); для простоты можно считать ее одним словом, которое пишется с пробелом. Ср.:

(8) *Мы уже давно шли по лесу без всякой дороги. Между тем начало темнеть.*

В этом тексте коннектор связывает два высказывания, или два отдельных предложения в тексте.

Коннектор может связывать и два предложения в составе сложного, ср.:

(9) *Мы второй день сидим без еды, между тем нам все время обещают помочь.*

Однако главное свойство коннектора – связывать две группы предложений внутри текста, т.е. два фрагмента текста. Ср.:

(10) *Мы уже давно сбились с дороги. Всем хотелось есть. (Q) | Между тем начало смеркаться. Сбиралась гроза. (P)*

² Вообще говоря, в интересующих нас случаях (ср.: *Стало светло. Но я не встал*) коннектор можно интерпретировать не как союз, а как фразовую частицу. Тогда поставленная проблема формулируется так: какие союзы и при каких условиях могут выступать как фразовые частицы.

В (10) коннектор *между тем* связывает текстовые фрагменты P и Q. Разумеется, каждый такой фрагмент может состоять из одного отдельного предложения, ср. (8). Возможны и промежуточные случаи: коннектор связывает одно вводимое им высказывание с группой предшествующих, ср. (11а); или одно предшествующее высказывание с группой высказываний, ср. (11б).

(11а) *Мы уже давно сбились с дороги. Всем хотелось есть. (Q) | Между тем погода совсем испортилась. (P)*

(11б) *Мы уже давно шли без всякой дороги. (Q) | Между тем пошел снег. Становилось все холоднее. (P)*

Отдельно выделяется случай, когда предложение с коннектором открывает абзац: можно считать, что коннектор тогда связывает данный абзац с предыдущей частью текста, возможно с абзацем или абзацами. Ср. текст (11в), где фрагмент P выделен в отдельный абзац:

(11в) *Мы уже давно сбились с дороги. Всем хотелось есть. (Q)
Между тем начало смеркаться. Собиралась гроза. (P)*

Могут ли союзы, подобно коннекторам, связывать фрагменты текста? Все ли союзы обладают такой способностью? Ниже будет показано, что разные союзы выполняют функцию коннектора с разной степенью свободы, а некоторые союзы вообще неспособны связывать фрагменты текста. При этом оказалось, что описание синтаксиса союза в функции коннектора, так же как и описание самих коннекторов, требует уточнения теории валентностей [Урысон 2008а; 2012]. Теоретическим вопросам синтаксиса посвящен раздел 3.

Оговорим, что мы рассматриваем письменный текст и не анализируем просодию. В нашем случае графически различаются три варианта: абзацный отступ, точка и запятая. Возможно, что каждому из них соответствует своя просодия (или свой набор просодий). Однако при этом не исключено, что есть какой-то просодический рисунок, который соответствует и точке, и запятой или и точке, и абзацному отступу. Обсуждение этого вопроса выходит за рамки предлагаемой статьи.

2.1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРОГОСТЬ СОЮЗА: «ЖЕСТКИЕ» И «НЕЖЕСТКИЕ» СОЮЗЫ

Некоторые союзы не способны связывать отдельные предложения в тексте или фрагменты текста – они соединяют лишь члены предложения или части сложного предложения. Такие союзы мы называем синтаксически строгими, или жесткими. Синтаксически строгие союзы не функционируют как коннекторы. Другие союзы, напротив, подобны коннекторам – они могут соединять отдельные высказывания в тексте и даже большие фрагменты текста. Такие союзы мы называем синтаксически нестрогими, или нежесткими (мягкими)³.

³ Похожие термины использует В.З. Санников при описании частных запретов на употребление того или иного сочинительного союза при однородных членах: «...одно и то же сочетание сочиненных членов допустимо при одном сочинительном союзе и недопустимо при другом. Выделить здесь более “либеральные” и более “жесткие” союзы затруднительно: для разных сочетаний картина оказывается различной» [Санников 1989: 58]. Так, нормально сочетание *металлический, но непрочный стержень*, однако сомнительны сочетания: *металлический и непрочный стержень*, *металлический или непрочный стержень* и т. п. [Там же]. Подобные частные запреты имеют семантическую природу: значение союза должно быть согласовано с семантикой остальных компонентов высказывания, в частности с семантикой соединяемых членов предложения. Объект настоящей работы – собственно синтаксические свойства союзов (которые, впрочем, могут быть тесно связаны с их семантикой).

Синтаксическая нестрогость, или мягкость, – это свойство, которым конкретный союз наделен в большей или меньшей степени. Иными словами, мягкие (нежесткие) союзы располагаются на некоторой шкале: одни из них более мягкие, другие – менее. Класс строгих (жестких) союзов тоже не вполне однороден, однако с синтаксической точки зрения жесткие союзы различаются между собой существенно меньше, чем мягкие.

Наша основная гипотеза состоит в том, что подчинительные союзы в целом являются более строгими, более жесткими, нежели сочинительные. Действительно, среди подчинительных союзов легко найти жесткие. Так, например, изъяснительный союз *что* способен соединять только придаточное и главное предложения: *Он сказал ей, что снимается в кино*. Безусловно жестким является союз *чем ... тем, ср.:* *Чем ночь темней, тем ярче звезды*. Оказалось, однако, что жесткие союзы встречаются и среди сочинительных, и наоборот, некоторые подчинительные союзы являются нежесткими. По-видимому, синтаксическая строгость союза напрямую связана еще и с его стилистической маркированностью: нейтральные, широко употребительные союзы скорее будут нежесткими. В результате союзы с очень близкой семантикой, но с разной стилистикой могут сильно различаться по своим синтаксическим свойствам.

Выяснилось также, что тот или иной набор синтаксических функций свойствен не отдельному союзу, а союзу в его конкретном значении. Следуя терминологии, принятой в московской семантической школе, мы будем называть слово (в частности союз), взятое в его отдельном значении, лексемой. Многозначное слово представляется при этом как набор лексем⁴. Итак, одни лексемы данного союза могут оказаться жесткими, а другие – нежесткими.

Проверка выдвинутых утверждений требует описания всех русских союзов или хотя бы большей их части. Эта задача выходит за рамки журнальной статьи. Пока ограничимся разбором некоторых примеров, подтверждающих нашу гипотезу. В частности, продемонстрируем, что способность или неспособность союза выступать в качестве коннектора является его особым свойством, которое не вытекает из принадлежности союза тому или иному грамматическому классу.

Мы рассмотрим сочинительные союзы *и*, *а также* и *да* в значении ‘и’: последние два союза семантически сближаются с *и*, однако обладают другими синтаксическими свойствами. Мы также рассмотрим союз *а*, интересный тем, что некоторые его лексемы сильно различаются по жесткости. Из подчинительных союзов мы ограничимся союзами *потому что*, *хотя* и группой временных союзов.

2.2. СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И, А ТАКЖЕ И ДА ‘И’

Мы считаем союз *и* многозначным; структура его полисемии и основные значения подробно описаны в работах [Урысон 2000; 2004; 2011]; там же анализируются критерии выделения отдельных значений у союза. Сейчас нас будут интересовать три главные лексемы союза *и*:

«*и* нормального следствия», ср.: *Пьеса слабая (Q), и публика на нее не идет (P)*;

«*и* нормального развития повествования», ср.: *Заря сияла на востоке (Q), и золотые ряды облаков, казалось, ожидали восхода солнца (P)* (А.С. Пушкин);

«*и* перечисления», ср.: *Осталось сдать физику, химию и географию*.

Союз «*и* нормального следствия»⁵ в высказывании типа *Q*, и *P* указывает на то, что ситуация типа *Q* обычно влияет на положение дел, так что в результате имеет место ситуация типа *P*. Ср.: *Мне стало душно (Q), и я вышел (P)*; *Он уезжает (Q), и она несчастна (P)*; *Пете повысили зарплату (Q), и он смог вернуть долги (P)*. Значение

⁴ Понятие лексемы слова сближается с понятием лексико-семантического варианта Смирницкого.

⁵ Отдельную лексему союза мы тоже называем союзом.

нормального следствия выражается в подобных случаях союзом *и*, а не только широким контекстом. Это обосновано в работе [Санников 1989: 165 и сл.].

Союз «*и* нормального развития повествования» указывает на то, что обе сочиненные пропозиции *P* и *Q* – на одну и ту же тему. Ср.:

- (12) *Мы простились еще раз (Q), и лошади поскакали (P)* (А.С. Пушкин) [общая тема пропозиций – ‘наше расставание’].
- (13) *Рукава у нее [матери] были засучены, обнажая белые, толстые руки, и на безбровом, плоском лице выступали капли пота* (Л. Андреев) [обе пропозиции – на тему ‘вид матери за работой’].
- (14) *Лицо у нее было белое, и ужасно глупо выглядела брошка с бегущим оленем* [общая тема пропозиций – ‘непривлекательный вид героини’]⁶.

Иными словами, каждое из сочиненных предложений рассматривается как минимальный текст со своей единой темой. Понятие темы текста (микротекста), отличное от понятия темы vs. ремы как компонентов коммуникативной структуры высказывания, подробно обсуждается в работах [Урысон 2000; 2004; 2011]; там же обоснована необходимость этого понятия для описания семантики союзов.

Союз «*и* перечисления» является средством оформления множества, задаваемого перечислением. Ср.: *Там были Иванов, Сидоров, Михайлов и кто-то еще; Я носила тогда малахитовое ожерелье и чепчик из тонких кружев* (А. Ахматова).

Союз «*и* нормального следствия», безусловно, является мягким – он способен связывать как части сложносочиненного предложения, ср. (15), так и фрагменты текста, ср. (16)–(19):

- (15) *Он сделал мне предложение (Q), и я вышла за него замуж (P)* [союз соединяет части сложносочиненного предложения].
- (16) *Он сделал мне предложение. (Q) | И я вышла за него замуж. (P)* [союз соединяет два отдельных предложения в тексте].
- (17) *Он всегда помогал мне, был рядом в трудную минуту. Дети очень его любили. (Q) | И я вышла за него замуж. (P)* [союз соединяет вводимое им высказывание с группой предшествующих].
- (18) *Он нравился мне с девятого класса. (Q) | И я решила подать документы в тот же университет, что и он. Я даже стала заниматься тем же видом спорта (P)* [союз соединяет предшествующее высказывание с последующей группой высказываний].
- (19) *Он всегда помогал мне, был рядом в трудную минуту. Дети очень его любили. (Q) | И я стала думать, что наши отношения могут быть прочными. Я начала надеяться на него. (P)* [союз соединяет две группы высказываний].

Ясно, что в случаях, подобных (16)–(19), союз «*и* нормального следствия» может начинать абзац. Следовательно, этот союз является максимально мягким.

Максимально мягким является и союз «*и* нормального развития повествования». Ср. следующие примеры:

- (20) *Снег тает (Q), и день уже очень длинный (P)* [союз соединяет части сложносочиненного предложения].
- (21) *Снег тает. (Q) | И день уже очень длинный. (P)* [союз соединяет два отдельных предложения в тексте].
- (22) *Снег тает. По ночам коты орут. (Q) | И день уже очень длинный. (P)* [союз соединяет вводимое им высказывание с группой предшествующих].
- (23) *Зарядили дожди. (Q) | И дни укорачиваются. По утрам холодно (P)* [союз соединяет предшествующее высказывание с последующей группой высказываний].
- (24) *Снег тает. Лыжи кончились. (Q) | И день уже очень длинный. Небо вечером бывает зеленоватым. (P)* [союз соединяет две группы высказываний].

⁶ Благодарим за этот пример Ю.Д. Апресяна.

Легко убедиться, что союз «и нормального развития повествования» может начинать абзац – это тоже максимально мягкий союз.

Итак, союзы «и нормального следствия» и «и нормального развития повествования» свободно функционируют как коннекторы.

Тем не менее и на их синтаксис наложены какие-то ограничения. Семантика этих союзов такова, что они не могут соединять однородные члены предложения. Исключением являются однородные сказуемые (впрочем, этот случай часто интерпретируют как сочинение предложений). Ср.:

(25) *Он устал. (Q) | И сразу начал ошибаться. (P)* [«и нормального следствия»].

(26) *Она устала. (Q) | И очень хотелось есть. (P)* [«и нормального развития повествования»].

Напомним, что синтаксическая мягкость, или нестрогость, – это свойство союза соединять отдельные высказывания в тексте или большие текстовые фрагменты, но не единицы любой природы.

Однородные члены предложения связывает лексема «и перечисления». Ср.: *Люблю есть и спать; Петя, Маша и Даша окончили школу; Весной, летом и осенью к нам не проехать; С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно* (А.С. Пушкин) и т.п.

Отметим, по-видимому, уникальное свойство данной лексемы союза *и*: в определенной синтаксической позиции она обязательна. Союз «и перечисления» требуется некоторыми предикатами, предполагающими множество элементов, в частности множественный субъект или объект. Ср.:

(27а) *Весной Костя и Катя поженились.*

(27б) *Бологое находится между Москвой и Петербургом.*

(27в) *Ваня и Миша побежали в разные стороны.*

В подобных случаях союз «и перечисления» сближается с сильноуправляемыми и при этом не десемантизированными предлогами. Ср.: *войти <вбежать, влететь, вползти ...> в комнату, выйти <выбежать, вылететь, выползти ...> из комнаты, прыгнуть <сбежать, сползти> с лестницы* и т.п.

В определенных контекстах «и перечисления» связывает и однородные сказуемые, ср.:

(28) *По-прежнему он вел хозяйство <...>: косил, убирал, веял, сдавал уголья мужикам, платил налоги и ездил в город по земским делам и по личным* (Б. Зайцев).

Заметим, что некоторые сложносочиненные предложения можно интерпретировать двояко: как содержащие лексему «и нормального развития повествования» или лексему «и перечисления». Ср.:

(29) – *Что у вас случилось? – Катя заболела скарлатиной (Q), и Ваня сломал руку (P).*

В подобных случаях пропозиции Q и P, безусловно, на одну и ту же тему, благодаря чему можно считать, что перед нами лексема «и нормального развития повествования». Но благодаря контексту данное высказывание можно интерпретировать и как перечисление того, что имеет место, – и тогда они содержат лексему «и перечисления». Действительно, предложение (26) допускает перефразировку с явным перечислением:

(30) – *Что у вас? – Два события. Катя заболела скарлатиной (Q), и Ваня сломал руку (P).*

Естественно считать, что в случаях типа (30) союз *и* представлен в промежуточном значении, которое представляет собой контаминацию значений двух лексем: «*и* нормального развития повествования» и «*и* перечисления»⁷.

По-видимому, не все сложносочиненные предложения допускают сразу две такие интерпретации. Ср.:

(31) – *Какая у вас погода? – Ослепительное солнце (Q), и дует сильный ветер (P).*

В (31) естественно усматривать лексему «*и* нормального развития повествования», но не «*и* перечисления». Перефразировка типа (30) для данного высказывания по меньшей мере сомнительна.

Союз *и* в описанном промежуточном значении, представляющем собой сплав семантики «*и* нормального развития повествования» и «*и* перечисления», способен связывать и отдельные предложения в тексте, и фрагменты текста. Ср.:

(32) – *Что у вас случилось? – Катю отчисляют из университета. (Q) | И Ваня попал в аварию. (P)*

(33) – *Что у вас случилось? – Катя заболела скарлатиной. Врач настаивает на больнице. (Q) | И Ваня сломал руку. Гипс наложили неудачно, теперь масса хлопот с лечением (P).*

Следовательно, союз *и* в описанном промежуточном употреблении является мягким. Что касается собственно союза «*и* перечисления», то это – жесткий союз: он не способен соединять фрагменты текста (и, добавим, даже предложения в составе сложносочиненного).

Напомним, что жесткому союзу присущи, вообще говоря, две функции – связывать однородные члены и соединять предложения в составе сложного. Союз «*и* перечисления» может выполнять только одну из этих функций, и его можно считать максимально жестким.

Возьмем теперь союз *а также*. Подобно союзу «*и* перечисления», *а также* является средством оформления множества. Однако этот союз стилистически отмечен как необходимый – он тяготеет к книжной речи. Ср.:

(34) *Там растет ель, а также осина.*

(35) *Он знает английский, немецкий, шведский, а также суахили.*

По сравнению с союзом «*и* перечисления» союз *а также* выражает дополнительную семантику: перечисляя элементы множества, говорящий как бы добавляет последний элемент (вводимый *а также*) к предыдущей части множества. Заметим, что в связи с этим *а также* недопустим в контексте предиката, требующего множественный актанта; ср. неправильное высказывание: **Весной Маша, а также Ваня поженились.*

Союз *а также* способен соединять однородные сказуемые (и их синтаксические группы). Ср.:

(36) *Он сломал ногу, а также повредил руку.*

Этот союз может соединять и отдельные предложения в составе сложносочиненного, однако при соблюдении определенных условий: сочиненные предложения, как правило, имеют общий второстепенный член⁸. Ср.:

⁷ В реальном тексте значение слова редко совпадает со словарным: часто это как бы сплав разных его значений. Проблема промежуточных значений слов давно известна [Апресян 1974: 179–181; Шмелев 1973].

⁸ По-видимому, существуют и другие, более тонкие требования, которым должны удовлетворять сочиненные предложения с союзом *а также*.

(37) У него выбиты зубы, а также поврежден глаз.

(38) В конце семидесятых годов в США и ряде других стран было запрещено использование фреонов <...>, а также несколько сокращено само производство фреона (Уппсальский корпус).

Хотя элементами множества, оформляемого с помощью *а также*, могут быть ситуации, ср. (36)–(38), отдельные предложения в тексте этот союз обычно не связывает. Ср. неудачные примеры:

(39) ?Петя сломал ногу. А также он повредил руку.

(40) ?Петя сломал ногу. Он повредил руку. А также при падении у него выбило зубы.

В современном языке в подобных случаях употребляется слово *также*⁹, ср.:

(41) Петя сломал ногу. Также при падении у него выбило зубы.

Тем не менее при определенных условиях союз *а также* ведет себя как коннектор, т.е. связывает отдельные предложения в тексте и даже фрагменты текста Р и Q. Это вполне допустимо, если и Р, и Q выражают просьбу. Ср.:

(42) Объясните, прав ли я, сильнейший повелитель земель ислама, требуя, чтобы халиф багдадский подчинялся мне? (Q) | А также объясните, что я должен делать, если халиф мне не покоряется? (P) (В. Ян).

(43) Я вынужден потребовать, чтобы вы подписали эту бумагу. Обязательство никуда не уезжать в ближайшие два месяца. И являться по моему вызову, если в этом возникнет необходимость. (Q) | А также очень, очень советую вам: вспомните наконец, где вы были пятнадцатого июня. (P) (И. Ефимов).

Что касается обычного повествования, то в нем союз *а также* вряд ли возможен в функции коннектора. Так, следующие примеры находятся, по-видимому, на грани допустимого:

(44) Торшер он заработал собственными руками. Пианино дочурке, уехавшей в пионерлагерь, он заработал собственными руками. Немецкую тахту он заработал собственными руками. (Q) | А также, не боясь последствий, отправил жену отдыхать в Сочи. (P) (Е. Попов).

(45) Любит Борисов людей, вот главное его партийное качество, (Q) – взволнованно сказал Намумов. – А также товарищ он мужественный... принципиальный человек (P). (Д. Гранин).

Итак, сочинительный союз *а также* тяготеет к жестким – он связывает отдельные предложения в тексте или большие текстовые фрагменты Р и Q лишь при определенных условиях, которым должны удовлетворять Р и Q. Ясно, что *а также* – союз менее жесткий, нежели «и перечисления».

Перейдем к союзу *да*, синтаксис которого еще более прихотлив.

Союз *да* имеет два основных значения: одно из них близко ‘и’, точнее лексеме «и перечисления», а другое близко ‘но’ (*Мал золотник, да дорог*), причем в обоих значениях союз *да* отмечен стилистически как разговорный, уходящий или устаревший. Мы будем рассматривать союз *да* только в его первом значении.

Оказалось, что союз *да* ‘и’ представляет собой не одну лексему, а две. Они семантически близки друг другу и образуют блок. Первая лексема (*да I.1*) представлена в примерах типа:

(46а) Два да три будет пять.

(46б) Однажды лебедь, рак да щука / Везти с поклажей воз взялись (И.А. Крылов).

(46в) Я в кибитке валкой / Еду да тоскую (Н.П. Огарев).

⁹ Подобное употребление слова *также* в литературном языке является инновацией (раньше в этой позиции вместо *также* употреблялся коннектор *кроме того*).

Союз *да 1.1* отличается от «и перечисления» только стилистически: данная лексема союза *да* устарела.

Этот союз может повторяться перед членами сочинительной конструкции, кроме первого, указывая на процесс формирования множества говорящим – очередной элемент множества добавляется к уже имеющимся. Ср.:

(47а) *Встав в окопе, Савельев старательно подогнал снаряжение. А было на нем, если считать автомат, да диск, да гранаты, да лопатку, да неприкосновенный запас в мешке, без малого пуд* (К. Симонов [МАС]).

(47б) *Эх, сейчас босиком бы по этому песочку, да по камешкам, да по хвое – хорошо!* (Ю. Домбровский).

Отметим, что союз «и перечисления» тоже допускает такое повторение, ср.: *Эх, сейчас босиком бы по этому песочку, и по камешкам, и по хвое – хорошо!* Если союз *да 1.1* повторяется, то его стилистическая окраска несколько иная: высказывание с этим союзом носит подчеркнуто разговорный характер, возможно, стилизовано под народную речь. С интересующей нас точки зрения союз *да 1.1* мало отличается от «и перечисления» и, следовательно, является жестким.

Близкая к *да 1.1* лексема *да 1.2* свободно употребляется в разговорной речи. Главная ее особенность состоит в том, что она выражает некоторую дополнительную информацию о множестве. При этом выделяется два круга употреблений этого союза¹⁰.

Первый круг употреблений представлен в примерах типа:

(48а) *Что он сам может приготовить – яичницу да сосиски.*

(48б) *Танцы продолжались, <...> и за столом, похоже, остались мы вдвоем – я да Мария Тихоновна* (Ф. Абрамов).

(49) *Вам ли, любящим баб да блюда, жизнь отдавать в угоду?!* (В. Маяковский).

Союз *да 1.2* выражает здесь оценку множества: он указывает на то, что оно включает не все мыслимые объекты, что их мало. Поэтому для союза *да 1.2* характерны контексты, в которых выражен или подразумевается смысл ‘только’. Ср.:

(50а) *Там сигареты да пиво, даже шоколада нет.*

(50б) *А нынче только ветры да крики пастухов* (А. Ахматова).

Союз *да 1.2* в этом употреблении может соединять однородные сказуемые. Ср.:

(50в) *Ходит да записывает.*

(50г) *Ест да ухмыляется.*

Союз *да 1.2* и в этом случае выражает оценку множества, в связи с чем может придавать высказыванию оттенок неодобрительности; ср.: *Ходит да записывает* при нейтральном *Ходит и записывает*.

В этом круге употреблений союз *да 1.2* может соединять сочиненные предложения. Ср.:

(51) *Золотые искры летели в темноту, да вдали, по полотну, краснел фонарь последнего вагона* (Б. Зайцев).

Пример типа (51) вполне допускает трансформацию сложносочиненного предложения в последовательность двух отдельных предложений. Ср.:

¹⁰ «Употребление лексемы – регулярное, но незначительное изменение ее словарного значения в определенных условиях» [Апресян 2004: L].

(52) *Золотые искры летели в темноту. Да вдали, по полотну, краснел фонарь последнего вагона.*

Поскольку союз *да* 1.2 в первом круге употреблений может соединять отдельные высказывания в тексте, то, по принятому определению, в данном круге употреблений он является мягким. Однако он вряд ли способен связывать большие фрагменты текста. Если так, то союз *да* 1.2 в рассматриваемом круге употреблений можно считать минимально мягким.

Во втором круге употреблений союз *да* 1.2 оформляет множество, элементы которого представляют собой последовательные ситуации (действия, события и т. п.). Ср.:

(53) *Но как явились вы <...> да начали рубить да жечь, так сразу же западный обыватель испугался до истерики и загородился от вас таким же стальным фюрером* (Ю. Домбровский).

(54) *А потом вызвали прокурора да закатили голодовку* (Ю. Домбровский).

В этом круге употреблений союз *да* 1.2 указывает на то, что между данными действиями (событиями) нет никакого промежуточного действия, никакой паузы – одна ситуация сменяет другую быстро, возможно – неожиданно. Ср. устойчивые сочетания: *За ушко да на солнышко* ‘без промедления’; *вынь да положь* ‘дай немедленно’. Благодаря этому для союза *да* 1.2 в этом круге употреблений характерен контекст особых глагольных форм или отсутствия глагола, указывающий на стремительность действия. Ср.:

(55) *Он кошке: «Брысь отсюда!» – да хватить ее веревкой.*

(56) *Раньше бы такого художника сразу <...> за шиворот да в участок* (Ю. Домбровский).

По той же причине союз *да* 1.2 во втором круге употреблений сочетается с частицей *как*, указывающей на силу и неожиданность действия. Ср.:

(57) *Подошел, посмотрел да как врежет ему.*

(58) *Сел на песок, взял ее ногу в руку, посмотрел, пощупал коленную чашечку – она лежит, только зубы стиснула и постанывает, – я приподнял ногу да как крутанул ее! <...> Щелкнуло там что-то и, чувствуя, стало на место* (Ю. Домбровский).

Как видно из примеров, союз *да* 1.2 во втором круге употреблений свободно соединяет однородные сказуемые. Однако он не связывает сочиненные предложения; ср. плохое высказывание: *??Стемнело, да хлынул дождь* (данное высказывание не выражает смысл ‘стемнело, и сразу хлынул дождь’).

Итак, союз *да* 1.2 во втором круге употреблений может соединять только однородные сказуемые. Следовательно, в данном круге употреблений союз *да* 1.2 является максимально жестким.

Отметим еще одно ограничение на синтаксис союза *да* 1.2 (в обоих кругах употреблений). Количество соединяемых им однородных членов не превышает двух-трех. Ср.:

(59) *Я ввел только ремарки да очень неясное место насчет того, что есть истина, дополнил по апокрифическому Евангелию Петра* (Ю. Домбровский).

(60) *Домишки <...> начали сниматься с мест, оставляя после себя груды пережженных кирпичей, ямы подполий с мышинными норками <...> да сгнившие нижние венцы* (В. Астафьев).

Это синтаксическое ограничение, по крайней мере для первого круга употреблений *да* 1.2, напрямую связано с оценочной семантикой этого союза. Заметим, что близкие по семантике союзы «и перечисления» и *а также* не накладывают ограничений на количество однородных членов¹¹.

¹¹ Союзы *да* в значении ‘и’ и *а также* подробно описаны (в сопоставлении с «и перечисления») в работе [Урысон 2004].

Мы убедились, что близкие по значению сочинительные союзы и даже разные употребления одного союза могут различаться по своим синтаксическим свойствам. Продемонстрируем это на примере еще одного сочинительного союза, а именно на союзе *а*.

2.3. СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ *А*

Союз *а* имеет три основные лексемы¹²:

«*а* ненормального следствия», ср.: *Пьеса слабая (Q), а народ на нее валом валит (P)*;

«*а* сопоставления», ср.: *Ты молода, здорова, красива, жить хочешь (Q), а я старик, почти труп (P)* (А.П. Чехов [МАС]); *Папа на работе, а мама в магазин ушла*;

«*а* поворота повествования», ср.: *Школа стояла на главной улице (Q), а эта улица соединяла город с вокзалом (P)*.

Все три лексемы могут соединять не только сочиненные предложения, но и фрагменты текста.

Примеры с союзом «*а* ненормального следствия»:

(61) *Дело к весне (Q), а мороз все жестче (P)*.

(62) *Дело к весне. День удлинился, солнце светит ярче. На календаре – середина марта. (Q) | А мороз все жестче. Ветер резкий, северный. По ночам волки воют. (P)*

Примеры с союзом «*а* сопоставления»:

(63) *Катя – интеллигентная девушка из хорошей семьи (Q), а Даша – простая, из села (P)*.

(64) *Катя – интеллигентная девушка из хорошей семьи. Ее родители – потомственные врачи. Она тоже еще в детстве решила стать хирургом. (Q) | А Даша – простая, из села. Мама у нее доярка, отец был трактористом, пил и рано умер. Ни о каком институте Даша и не мечтает. (P)*

Примеры с союзом «*а* поворота повествования»:

(65) *Стою на остановке, жду автобуса (Q), а мороз градусов тридцать (P)*.

(66) *Стою на остановке, жду автобуса. Сумка у меня неподъемная. (Q) | А мороз градусов тридцать. Вокруг ни души. (P)*

Для краткости мы привели лишь такие примеры, в которых союз *а*, функционируя как коннектор, связывает две группы высказываний. В последнем примере союз «*а* поворота повествования» открывает новый абзац. Аналогичное употребление нормально и для двух других лексем союза *а*: примеры (62) и (64) вполне допускают разбиение на два абзаца, второй из которых открывается союзом *а*.

Итак, союз *а* во всех трех приведенных значениях является максимально мягким. Однако и у этого союза находится жесткая лексема. Она описана в книге [Санников 1989: 177], но без указания синтаксических свойств. Примеры (два последних – из книги В.З. Санникова):

(67а) *Вхожу в метро (Q), а по нашей линии поезда не ходят (P)*.

(67б) *Выхожу я (Q), а он [волк], проклятый, сидит под ветлой и бьет себя лапой по морде (P)* (А.П. Чехов).

(68) *Тронул губу (Q), а у меня из-под губы – клык (P)* (В. Маяковский).

В.З. Санников описывает подобные высказывания как содержащие эллипсис: ‘Выхожу я и вижу, что...’; ‘Тронул губу и почувствовал, что...’. При этом си-

¹² Эти лексемы (первая и третья – с другими названиями) выделяются в работах [Крейдлин, Падучева 1974; Санников 1989]. Мы опираемся на описание союза *а*, данное в работе [Урысон 2011].

туация Q, обнаруживаемая субъектом ситуации P, является для него неожиданной [Там же: 177]. Естественно усматривать в данных высказываниях отдельную лексему союза *a*, которая близка лексеме «*a* поворота повествования» и, скорее всего, объединяется с нею в один блок, но все же достаточно сильно отличается от нее семантически. Вслед за В.З. Санниковым будем называть эту лексему «*a* обнаружения».

Союз «*a* обнаружения» соединяет только сочиненные предложения и не способен связывать даже отдельные высказывания в тексте. Действительно, сравним следующие примеры:

(69а) *Выхожу я вчера на улицу (Q), а в соседском огороде чьи-то куры ходят (P). (Я сразу к соседям).*

(69б) *Выхожу я вчера на улицу. (Q) А в соседском огороде чьи-то куры ходят. (P) (Соседи этого не видят).*

В примере (69а) выражено, что субъект ситуации Q неожиданно для себя обнаруживает ситуацию P. Следовательно, в этом высказывании фигурирует союз «*a* обнаружения». Высказывание (69б) не содержит никакой подобной информации – в нем выступает союз «*a* поворота повествования». Можно думать, что кратчайшая пауза между P и Q в случае «*a* обнаружения» иконически отражает идею неожиданности, выражаемую этим союзом.

Как это ни парадоксально, сочинительный союз *a*, наряду с максимально мягкими лексемами, имеет и жесткую. При этом союз «*a* обнаружения» является максимально жестким: из двух синтаксических возможностей союза – связывать сочиненные предложения и соединять однородные члены предложения – он реализует только первую. Отметим, что союз «*a* обнаружения» стилистически не вполне нейтрален: он характерен для разговорной речи, точнее – для разговорного повествования.

2.4. НЕКОТОРЫЕ ПОДЧИНТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

Причинный союз *потому что* и уступительный союз *хотя* являются мягкими. Ср.:

(70) *Маша все делает для Пети. Она помогала его маме в больнице. Она нашла для него хорошую работу. Она дает ему деньги в долг. (Q) | Потому что она до сих пор любит его. Все ее планы связаны с ним. (P)*

(71) *Мы долго и упорно делали эту работу. Сидели ночами. Тщательно проверяли расчеты. (Q) | Хотя этот проект нам всем давно надоел. Каждый из нас уже искал другую работу. (P)*

Оба приведенных примера допускают разбиение на два абзаца, причем второй абзац тогда начинается союзом. Следовательно, подчинительные союзы *потому что* и *хотя* являются максимально мягкими.

Рассмотрим теперь некоторые временные союзы.

Основной временной союз *когда* – мягкий. Ср.:

(72) *Петя часами играл в компьютерные игры. Он болтал по телефону и не прикасался к учебникам. (Q) | Когда отца не было дома. (P)*

Однако синтаксис этого союза подчиняется тонким правилам, имеющим коммуникативную подоплеку. Прежде всего, далеко не любое сложноподчиненное предложение с союзом *когда* можно трансформировать в последовательность двух отдельных предложений. Ср. нормальный пример (73) и странный (74):

(73) *Я закрыл книгу (Q), когда стало совсем темно (P).*

(74) *?Я закрыл книгу. (Q) Когда стало совсем темно (P).*

Пример (74), вообще говоря, возможен. Однако, в отличие от приводившихся выше примеров с союзами-коннекторами, в частности от (72), он устроен по-другому. В (74) союз *когда* соединяет не фрагменты текста, а придаточное предложение с главным, но это сложное предложение парцеллировано. Парцеллированные высказывания в данной работе не рассматриваются. Требуется понять, в каких контекстах союз *когда* может выступать как коннектор, т. е. связывать отдельное предложение с предшествующим при отсутствии парцелляции. Наша гипотеза состоит в следующем.

В высказывании вида *Q, когда P* ситуации P и Q соотносятся во времени, и эту соотнесенность выражает союз *когда*. Сами ситуации P и Q (или одна из них) могут быть важными или новыми, но могут быть и известными, подразумеваемыми или уже упоминавшимися. Во втором случае эти ситуации не находятся в фокусе внимания говорящего, и тогда новым и важным является факт их соотнесенности во времени. Таково высказывание (73): здесь коммуникативно важно не то, что субъект закрыл книгу (Q), и не то, что стало совсем темно (P), – обе эти ситуации подразумеваются. В фокусе внимания в данном случае находится временная соотнесенность ситуаций. В подобном случае союз *когда* не может быть коннектором. И действительно, (74) представляет собой парцеллированное высказывание.

Если же в фокусе внимания говорящего находится сам факт существования ситуации Q или P, то соответствующий смысл может быть оформлен в виде текста: *Q. Когда P*. Таков пример (72).

По этой же причине союз *когда* часто выступает как коннектор, если Q представляет собой императивное высказывание. Ср.:

(75) *Приходи. (Q) Когда захочешь. (P)*

Иногда один и тот же смысл может быть оформлен двумя способами: и в виде сложноподчиненного предложения, и в виде текста. Ср.:

(76) *Петя часами играет в компьютерные игры (Q), когда отца нет дома (P).*

(77) *Петя часами играет в компьютерные игры. (Q) Когда отца нет дома (P).*

Способ подачи смысла зависит от его коммуникативной организации, т. е. от фокуса внимания говорящего: в (77), в отличие от (76), говорящий акцентирует факт существования Q.

Благодаря этому семантическому акценту, тексты типа (72), (77) выражают некоторый дополнительный модальный смысл. В первом приближении это семантическое наращение можно сформулировать так: ‘P, только когда Q’. Отсюда естественное понимание: отец запрещал Q. В примерах типа (76) этот смысл специально не выражен. Впрочем, наше знание действительности обеспечивает практически одинаковое понимание примеров типа (76) и (77).

Кроме изложенного требования к характеру ситуации Q, существует еще одно, более частное требование, которое коннектор *когда* накладывает на контекст. Это ограничение на строение второго фрагмента (P). Как видно из примеров, данный фрагмент может состоять из одного предложения, ср. (72), (76), но может представлять собой и последовательность отдельных предложений. Ср.:

(78) *Ваня прогуливал школу. Он курил дома и не прикасался к учебникам. (Q) | Когда бабушка болела. И <a, или> мама готовила новый спектакль. (P)*

Однако в последнем случае предложения внутри фрагмента P должны связываться друг с другом каким-то коннектором, ср. союз *и <a, или>* в (78). При отсутствии такого коннектора текст теряет связность и становится непонятным. Ср.:

(79) **Ваня прогуливал школу. Он курил дома и не прикасался к учебникам. (Q) | Когда бабушка болела. Мама готовила новый спектакль. (P)*

Итак, основной временной союз *когда* является мягким, однако он может функционировать как коннектор не в любом контексте: требуется, чтобы высказывание Q обозначало такую ситуацию, существование которой акцентируется говорящим, а фрагмент P, если он состоит более чем из одного высказывания, сам содержал определенные коннекторы.

Заметим, что союзы *потому что* и *хотя*, выступая как коннекторы, налагают то же коммуникативное ограничение на Q. Однако в высказывании вида Q, *потому что* <*хотя*> P высказывание Q всегда обозначает ситуацию, факт существования которой может акцентироваться. Что касается союза *когда*, то в высказывании вида Q, *когда* P ситуация Q может быть тривиальной, а потому факт ее существования не попадает в фокус внимания.

По-видимому, это различие между союзами связано с особой природой причинно-следственной связи. Действительно, установление такой связи предполагает, что субъект фокусирует на данной ситуации свое внимание, размышляет о ее причине; далее он выбирает ту ситуацию, которую считает причиной, из множества ситуаций действительности. Констатация соотнесенности двух ситуаций во времени не всегда предполагает такой фокус внимания и такое размышление.

Это различие между причинно-следственным и временным отношениями можно считать прагматическим или когнитивным, но как бы то ни было, оно отражается в возможности того или иного распределения семантических акцентов в высказывании и, следовательно, в функционировании союзов как коннекторов¹³.

Возьмем теперь некоторые другие временные союзы.

Союз *пока* в рассматриваемом отношении, по-видимому, не отличается от *когда*. Ср.:

(80) *Ребята бегали, шумели, даже дрались. (Q) Пока не зазвонил звонок. (P)*

(81) *Уходи. (Q) Пока тебя не побил. (P)*

Союз *как только* тоже, по-видимому, является мягким. Ср.:

(82) *Он уволился. (Q) Как только узнал об этих перемещениях. (P)*

(83) *Беги. (Q) Как только услышишь шаги на лестнице. (P)*

Союз *прежде чем*, семантически близкий союзу *как только*, функционирует как коннектор далеко не так свободно. Следующие примеры не так естественны, как (82)–(83). Ср.:

(84) *Они уехали. (Q) Прежде чем все это началось. (P)*

(85) *Услышишь шаги на лестнице и беги. (Q) Прежде чем они начнут звонить в дверь. (P)*

Как бы мы ни оценили примеры (84) и (85), они в корне отличаются от предыдущих просодическим оформлением: коннектор *прежде чем* требует контрастного ударения на элементе *прежде*. Ср.: *Они уехали. Пре↓жде чем все это началось; Услышишь шаги на лестнице и беги. Пре↓жде чем они начнут звонить в дверь*. Заметим, что при парцелировании высказывания таких просодических изменений обычно не происходит. Сам союз *прежде чем* допускает контрастное ударение на элементе *прежде*, но оно не является обязательным. Следовательно, в описании союза *прежде чем* в функции коннектора нужно отразить эту его просодическую особенность.

¹³ Напомним, что уступительный союз *хотя* тоже в каком-то смысле маркирует причинно-следственную связь между двумя ситуациями. Однако он указывает на нарушение обычной причинно-следственной связи. Естественно считать, что информация об обычных связях между ситуациями фиксируется в «обиходной энциклопедии», т. е. в некоторой базе знаний, вероятно, в виде фреймов или сценариев. Для того чтобы констатировать нарушение этих обычных причинно-следственных связей, требуется обращение к некоторой базе знаний и сравнение данного положения дел с обычным. Эта операция заведомо сложнее, чем соотнесение двух ситуаций во времени.

В [Грамматика-80] к временным союзам отнесено сочетание *как вдруг*. Ср.:

(86) *Гости уже стояли в передней (Q), как вдруг на лестнице раздался странный шум (P).*

Союз *как вдруг* тоже может функционировать как коннектор. Ср.:

(87) *Гости уже стояли в передней. (Q) Как вдруг на лестнице раздался странный шум. (P)*

Обратим, однако, внимание на то, что в (86) сочетание *как вдруг* не имеет собственного ударения, что нормально для союза. В (87) то же сочетание может быть оформлено двояко: без собственного ударения или с подъемом тона: *Как вдруг↑ на лестнице раздался странный шум*. Последнее оформление характерно для наречий. Как видим, союз *как вдруг* относится к мягким, однако в функции коннектора он обладает просодической спецификой, которую нужно отразить в его словарном описании.

Среди временных союзов есть и жесткий. Это союз *в то время как*. Ср.:

(88) *Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах (Q), в то время как он находился в отъезде в поле (P)* (А.С. Пушкин).

Пример (88) не допускает трансформации, превращающей сложносочиненное предложение в два отдельных высказывания, второе из которых вводится коннектором. По-видимому, данный союз акцентирует одновременность ситуаций Q и P и не допускает фокуса внимания на них самих.

Можно было бы подумать, что причина жесткости союза *в то время как* не в его семантике, а в его составной природе. К тому же данный союз расчленяем (ср.: *в то время, как*), причем компонент *в то время* может присоединять «лексические актуализаторы», например *как раз, именно* и т. п. [Грамматика-80: 557]. Ср.:

(89) *Я спросил об этом деда как раз в то время, как он замахнулся было вторым валенком* (М. Пришвин).

Заметим, однако, что уступительный союз *несмотря на то что* тоже расчленяем (ср. *несмотря на то, что*), но при этом является мягким. Ср.:

(90) *Мы даже не думали о том, что можно остаться дома. Рано встали. Быстро собрались и вышли. (Q) | Несмотря на то что на улице лил дождь и начинался сильный ветер. (P)*

Расчленяем и причинный союз *потому что* (ср. *потому, что*), что не мешает ему быть синтаксически мягким. Таким образом, составной характер союза не влияет на его способность быть коннектором.

Мы попытались показать, что функция коннектора присуща не всем союзам, причем для разных союзов она характерна в разной степени. При этом некоторые подчинительные союзы выступают в функции коннектора лишь в определенном контексте; а некоторые подчинительные союзы, функционируя как коннекторы, приобретают особые просодические черты.

Перейдем теперь к вопросам теоретического синтаксиса.

3.1. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СИНТАКСИСА СОЮЗОВ И КОННЕКТОРОВ

Союзы естественно считать предикатами с двумя семантическими актантами – P и Q, причем в нашем материале оба семантических актанта союза представляют собой ситуации. Ср.: *Хотя был сильный мороз (Q), лыжные тренировки не отменялись (P)* [‘хотя Q, P’]; *Когда ты сдашь последний экзамен (Q), мы поедem на дачу (P)* [‘когда P, Q’]; *Шел дождь (P), и было холодно (Q)* [‘P, и Q’]; *Я устала (P), а тебе никакого дела нет (Q)* [‘P, а Q’].

Сколько у союза синтаксических валентностей?

Синтаксическая валентность лексемы – это, по определению, «способность предикатной лексемы синтаксически подчинять себе слово, группу слов или предложение, которые соответствуют ее семантическому актанту» [Апресян 2004: XXV]. Из этого определения следует, что синтаксический актант некоторой предикатной лексемы – это ее синтаксическое зависимое.

Условимся, что в рассматриваемых нами случаях как подчинительный, так и сочинительный союз синтаксически подчиняют себе оба связываемых предложения: $P \leftarrow \text{когда} \rightarrow Q$, $P \leftarrow \text{хотя} \rightarrow Q$, $P \leftarrow \text{и} \rightarrow Q$, $P \leftarrow \text{а} \rightarrow Q$.

В случае жесткого союза правила реализации его синтаксических валентностей принципиально не отличаются от, скажем, правил реализации валентностей глагола (с той разницей, что синтаксические валентности союза насыщаются отдельными предложениями в составе сложного).

А как описать синтаксис коннектора, связывающего отдельные высказывания или большие фрагменты текста?

Для наглядности сравним сложноподчиненное предложение, содержащее подчинительный союз *хотя*, и текст, содержащий коннектор *тем не менее*:

(91) Был очень сильный мороз (*P*). Тем не менее лыжные тренировки не отменялись (*Q*).

(92) Хотя был очень сильный мороз (*P*), лыжные тренировки не отменялись (*Q*).

И союз *хотя*, и коннектор *тем не менее* описывают положение дел, когда имеют место две ситуации – *P* и *Q*, причем ситуация *P* препятствует существованию ситуации *Q*. Тем самым слова *хотя* и *тем не менее* имеют по два семантических актанта. Актант *P* – это ситуация-препятствие, актант *Q* – «ключевая» ситуация. Однако союз *хотя* непосредственно вводит указание на ситуацию-препятствие (*P*) и располагается в соответствующем предложении. А *тем не менее* вводит указание на «ключевую» ситуацию (*Q*) и располагается в предложении, обозначающем данную ситуацию. Условимся, что коннектор *тем не менее* подчиняет себе вводимое им предложение. Легко видеть, что *тем не менее* и *хотя* находятся в отношении конверсии [В. Апресян 1999; Урысон 2003]. Это различие между *хотя* и *тем не менее* сразу бросается в глаза, однако нас сейчас интересует более формальный вопрос: как выражаются актанты *P* и *Q* данных слов. Подчеркнем, что мы будем рассматривать союз *хотя* в классической позиции союза, т.е. в составе сложноподчиненного предложения, а коннектор *тем не менее* – в позиции между фрагментами текста.

Каждому семантическому актанту союза *хотя* в классической позиции союза соответствует синтаксический актант (один из них – главное предложение, а второй – придаточное), причем как оба семантических, так и оба синтаксических актанта союза *хотя* являются обязательными. Синтаксические актанты союза *хотя* в рассматриваемой позиции описываются в синтаксических терминах и могут быть полностью заданы синтаксическими правилами. Союз *хотя* в этой позиции – это и семантически, и синтаксически двухместный предикат.

А сколько синтаксических валентностей (и синтаксических актантов) у единицы *тем не менее*?

Теория валентностей (в частности, используемая в модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ») предназначена прежде всего для представления семантических и синтаксических актантов предиката внутри предложения [Апресян 1974; Мельчук 1974]. Рамками высказывания ограничивается и более широкая теория сфер действия лексических единиц [Богуславский 1996]. Между тем единица *тем не менее* принадлежит к классу коннекторов, а они выражают семантические связи между фрагментами текста, иногда достаточно большими. Функционирование таких единиц удается представить только выйдя за пределы высказывания.

Лексическая единица *тем не менее* располагается в начале или в середине предложения (ср.: *Тем не менее лыжные тренировки не отменялись* – *Лыжные тренировки*

тем не менее не отменялись). Как мы условились, она подчиняет себе это предложение. Следовательно, *тем не менее* обладает синтаксической валентностью на «ключевую» ситуацию Q. Соответствующий синтаксический актанта выражается предложением, в котором находится *тем не менее*.

Что касается ситуации-препятствия P, то ее обозначение может описываться весьма длинным фрагментом предтекста. Так, в текстах, откуда взяты следующие примеры, описание «препятствий» для Q занимает не одну страницу. Ср.:

(93) *Тем не менее костюм от редакции я получил* (С. Довлатов).

(94) *Тем не менее друг к другу они чувствовали настоящую приязнь и разговаривали обо всем совершенно свободно* (Ю. Домбровский).

Эти примеры, между прочим, демонстрируют, почему коннектор естественно синтаксически относить к правому, а не к левому конъюнкту. (Можно было бы считать, что синтаксически коннектор вообще не относится ни к одному высказыванию текста. Однако подобный подход требует принципиального расширения синтаксической теории, без которого, как кажется, можно вполне обойтись.)

Из (93)–(94) ясно, что к выражению семантического актанта P единицы *тем не менее* не может быть применено определение синтаксической валентности и синтаксического актанта: синтаксический актанта некоторой предикатной лексемы – это ее синтаксическое зависимое, а оно располагается в пределах того же высказывания, что и сам данный предикат.

Разумеется, ситуация-препятствие P может быть выражена в пределах того же высказывания, что и *тем не менее*. Ср.:

(95) *Подавленный всем случившимся, он тем не менее продолжает лекцию* [ситуация P – ‘он подавлен всем случившимся’].

(96) *Мало что понимая по-немецки, Иван тем не менее догадывался, как издевается над всем виденным Георг Майзель* (А. Азольский) [ситуация P – ‘Иван мало что понимал по-немецки’].

(97) *В этом городе, где уже столько лет вытравляется дух приключения, оно тем не менее живет, ползет по улицам, лепится к окнам* (В. Аксенов) [ситуация P – ‘в этом городе уже столько лет вытравляется дух приключения’].

Однако ситуация-препятствие P в приведенных примерах выражается самыми разными способами, причем невозможны никакие сколько-нибудь естественные соглашения, при которых соответствующие фрагменты предложения разумно было бы считать синтаксическими зависимыми единицы *тем не менее*. Получается, что данная единица не имеет синтаксической валентности, соответствующей ее семантическому актанта P.

Таким образом, союз *хотя* и семантически, и синтаксически двухвалентен (мы сейчас абстрагируемся от способности этого союза быть коннектором), а единица *тем не менее*, имеющая два семантических актанта, должна быть признана синтаксически одновалентной. Между тем к обозначению ее второго семантического актанта предъявляются вполне четкие формальные требования.

Во-первых, семантический актанта «ситуация-препятствие» единицы *тем не менее* выражается только в предтексте. Во-вторых, обозначение этого актанта должно содержать рему (основную или второстепенную), см. примеры выше. То есть какие-то формальные требования к выражению обсуждаемого актанта есть, однако их слишком мало для автоматического анализа или синтеза текста.

В рамках модели «СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ» (да и любой собственно синтаксической концепции) описание подобных ограничений на выражение семантического актанта не предусмотрено. Попытаемся применить к нашему случаю концепцию сфер действия лексических единиц [Богуславский 1996].

3.2. ОБСУЖДЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АППАРАТА

Идея И.М. Богуславского состоит в том, что «разумно было бы называть синтаксическим актантом любое синтаксическое образование, значение которого соответствует семантическому актанту» [Богуславский 1996]. Но поскольку термин «синтаксический актант» имеет вполне устоявшееся, традиционное понимание, не распространяющееся на любое синтаксическое образование, то вместо него вводится новый, более широкий термин: синтаксическая сфера действия лексемы по ее семантическому актанту.

Казалось бы, приведенное определение идеально подходит для нашего случая: у единицы *тем не менее* есть синтаксическая сфера действия по семантической валентности на ситуацию-препятствие Р, а значит, и соответствующий синтаксический актант.

Однако во всех случаях, разобранных И.М. Богуславским, речь идет о тех синтаксических сферах действия, которые задаются четкими, вполне алгоритмизируемыми лингвистическими правилами. Этот факт имеет принципиальный характер: если, заменяя понятие синтаксического актанта более широким и гибким понятием синтаксической сферы действия, мы откажемся от четких требований к поверхностному выражению актанта, то нам придется отказаться и от идеи алгоритмизуемого обнаружения синтаксического представления высказывания.

Ясно, что выражение семантического актанта Р единицы *тем не менее* не может быть задано строгими синтаксическими правилами.

В рамках модели «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ» в таких случаях принято говорить, что данный семантический актант невыразим и лексема не имеет соответствующей синтаксической валентности. Ср. классический пример – глагол *промахнуться* [Мельчук 1974: 135; Апресян 1974: 148].

Глагол *промахнуться* описывает ситуацию, когда субъект стреляет или бросает нечто в цель, или мишень, но не попадает в нее. Однако семантический актант «мишень» не может оформляться как обычный синтаксический актант глагола: в русском языке нет стандартного словосочетания ^{??}*промахнуться по кому-л./чему-л.* <**в кого-л./что-л.*>, хотя нормально словосочетание *стрелять в кого-л./что-л.* При этом данный «невыразимый» семантический актант свободно выражается в тексте. Ср.: *Охотник выстрелил в волка, но промахнулся.* Однако его выражение невозможно задать теми формальными правилами, которыми описывается реализация валентностей¹⁴.

Семантический актант «ситуация-препятствие» коннектора *тем не менее* тоже не может быть полностью задан формальными синтаксическими правилами. Следовательно, этот актант тоже является «невыразимым».

Однако между *промахнуться* и *тем не менее* есть принципиальное различие.

3.3. ДВА ТИПА «НЕВЫРАЗИМЫХ» СЕМАНТИЧЕСКИХ АКТАНТОВ

Невыразимость объекта глагола *промахнуться* обусловлена тем, что данный его семантический актант фигурирует в пресуппозиции лексемы, а не в ассерции [Плунгян, Рахилина 2005]. Аналогичным образом обстоит дело с глаголами, обозначающими ликвидацию результата действия. «У глаголов типа *забинтовать (руку марлей)*, *заворачивать (покупку в бумагу)*, *завязывать (ящик веревкой)* имеется валентность средства-объекта, нереализуемая у их антонимов *разбинтовать (руку)*, *разворачивать (покупку)*, *развязывать (ящик)*, хотя в принципе она у них есть, потому что их невозможно истолковать, не упоминая некоего Х-а (средства-объекта), который А снимает с В. Аналогичную семантическую структуру имеют и другие антонимы этого класса, к числу

¹⁴ Возможность высказываний типа *Из винтовки с оптическим прицелом и при хорошей видимости я по такой мишени не промахнусь* подробно обсуждается в книге [Мельчук 1974: 135] и в работе [Перцов 2006]. В связи с этим возникает вопрос: верно ли, что у глагола *промахнуться* нет синтаксического актанта на выражение мишени. Обоснование разных точек зрения на эту тему даны в цитированных работах, а также в рецензии [Урысон 2008б].

которых можно отнести, помимо уже названных слов, *развьючить* (осла), *разгрузить* (машину), *разжать* (уши), *растегнуть* (пальто) и многие другие (ср. исходные глаголы *навьючить* (осла тюками), *нагрузить* (машину зерном), *зажать* (уши ладонями), *застегнуть* (пальто на все пуговицы))» [Апресян 1974: 147]. У всех этих слов тоже невыразим семантический актанта, фигурирующий в пресуппозиции значения лексемы. Естественно, что такой подразумеваемый актанта может вообще никак не называться в тексте, что не нарушает его правильности. Ср.: *Не знаю, куда он метил, знаю только, что промахнулся; Чем он зарабатывает? – Вагоны разгружает* и т.п.

Что касается лексемы *тем не менее*, то выражение ее обсуждаемого актанта в тексте совершенно обязательно. Высказывание типа *Тем не менее костюм от редакции я получил* обязательно предполагает предтекст, содержащий описание ситуации-препятствия Р. Ситуация парадоксальна: семантический актанта, с одной стороны, по определению «невыразим», а с другой стороны, его выражение в тексте совершенно обязательно.

Для представления рассмотренных фактов мы воспользуемся концепцией И.М. Богуславского, введя, однако, новые определения.

3.4. ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКИХ СФЕР ДЕЙСТВИЯ ЛЕКСЕМЫ ПО НЕКОТОРОМУ АКТАНТУ

Обычно семантический актанта некоторой лексемы выражается в тексте по достаточно строгим регулярным правилам, имеющим синтаксическую природу; таковы, например, актанта глагола, выражаемые дополнениями. Однако у некоторых лексем есть такие семантические актанта, выражение которых не подчиняется подобным синтаксическим правилам; таков, например, актанта «мишень» глагола *промахнуться*. Эти случаи требуется различать.

Примем, вслед за И.М. Богуславским, что синтаксический актанта, точнее, синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актанта – это любое синтаксическое образование, значение которого соответствует семантическому актанта. Из изложенного ясно, что в языке представлено два типа синтаксических актанта (синтаксических сфер действия). Синтаксическая сфера действия (синтаксический актанта) первого типа полностью описывается лингвистическими правилами. Будем называть такие синтаксические актанта лингвистически хорошо определенными. Синтаксические актанта второго типа не описываются лингвистическими правилами. Будем называть такие синтаксические актанта лингвистически неопределенными. Более точно:

- Если синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актанта вполне описывается строгими лингвистическими правилами, будем говорить, что данная синтаксическая сфера лингвистически хорошо определена.

Хорошо определены синтаксические сферы действия, соответствующие «классическим» синтаксическим актанта, например глагольным дополнениям. Хорошо определенными являются и синтаксические сферы действия частиц, описанные в книге [Богуславский 1996].

- Если синтаксическая сфера действия лексемы по некоторому семантическому актанта не может быть описана строгими лингвистическими правилами, будем говорить, что данная синтаксическая сфера является лингвистически неопределенной.

Примеры: синтаксическая сфера действия семантического актанта «мишень» глагола *промахнуться*; синтаксическая сфера действия семантического актанта «объект» глагола *разгружать*.

Среди лингвистически неопределенных синтаксических сфер действия выделяется важный подкласс. Это такие сферы действия, которые описываются правилами лишь частично. Таковы синтаксические сферы действия коннектора. Возьмем, например, коннектор *между тем*. Ср.: (11в) *Мы уже давно сбились с дороги. Всем хотелось есть. (Q) | Между тем начало смеркаться. Собиралась гроза. (P)*. Про сферы действия Р и Q этого коннектора известно лишь то, что одна из них находится в предтексте, непо-

средственно примыкая к коннектору, а другая вводится коннектором. Но каждая из этих сфер действия имеет и вторую границу, удаленную от коннектора, и она не может быть определена в строгих терминах. Такую синтаксическую сферу действия будем называть частично лингвистически определенной. Более точно:

- Будем говорить, что синтаксическая сфера действия лексемы по данному семантическому актанту является частично лингвистически определенной, если выражение данного актанта описывается формальными правилами не полностью.

Вернемся к синтаксическому различию между союзом *хотя* и коннектором *тем не менее*. Оба слова имеют по два семантических актанта, и каждому актанту соответствует своя синтаксическая сфера действия. При этом у союза *хотя* (если он не выступает в функции коннектора) обе синтаксические сферы действия являются лингвистически хорошо определенными: синтаксическая сфера действия по одному актанту – это главное предложение, а по другому актанту – придаточное. У коннектора *тем не менее* лингвистически хорошо определена синтаксическая сфера действия только по одному актанту («ключевая ситуация»). Синтаксическая сфера действия по второму актанту («ситуация-препятствие») определена лишь частично.

У многих коннекторов, в частности у мягких союзов в функции коннектора, частично определены обе синтаксические сферы действия: коннектор обозначает лишь границу между ними. Ср. приведенный выше пример (11в), а также текст (62): *Дело к весне. День удлинился, солнце светит ярче. На календаре – середина марта. (Q) | А мороз все жестче. Ветер резкий, северный. (P).*

Для нахождения семантического актанта, которому соответствует частично определенная синтаксическая сфера действия, требуется не только собственно лингвистическая информация (например, о линейном расположении фрагментов текста), но и понятийный анализ текста, невозможный без привлечения обширных «энциклопедических знаний» о действительности. Возможно, подобная процедура и поддается какой-то алгоритмизации, но при этом предполагается обработка не синтаксической или семантической структуры высказывания (текста), а некоторой понятийной сети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Лингвистическая терминология Нового объяснительного словаря синонимов русского языка // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. *Апресяна*. М., 2004.
- В. *Апресян* 1999 – В.Ю. *Апресян*. Уступительность в языке и слова со значением уступки // Вопросы языкознания. 1999. № 5.
- Богуславский 1996 – И.М. *Богуславский*. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Грамматика-80 – Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.
- Крейдлин, Падучева 1974 – Г.Е. *Крейдлин*, Е.В. *Падучева*. Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9.
- МАС – Толковый словарь русского языка в четырех томах. Т. 1–4. М., 1985–1990.
- Мельчук 1974 – И.А. *Мельчук*. Опыт теории построения моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Плунгян, Рахилина 2005 – В.А. *Плунгян*, Е.В. *Рахилина*. Приземлиться и промахнуться: семантические механизмы синтаксических ограничений // Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели «Смысл ⇔ Текст». М., 2005.
- Перцов 2006 – Н.В. *Перцов*. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11).
- Прияткина 1971 – А.Ф. *Прияткина*. К изучению союзных связей вторичного характера // Современный русский язык. Т. XII. Владивосток, 1971.
- Санников 1989 – В.З. *Санников*. Русские сочинительные конструкции. М., 1989.
- СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. *Ушакова*: В 4 т. М., 1935–1940.
- Урысон 2000 – Е.В. *Урысон*. Русский союз и частица *и*: структура значения // Вопросы языкознания. 2000. № 3.

- Урысон 2003 – *Е.В. Урысон*. Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением // *Русский язык в научном освещении*. 2003. № 2 (6).
- Урысон 2004 – *Е.В. Урысон*. Словарная статья «И, ДА, А ТАКЖЕ» // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2004.
- Урысон 2008а – *Е.В. Урысон*. Синтаксические свойства союзов и теория валентностей // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. статей в честь Е.В. Падучевой*. М., 2008.
- Урысон 2008б – *Е.В. Урысон*. [Рец. на:] О.Н. Селиверстова. Труды по семантике. М., 2004. 959 с. // *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* 2008. Т. 67. № 3.
- Урысон 2011 – *Е.В. Урысон*. Опыт описания семантики союзов. М., 2011.
- Урысон 2012 – *Е.В. Урысон*. Союзы, коннекторы и теория валентностей // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог'2012»*. Вып. 11. Т. 1. М., 2012.
- Шмелев 1973 – *Д.Н. Шмелев*. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Урысон
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
uryson@gmail.com
Статья поступила в редакцию 18.09.2012

© 2013 г.   В.И. ПОДЛЕССКАЯ, А.В. СТАРОДУБЦЕВА

О ГРАММАТИКЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ НЕЧЕТКОЙ НОМИНАЦИИ В ЖИВОЙ РЕЧИ*

Если говорящий испытывает трудности при подборе адекватной точной номинации или просто избегает точной номинации в силу тех или иных прагматических причин, он прибегает к использованию лексических, грамматических и просодических сигналов, которые предупреждают слушающего об этой ситуации. В работе исследуется грамматика средств выражения нечеткой номинации, способы их интегрирования в структуру клаузы. Подробно рассматривается одно из таких средств – японское деепричастие репрезентативности.

Ключевые слова: нечеткая номинация, устная речь, дискурс

Investigated are lexical, grammatical and prosodic resources that allow the speaker to refer to objects and events for which the speaker fails to retrieve the exact name, or simply finds the exact name to be unnecessary or inappropriate. Structurally, these resources can be used instead of the supposed exact correlate (as a cover bleached nomination) or together with it (as a signal that the speaker doesn't take the full responsibility for the given actual nomination it is added to). As a case study, Japanese converbs that express inexhaustive list of actions (the so-called «*tari* forms») are described in detail.

Keywords: hedge, vague reference, approximation, placeholder, Russian, Japanese

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Предмет данного исследования – феномен нечеткой, или приблизительной, номинации. Необходимость в нечеткой номинации возникает у говорящего в тех случаях, когда прямое точное название объекта или положения дел оказывается по каким-то причинам невозможным или нежелательным. В частности, в спонтанной речи говорящий может испытывать временные трудности при поиске нужного выражения или подходящее выражение вообще может отсутствовать в арсенале говорящего; бывает и так, что нужное выражение в арсенале имеется, но говорящий считает его употребление по каким-либо прагматическим причинам неуместным – например, оно стилистически не вписывается в текущий регистр дискурса, табуировано и проч. В таких случаях говорящий с помощью специальных языковых средств информирует слушающего о том, что снимает с себя ответственность за точность вербализации и предоставляет слушающему возможность сильного сотрудничества в реконструкции исходного смысла. Так, в следующем примере этой задаче служат слова *что-то вроде* и *или ещё как*:

* Работа поддержана грантами РГНФ (№ 12-04-00258), РФФИ (№ 13-06-00179) и «Программой стратегического развития РГГУ».

(1) НКРЯ¹

по второму этажу было сооружено что-то вроде веранд, антресолей или ещё как [В. Астафьев. Пролетный гусь (2000)].

Изучение нечеткой номинации как оформившееся направление в лингвистических исследованиях связывается, прежде всего, с работой Дж. Лакоффа [Lakoff 1972], написанной под впечатлением в то время стремительно набирающих популярность публикаций Л. Заде по теории нечетких множеств [Zadeh 1965]. В работе [Lakoff 1972] впервые вводится для языковых маркеров нечеткой номинации термин «hedge» ‘уклончивое выражение’, в буквальном переводе «прикрытие», так и не получивший устойчивого аналога в русской лингвистике. Между тем в англоязычных работах термины «hedge» и особенно «hedging» ‘использование уклончивых выражений’ получили чрезвычайно широкое хождение (ср., например, объемные коллективные монографии [Markkanen, Schröder 1997; Kaltenböck, Mihatsch, Schneider 2010]). Данный круг явлений исследуется, прежде всего, с точки зрения возможных прагматических эффектов, связанных с «уклонением» от точного именованного, что квалифицируется как «нежесткое использование языковых выражений» (*loose uses of language*, ср. [Jucker et al. 2003; Sperber, Wilson 1991: 546]), как «размытая референция» или «размытая категоризация» (*vague reference / categorization*, ср. [Channell 1994]), как «дейксис распознавания» (*recognitional deixis*, ср. [Enfield 2003]) и др. Исследователи единодушно признают, что говорящий прибегает к нечеткой номинации сознательно, используя ее как эффективное средство речевого взаимодействия.

Что касается грамматики средств выражения нечеткой номинации, то она изучена значительно слабее, чем семантика и прагматика. Наша статья ставит своей целью по-сильно восполнить этот пробел. Композиционно работа делится на две части. В первой части рассматриваются основные способы интегрирования средств нечеткой номинации в структуру предложения. Мы покажем, что наряду с более распространенными – и, как следствие, более изученными – лексическими средствами нечеткой номинации в этой зоне успешно функционируют грамматические и просодические средства. Среди грамматических средств мы выделим более редкие – и, как следствие, менее изученные: те, которые опираются не на именную, а на глагольную морфосинтаксис. И наконец, покажем, как той же цели могут служить чисто синтаксические и просодические стратегии – прежде всего, средства оформления конструкций открытого списка типа *Швед, русский – колет, рубит, режет...* Вторая часть работы посвящена детальному рассмотрению одного конкретного грамматического средства выражения нечеткой номинации – японской инфинитивной формы на *tari*, в японистике традиционно именуемой «деепричастием репрезентативности». Опираясь на данные живой речи (электронный корпус блогов), мы продемонстрируем, как задействованные одновременно специфическая глагольная форма и особая синтаксическая конструкция неполного перечисления эффективно используются в тех случаях, когда говорящий не может или не хочет искать точную вербализацию некоторого смысла. В итоге конкретные факты японской грамматики помогут уточнить общий реестр разноуровневых средств выражения нечеткой номинации и возможные параметры их межъязыкового варьирования.

---

¹ Русские примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и трех экспериментальных корпусов устной монологической речи: «Рассказы о свидениях», «Рассказы сибиряков о жизни» и «Веселые истории из жизни». Экспериментальные корпуса доступны в пилотном режиме на сайте spokencorpora.ru (разрабатывается коллективом исследователей при участии авторов статьи). Примеры даются в том формате, в котором они задокументированы в соответствующем корпусе. О деталях транскрипции, использующейся в экспериментальных корпусах см. подробнее [Кибрик, Подлеская 2009]. Для правильной интерпретации приводимых примеров достаточно знать, что: тональный тип акцента указывается перед словом иконически с помощью косых черт; ударный слог в слове – носителе фразового акцента подчеркивается; незавершенность открытого списка нотируется в транскрипте многоточием на границе иллокуции и знаком «,,,» (три запятых) – внутри иллокуции; речевой сбоя маркируется знаком «==» на границе иллокуции и знаком «||» – внутри иллокуции. Ссылки на корпуса даются после номера примера в виде сокращений НКРЯ, РОС, РСЖ, ВИЖ соответственно.

2. ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТАТУС СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ НЕЧЕТКОЙ НОМИНАЦИИ

2.1. Стратегия замещения и стратегия совмещения

При использовании маркера нечеткой номинации говорящий может следовать одной из двух стратегий: стратегии замещения и стратегии совмещения, см. подробнее [Podlesskaya 2010]. В первом случае маркер используется в м е с т о предполагавшегося или возможного точного наименования, отсылая к более размытой или более широкой категории. Во втором случае маркер используется совместно с неким контекстно приемлемым способом именования – в качестве сигнала о неполном референциальном соответствии избранного способа.

Маркеры первого типа, заместители (английский термин «placeholder», не имеющий устоявшегося русского аналога), чаще имеют местоименную природу (*такой, один, то... сё*) или рекрутируются из существительных с наиболее общей семантикой (*вещь, штука*):

(2) НКРЯ

Ведь в законе прописано только то, что совет может требовать того-сего, пятого и десятого [«Газета», 2003].

(3) НКРЯ

Даже не знаю, от чего лечиться. Это вроде бы и не аллергия, и не астма... Надеюсь, что эта неприятная штукovina не будет беспокоить меня в ближайшие несколько недель [«Известия», 11.19.2001].

Маркеры-заместители полноценно встраиваются в структуру предложения, ср. *того-сего, пятого и десятого* как дополнение, оформленное родительным партитивным в (2), или *штуковина* как подлежащее в именительном падеже в (3).

Маркеры второго типа – их чаще всего именуют аппроксиматорами – в отличие от маркеров-заместителей, синтаксически обычно несамостоятельны, рекрутируются из неизменяемых слов или эволюционируют в неизменяемое слово. Выражение, которое семантически обслуживается таким маркером, обычно формирует вместе с маркером единую составляющую. Типичными аппроксиматорами являются, например, маркеры, восходящие к словам и конструкциям со значением подобия. Так, классическим аппроксиматором в английском языке является *like*; в известной работе [Andersen 1998] было показано, что *like* может входить в любые типы групп – именные, глагольные, количественные и др. В русском языке аналогично ведут себя такие аппроксиматоры, как *своего рода, типа, как бы* и др. Ср. *как бы* при существительном в (4), при сравнительной степени прилагательного в (5), при глаголе в (6), при наречии в (7):

(4) НКРЯ

Так режем всю соломку с торца и получаем как бы щёточку (рис. 11а). ... Первоначальный цилиндр (рис. 12а) заканчивается как бы иголочкой (рис. 12б) [«Народное творчество», 2004].

(5) НКРЯ

Внешне похож на него и многорядник щетинистый, но он меньше размерами и как бы поаккуратнее [Ю.Н. Карпун. Природа района Сочи (1997)].

(6) РСЖ

есть специальная такая /мазь,
называется \«Финалгон»,
/слышала?
\Угу.
\Вот.

Она очень сильно разогревает как бы /мышцы,
и они как бы начинают более-менее так /работать,
ну и боль \снимает.

(7) НКРЯ

Он оставил ему как бы навсегда свои носки – носи, не снимай, пойдёшь в них дальше!.. – такая вот пробилась заботливость [В. Маканин. Кавказский пленный (1995)].

В следующих двух разделах мы обсудим стратегию замещения и стратегию совмещения более подробно.

2.2. Подробнее о маркерах-заместителях

Маркеры-заместители, как уже было сказано выше, обычно имеют местоименную природу. Чаще всего это слова, относящиеся (или восходящие) к следующим классам: указательные, вопросительные, универсальные или неопределенные местоимения; универсальные квантификаторы, существительные с максимально обобщенным значением, лексикализованные конструкции типа англ. *whatchamacallit* с местоименным компонентом, см. подробнее [Hayashi, Yoon 2006; Podlesskaya 2010].

Маркеры-заместители могут использоваться говорящим в двух режимах – долгосрочном и краткосрочном. При долгосрочном режиме говорящий в принципе отказывается от точной вербализации некоторого смысла, но вынужден по условиям локальной структуры текста употребить языковое выражение с заданными формальными свойствами, например именную или глагольную группу. Таковы употребления, продемонстрированные в (2) и (3) выше и в следующем примере (именная группа – подлежащее *всякие разные вещи*):

(8) НКРЯ

на кухне обсуждались всякие разные вещи, совсем не те, которые говорили по программе «Время» [«Пятое измерение», 2003].

При краткосрочном режиме маркер-заместитель временно подставляется в структурную позицию составляющей, для которой – из-за трудностей речепорождения – говорящему сразу не удастся подобрать адекватной реализации. После того как говорящий справляется с проблемой, он восстанавливает отложенную составляющую. Краткосрочный режим обычно используется говорящим в тех случаях, когда проблема связана с «близким» поиском, т. е. когда предстоящая порция дискурса уже достаточно хорошо спланирована и затруднения касаются выбора конкретного выражения из ограниченной зоны возможностей. Во многих языках, в том числе в русском, в этой ситуации используются согласуемые маркеры-заместители типа *этот (самый) / эта (самая), такой / такая, как его / ее*, которые демонстрируют, что говорящий уже выбрал грамматическую форму планируемой группы и колеблется лишь в выборе конкретной номинации. Ср. следующий пример, где заместитель полностью дублирует предложно-падежную форму отложенной составляющей:

(9) РОС

А /вы ещё нас /поведёте в \этот ··(0.4) в тренажёрный \зал?

Нередко один и тот же маркер-заместитель используется в языке и в краткосрочном, и в долгосрочном режиме. Так, в следующем примере согласуемый местоименный маркер *этот* (в форме *этими*) используется не в краткосрочном режиме, как в примере (9) выше, а в долгосрочном – он замещает словоформу *фантиками*, которая легко воссоздается слушающим по контексту. При этом в тексте нет никаких симптомов речевого сбоя, так что говорящая не испытывала трудностей с поиском этой словоформы, не откладывала ее произнесения, а просто довольствовалась приблизительной номинацией, полагаясь на сотрудничество со слушающим:

(10) РСЖ

когда мы э= ··(0.4) =ти фантики /разглаживали,
··(0.1) и ··(0.3) \мечтали,
как мы /поменяемся,,,
какими / \этими,
··(0.1) и мы в свою деревню·(0.3) привезли очень много новых /фантиков.

И в долгосрочном, и в краткосрочном режиме использование маркеров нечеткой номинации обычно эксплуатирует именную морфосинтаксис – что естественно, поскольку именно для имен функция номинации является главной. Однако в ряде языков возможно замещение и других типов групп – адъективных, адвербиальных и даже глагольных. Присоединение неименной морфологии может происходить непосредственно к основе заместителя. Приведем примеры из двух языков, географически, генетически и типологически весьма далеких друг от друга, – удэгейского и адыгейского. В примере (11) показано, как в удэгейском языке один и тот же маркер нечеткой номинации в краткосрочном режиме в (11а) замещает именную группу, присоединяя падежный показатель, а в (11б) – глагольную группу, присоединяя глагольные маркеры вида, наклонения и согласования с подлежащим. При этом соответствующая морфологическая оболочка воспроизводится в отложенной составляющей:

(11) удэгейский

- a. *Konz'o-tigi*   *aŋi-we*   *xulepte-we*   *kongodo:-ti*
коробка-LAT   PH-ACC   зола-ACC   лить.PAST-3PL
‘Они ссыпали PH [эту как ее] ... золу ... в ящик.’
- b. *Ñanġa-da*   *sin-e-we*   *aŋi-nde-ze-mi*   *kese-li-nde-ze-mi*
немного-FOC   ты-0-ACC   PH-SEM-SUBJ-1SG   мучить-INC-SEM-SUBJ-1SG
‘Я тебя немного PH [как бы так поделаю] ... помучаю’ [Nikolaeva, Tolskaya 2001]².

Сходным образом, в адыгейском языке один и тот же маркер мимикрирует, используя то именную (12а), то глагольную (12б) грамматическую оболочку. Единственное отличие от предыдущего примера состоит в том, что маркер-заместитель используется в долгосрочном режиме, т. е. как намеренно нечеткое именование ситуации, которое говорящий не считает нужным уточнять:

(12) адыгейский³

- a. *ə-de-ʔ epəʔ e*   *domašn'e*   *məst-xe-m-č'e*
1PL-COM-помогать   домашний   PH-PL-ERG-INST
‘Мы помогаем [ей] с домашними PH [всякими = делами].’
- b. *a fed-ew*   *qe-k_weč-ew*   *w-ew*   *məstə-š' təve-p*
это подобное-ADV   DIR-обходить-ADV   бить-ADV   PH-IMPF.PAST-NEG
‘Такого [чтобы] ходить [по деревне] и бить [в барабан] – не PH [ничего такого не делал].’

Присоединение глагольной морфологии может происходить не непосредственно к основе заместителя, т. е. синтетически, а с использованием аналитической техники. Аналитический глагольный заместитель представлен, например, в армянском языке. При замещении именных составляющих в армянском языке используется существительное *ban* ‘дело, вещь’, а для глагольных составляющих – сочетание *ban* с глаголом *anel* ‘делать’ (см. подробнее [Подлесская, Хуршудян 2006]), которое обычно интерпретируется в армянской грамматике как составной глагол. При именной подстановке в краткосрочном режиме на *ban* могут проецироваться показатели падежа (в том числе нулевое окончание номинатива / аккузатива), определенности и числа отложенной именной группы. В (13) слово *ban*, как и отложенная именная группа, оформлено аблативом:

(13) армянский

- i Gayuš-n*   *ēl*   *ēd*   *ōr-ə*   *ban-ic^h*   *ēr*
и Гайуш-DEF   тоже   это   день-DEF   PH-ABL   быть.AUX.PAST.3SG
ēk-el   *Budapešt-ic^h*
приехать-PFT   Будапешт-ABL
‘и Гайуш тоже в этот день PH [из этого] приехала, из Будапешта’ [Подлесская, Хуршудян 2006].

² Данные любезно предоставлены И. Николаевой, перевод наш.

³ Данные любезно предоставлены Н. Сумбатовой и Ю. Ландером.

При глагольной подстановке предполагаемое грамматическое оформление отложенной глагольной составляющей «проявляется» на вспомогательном глаголе *anel*. Так, в следующем примере глагол *anel* ‘делать’ в форме 2-го лица единственного числа конъюнктива предваряет соответствующую форму временно отложенного глагола ‘расслабить’:

(14) армянский

p(ə)ti gotkatev-ov ban an-es mi k^hiç^h
 надо талия-INST PH сделать-CONJ.2SG один мало

t^hulac^hn-es

сделать.слабым-CONJ.2SG

‘тебе надо по талии PH [сделать это самое] немного ослабить’ [Подлесская, Хуршудян 2006].

Близкий к армянскому механизм аналитического замещения глагольной составляющей описывается и в ряде других языков, см., например, [Ganenkov, Lander, Maisak 2010] о глагольных заместителях в агульском и удинском языках. Интересным образом, в русском языке, где, в принципе, невозможна глагольная морфология заместителя⁴, допускается тем не менее сочетание местоименного заместителя с препозитивной отрицательной частицей (*ты давай не это... не выпендривайся*) и даже присоединение к местоименному заместителю деривационных глагольных префиксов, как в (15):

(15) РОС

...(0.8) и он || он приэто= || не /привязан,

а \прибит ..(0.1) /гвоздями.

2.3. Подробнее о маркерах-аппроксиматорах и смешанных стратегиях

Маркеры-аппроксиматоры, в отличие от маркеров-заместителей, выступают не «вместо» ненайденного языкового выражения, а «вместе» с одной или несколькими «пробными» попытками вербализовать некоторый смысл, т. е. как сигнал о том, что предпринятая попытка нуждается в обобщении или уточнении, но адекватного языкового выражения в арсенале говорящего в данный момент не нашлось. Ядром аппроксимативной зоны является количественная аппроксимация, т. е. обозначение приблизительного количества. Этот тип аппроксимации представлен в языках мира наиболее многообразно, однако вполне употребительны аппроксиматоры и при нечеткой номинации объектов, признаков и ситуаций (см. подробнее скрупулезное монографическое исследование [Адамович 2011], выполненное на материале русского, немецкого и белорусского языков). При выражении приблизительного количества сфера действия «оператора приблизительности» обычно не выходит за пределы количественной группы. Формально эта группа может иметь вершиной предлог (*около восьми метров*), числительное (*приблизительно восемь метров, сорок с лишним метров*) или аппозитивное сочетание (*семь-восемь метров*); может быть использована и чисто синтаксическая операция инверсии числительного и исчисляемого объекта (*метров восемь*). Операторы приблизительности нередко используются совместно, образуя иногда изысканные конфигурации. Показательны два следующих примера, где используется инверсия плюс комбинация двух лексических аппроксиматоров – *наверно* и *точно*; последний, вопреки внутренней форме, обозначает не точное количество, а ‘не меньше, чем...’:

⁴ Опрос носителей, впрочем, показывает, что в разговорном регистре имеет хождение глагольный заместитель *поэтовать*. Поисковые системы Яндекс и Google выдают несколько десятков вхождений на точные запросы «поэтовать», «поэтовал», практически все – на замещение в долгосрочном режиме (*а ты мне чай поэтовала?*), большая часть – на замещение табуированных глагольных форм.

(16) РСЖ
мы очень долго /шли,
(Часов наверно ..(0.4) \пять.
...(0.5) \Точно шли.)

(17) РСЖ
[Н]амотали ..(0.1) лишних наверно километров \семьдесят
\точно,
нь= ==
ну не /семьдесят,
\пятьдесят.

Для обозначения приблизительного временного интервала может задействоваться и словоизменительный ресурс – сочетание с порядковым числительным во множественном числе (*в двадцатых числах, сороковые годы*), ср. введенный в [Есперсен 1958: 220–223] термин «аппроксимативная множественность» и обсуждение этого термина в [Даниэль 2000].

За пределами зоны приблизительного количества словоизменительные средства аппроксимации систематически используются в языках мира для выражения так называемой симулятивной репрезентативности, см. [Даниэль 2000; Daniel, Moravcsik 2006], т. е. для обозначения класса или категории объектов через форму (например, множественного числа) прототипического представителя этой категории (*рис-PL* в значении ‘рис и тому подобное’, или, шире, ‘еда’). М.А. Даниэль фиксирует это явление во вьетнамском, турецком, ряде тибето-бирманских, индоиранских, дравидийских, кавказских языков, а также указывает на то, что в русском языке в данной функции используется правосторонняя редупликация с изменением одной или нескольких начальных фонем типа *танцы-шманцы* [Даниэль 2000: 26–27, 92–93].

Словоизменительное средство – сравнительная степень прилагательного – используется в немецком языке для нечеткой номинации признака, ср. *eine ältere Frau* ‘пожилая женщина’ [Адамович 2011: 120]. В русском языке нечеткая номинация признака также может маркироваться синтетически, но не с помощью словоизменительного, а с помощью словообразовательного средства – суффикса *еват-/-оват-* (*синеватый, глуповатый*). Словообразовательные средства – приставки и суффиксы – используются в русском языке и как глагольные аппроксиматоры, ср. *приоткрыть, побаливать* и др. [Адамович 2011: 68–69].

Грамматические маркеры-аппроксиматоры, как и грамматические маркеры-заемители, эксплуатируют, как правило, именной морфосинтаксис; однако аппроксиматоры-глаголы тоже возможны. Так, [Ganenkov, Lander, Maisak 2010] указывают на существование в удинском языке такой техники, когда аппроксиматор (вопросительное местоимение) примыкает справа к глагольной словоформе, при этом на нем дублируется грамматическая оболочка глагола:

(18) удинский
jan tema usen jöni jäšäjnš-e=jan he-b-e=jan.
мы так.много год хорошо жить+LV-PFT=1PL APPR-делать-PFT=1PL
‘Мы так много лет хорошо жили и все такое’, букв. ‘хорошо жили что(-то) делали’ [Ganenkov, Lander, Maisak 2010: 113].

В целом же грамматические, и в особенности словоизменительные, аппроксиматоры – явление достаточно редкое. Гораздо более привычным способом выражения аппроксимации являются дискурсивные слова, сфера действия которых – достаточно протяженные речевые отрезки, иногда целые высказывания, см. употребление маркера *так сказать* в (19) и трехкратное употребление маркера *в общем* на фоне явных трудностей с вербализацией в (20):

(19) РСЖ
”(0.2) ...(0.5) Вот эти /воспоминания,
об этом /времени,
таком /далёком,
...(0.3) они меня вот так сказать на протяжении всей жизни не \покидают.

(20) РСЖ

... (1.1) приехали мы-ы ==
... (0.6) ээ(0.3) ”(0.3) в общем уже ”(0.2) тронулся || начинал трогаться /лѐд,
через эти \реки,
\алтайские,
... (0.3) а нам надо было переправиться ээ(0.3) через ээ(0.2) ммм(0.6) || в общем ... (0.5) на
другой берег ээ(0.1) в /Бийск,
”(0.1) чтобы попасть потом на –презд,,,
в общем ... (0.5) \переправиться надо было.

Аппроксиматор может сам формировать отдельное высказывание, см. последнюю строчку в (21):

(21) РСЖ

... (0.7) То есть в аэропортах вообще невозможно было нигде-е ... (0.1) /приткнуться,
... (0.3) постоянно /очереди стояли,
... (0.6) ээ(0.3) для того чтобы можно было \билетик взять.
... (0.6) Что-то \вообще просто-о какое-то ~

Для ряда дискурсивных слов, восходящих к конструкциям уподобления (*так, такой, типа*), типичной функцией является аппроксимативное введение чужой речи – в качестве сигнала о том, что говорящий не несет полной ответственности за точность и возможные интерпретации цитируемого. При этом цитирование возможно как в форме прямой, так и в форме косвенной речи (см. пронизательный анализ употребления английского *like* в этой функции в [Fox Tree 2006; Fox Tree, Tomlinson 2008]). В следующем отрывке говорящий в форме прямой речи пересказывает состоявшийся диалог; аппроксиматор *типа* внедрен практически в каждую цитируемую реплику:

(22) РСЖ

... (0.2) «Типа мне там просто \мужики,
порекомендовали
что типа \опытный,
\фрезеровщик.»,
... (0.9) ну и типа «\Это говорит,
а у вас /есть кто-нибудь с \пятым разрядом фрезеровщики?»
/Я говорю,
«\Нету.»,
... (0.6) типа «\ Ну, говорю
«\был один,
\Иваныч до этого.
... (0.1) /Работал говорю
уволители за –пьянку.»,
тот
«Ну \понятно,
типа свободная \ставка.»
... (1.3) Ну типа «\Это говорит,
/выйди;,,
там одна /женщина,,,
я с ней /поговорю говорит,
разряд тебе на свободную ставку типа \дадим.»...

Между маркерами-заместителями и маркерами-аппроксиматорами нет непроходимой границы. Во-первых, часто один и тот же маркер может использоваться и в режиме замещения, и в режиме совмещения. Так, армянский заместитель *ban*, продемонстрированный выше в примерах (13)–(14), может употребляться и как аппроксиматор; примыкая к словоформе справа, *ban* может дублировать ее морфологическое оформление, (23a), или подвергаться редупликации по упомянутой выше модели «танцышманцы», (23b):

- (23) армянский
 a. *has^h-ic^h ban-ic^h ber*
 хлеб-ABL APPR-ABL принести.IMP.2SG
 ‘Принеси [нам] хлеб APPR [и все такое]!’ [Подлеская, Хуршудян 2006].
 b. *as-ec^h č^hē ban*
 сказать:AOR:3SG нет APPR
 ‘Сказала: «Нет APPR [типа],
petk^h a kard-al
 надо быть.AUX.PRS.3SG читать-INF
 надо прочитать,
arž-i banman
 стоять.PRS.3SG APPR:REDUPL
 [оно того] стоит APPR [типа]»’ [Там же].

Во-вторых, аппроксиматоры и заместители часто используются совместно. Показателем следующий пример, где говорящая, испытывая очевидные трудности с вербализацией нужного понятия (‘аварийная служба’), сначала прибегает к помощи согласуемого заместителя *этого, как его*, из чего следует, что первоначально в этой позиции предполагалось употребление существительного мужского рода. Однако поиск не увенчался успехом, поэтому в соответствующую позицию помещается группа с аппроксиматором *типа*, а затем добавляется описание искомого референта через его функцию. До самого конца говорящая остается неудовлетворенной результатами поиска точной номинации, что подтверждается сигналами хезитации – длительной паузой (1,3 сек) и удлинением звуков в предпоследней строке примера:

- (24) ВИЖ
 Езжайте в автосервис с аварийкой \быстрее!
 {СМЕХ}..(0.4) Или может быть вам вызвать /этого –
 \как его,
 – типа /«Ангела»?
 Ну \вот,
 то что-о ....(1.3) \служба-а,
 \помощи.

Как мы покажем в следующем разделе, кластерное использование маркеров-заместителей и маркеров-аппроксиматоров может дополняться еще и чисто синтаксическими, а также просодическими сигналами нечеткой номинации.

2.4. Синтаксические и просодические стратегии, опирающиеся на выражение незавершенности

В предыдущем разделе мы уже приводили пример чисто синтаксического способа нечеткой номинации – инверсии числительного и единицы измерения для выражения приблизительного количества (*метров восемь*). Этот пример симптоматичный, но достаточно периферийный; гораздо более универсальным и распространенным синтаксическим приемом является использование сочинительной техники. Структурный параллелизм сочиненных групп (как без союза, так и с повторяющимся союзом) используется как конструктивное средство предъявления открытого списка объектов или ситуаций, подразумевающего возможное, но не эксплицитированное продолжение. В устной речи эта синтаксическая стратегия, как правило, поддерживается особыми просодическими средствами выражения незавершенности. В русском языке это, прежде всего, интонационная конструкция «имитации ментальной деятельности (припоминания)» по Т.Е. Янко [Янко 2008: 109–117, 163–170] – с пологим подъемом тона и последующим ровным или слегка нисходящим тоном (часто – с растяжением ударного гласного)⁵:

⁵ Напомним, что незавершенность этого типа нотируется в транскрипте многоточием на границе иллокуции и знаком «,,,» (три запятых) – внутри иллокуции (см. выше комментарий к примеру (1)).

- (25) РСЖ
 ..(0.2) мы /пришли,
 поставили /-пала-атки,,,
 ... (0.7) ээ(0.2) разожгли /-костё-ор...
 ... (1.2) ^Во-от,
 ..(0.4) потом ==
 ..(0.1) там рядом была /река,
 ..(0.3) и мы все пошли /-купа-аться...
 ... (0.8) {ЦОКАНЬЕ} /-Покупались,,,
 ... (1.1) эээ(0.5) вечером мы жарили || ээ(0.1) жарили /-шашлыки-и,,,
 ... (1.7) ээ(0.2) пели /-песни-и...

Присоединение маркеров-аппроксиматоров тоже регулярно эксплуатирует сочинительную технику – маркер связывается сочинительным отношением с одним или несколькими членами сочинительного ряда по типу «X, (Y, ...) и другие», «X, (Y, ...) и прочее», «X, (Y, ...) и тому подобное», «X, (Y, ...) и так далее»:

- (26) РСЖ
 ... (0.7) То есть ..(0.2) друзья друзей ..(0.3) получается-а ээ(0.3) собираются-а /вместе,
 и-и /-общаются,,,
 и в общем-то-о ... (0.9) не только-о ... (3.1) на природе там ..(0.1) /-пьют,,,
 ..(0.3) /-едят,,,
 ... (0.8) а именно занимаются какими-то ..(0.3) /-спортом,,,
 ... (1.0) катание на /-лыжах,,,
 ..(0.2) на -банане,,,
 ..(0.1) всё -остальное.

К сочинительному ряду может подключаться и маркер-заместитель – обычно предшествуя ряду в качестве обобщающего слова, ср. *всё* в (27) и *деревянные штучки, игрушки* в (28):

- (27) ВИЖ
 То есть мы всё \вместе делили \пополам:
 там несмотря на /-еду-у,,,
 /-ве-ещи,,,
 /-игрушки различные...
 (28) РСЖ
 ... (0.5) Он очень любил грызть ..(0.2) \деревянные штучки,
 \игрушечки:
 ^кубики,,,
 ..(0.4) ^бочечки от лото...

Наряду с соединительными союзами в сочинительных конструкциях нечеткой номинации широко используются и разделительные. Здесь также возможны чисто синтаксические схемы, например с отрицанием, типа «X (или) не X», ср. (29), и схемы с включенными лексическими маркерами нечеткой номинации типа «X или что-то вроде того», ср. (30)–(32):

- (29) ВИЖ
 потому что-о ..(0.4) мм(0.3) когда мы уже /пришли,
 там вот это всё-о не знаю ~
 ..(0.4) где эти ... (0.5) /-ворота или не /-ворота,,,
 (30) НКРЯ
 Сегодня нельзя. Уже ночь. У них сейчас план «Перехват-центр», или как там его, работает [П. Галицкий. Опасная коллекция (2000)].
 (31) НКРЯ
 В доме должна быть собака. Конечно, лучше, наверное, охранная: овчарка или что-то вроде нее [Н. Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000–2001)].

(32) ВИЖ

Ну в общем \всё,
пошли || я пошла нормальная /-регистра-ация,,,
..(0.4) и-и мы купили-и –
ээ(0.4) в общем это там я не знаю от русской жадности или /чего-о,
– ну в общем спиртных /напитков,
которые нельзя было \брать соответственно.

Заметим, что сочинительные конструкции, в которых задействована пара элементов, из которых второй является отрицательным коррелятом первого (ср. (29) выше), могут использоваться для выражения нечеткой номинации и без союза:

(33) ВИЖ

Вот просто /понимаешь,
что вот <как бы> /люди /заняты вроде /своим делом,
вроде \нет.

Таким образом, как мы постарались показать, имеется явная дискурсивная тенденция к кластерному употреблению маркеров нечеткой номинации; иными словами, если говорящий испытывает трудности при подборе адекватной точной номинации или просто избегает точной номинации в силу тех или иных прагматических причин, он обычно использует целый комплекс сигналов разного уровня, которые предупреждают слушающего об этой ситуации. В следующем разделе мы подробно рассмотрим японскую конструкцию с деепричастием репрезентативности (форму на *tari*) и попытаемся показать, как это комплексное средство задействует одновременно несколько механизмов – из тех, что успешно эксплуатируются и в других языках для выражения нечеткой номинации. В их числе:

- подключение глагольного словоизменения для выражения аппроксимации;
- сочинение предикатов для обозначения незаконченного перечисления;
- включение маркера-заместителя (обобщающего слова) в открытый сочиненный ряд;
- использование пары сочиненных элементов, второй из которых является отрицанием первого.

3. Японское деепричастие репрезентативности как средство выражения нечеткой номинации

Японская конструкция с деепричастием репрезентативности на *tari* строится по общей схеме $V_1 + tari (V_2 + tari \dots V_n + tari) V_{aux}$, где $V_i + tari$ – полнозначный глагол в деепричастной форме; V_{aux} – вспомогательный глагол (обычно *suru* ‘делать’, реже *dekiru* ‘мочь’ или некоторые их эквиваленты, различающиеся по так называемой «категории вежливости»). В стандартном случае конструкция имеет аппроксимативное значение ‘делать $V_1 (V_2 \dots V_n)$ и тому подобное’. О формальных свойствах, семантике и прагматике этой конструкции см. подробнее [Вардуть 1963; Алпатов 1989; Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008: 228–233; Honda 2007; Palihawadana 2002; Suzuki 2008] и др.

Глаголов в форме на *tari* в составе конструкции может быть один, см. (34), или несколько; в исследованной нами выборке⁶ максимальное число форм на *tari* в пределах одной конструкции – двенадцать; в приводимом ниже примере (35) их три:

⁶ За исключением специально оговоренных случаев, все японские примеры в работе взяты из текстов блогов интернет-портала Yahoo!; данная коллекция текстов (52 680 статей, примерно 10 300 000 словоупотреблений) доступна в составе онлайн-версии (Chunagon) «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» (BCCWJ: Balanced corpus of contemporary written Japanese), <https://chunagon.ninjal.ac.jp>. Исследованная нами выборка составила 500 случайных предложений, содержащих форму на *-tari*.

(34) BCCWJ
doko ni mo ik-u yootei wa na-i no des-u.
 где DAT FOC идти-PRS планы TOP нет-PRS NML COP.ADR-PRS
Peepaawooku yat-tari sh-imas-u
 бумажная.работа заниматься-APPR делать.AUX-ADR-PRS
 'Никуда не планировал идти. Займусь документами и все такое'.

(35) BCCWJ
Dakara himajin de dvd mi-tari pasokon
 поэтому праздный.человек COP.ADV dvd смотреть-APPR компьютер
yat-tari meeru-shi-tari shi-te
 заниматься-APPR электронная.почта-VRB-APPR делать.AUX-CNV
mash-ita
 AUX.PRG.ADR-PAST
 'Поэтому, будучи праздным человеком, я смотрел dvd, играл на компьютере, отправлял электронные письма и т. д.'

Помимо собственно аппроксимативного, данная конструкция может иметь и близкое к нему так называемое интермиттентное значение⁷, т. е. указывать на прерывистое течение некоторой ситуации или однотипных ситуаций. Обычно в этом случае в составе конструкции имеется две формы на *-tari*, образованные от глаголов с противоположным значением или от одного и того же глагола в утвердительной и в отрицательной форме:

(36) BCCWJ
Tempo mo dainamikku ni henka-shi suroo ni
 темп тоже динамика CNV изменение-VRB.CNV медленный ADV
otoshi-tari appu ni modoshi-tari
 падать-APPR вверх ADV возвращаться-APPR
 'Темп тоже то и дело изменялся: то медленно падал, то снова рос.'

(37) BCCWJ
Kyoo wa shuushi ame fut-tari fur-ana-kattari⁸ de
 сегодня TOP постоянно дождь идти-APPR идти-NEG-APPR COP.CNV
 'Сегодня дождь весь день то шел, то переставал...'

Вспомогательный глагол, следующий за цепочкой глаголов (или единичным глаголом) в форме на *-tari*, семантически может рассматриваться как обобщающее слово (глагол с максимально размытым значением), но базовая его функция – грамматическая: на нем маркируются основные грамматические категории (вид, время, адресивность и др.)⁹. Существенно, однако, что вспомогательный глагол не является обязательным компонентом конструкции. Деепричастия репрезентативности (единичные или их цепочка) могут выступать без вспомогательного глагола в позиции заключительного сказуемого, см. (36) выше, или, чаще, в позиции незаключительного сказуемого, т. е. фактически в функции сентенциального сирконстанта – функции типичной для деепричастной формы, см. (38):

⁷ Выделение репрезентативности и интермиттентности как основных значений формы на *-tari* в российской японистике восходит к работе [Вардуль 1963].

⁸ *-kattari* – алломорф *-tari* для некоторых классов предикатов, в том числе так называемых «качественных глаголов» (предикативных прилагательных). Этот же алломорф используется в составе отрицательных глагольных форм.

⁹ К числу немногих категорий, которые маркируются в составе самого деепричастия, относятся залог и в некоторых случаях отрицание. Показатель *-tari* всегда занимает заключительную позицию в словоформе, следуя после показателей других категорий, если таковые имеются.

- (38) BCCWJ
Niwasaki o it-tari ki-tari. Kore ga fudan
 сад ACC идти-APPR приходить-APPR Это NOM обычно
no wagaya
 GEN наша.семья
 '[Просто] слоняемся туда-сюда по саду... Это обычное дело в нашей семье' ('ходить туда-сюда' репрезентирует другие возможные виды «ничегонеделания»).

- (39) BCCWJ
Kawar-i yu-ku sora atari de ikinari Keita no
 изменяться-CNV AUX.DIR-PRS небо вокруг INST вдруг Кейта GEN
rinkaku ga chooboyake-tari mozaiku kakat-ta mitai
 контур NOM сверх.размытый-APPR мозаика покрывать-PAST EVD
ni nat-ta
 DAT наступить-PAST
 'На переменчивом небе внезапно как бы появился очень размытый контур [лица] Кейта, будто вылепленный из разных кусков'. Букв. '[когда] как бы совсем размылся контур, получилось похоже на мозаичное покрытие'.

Однако имеются и случаи употребления деепричастия репрезентативности в определительной позиции, в том числе с маркером генитива (= атрибутивным показателем) *no*, см. (40), и даже в позиции прямого дополнения с маркером аккузатива *o*, см. (41):

- (40) BCCWJ
nagut-tari ket-tari no booryoku koo
 бить-APPR пнуть-APPR GEN насилие действие
 'насильственные действия типа ударов и пинков'.

- (41) BCCWJ
Tat-tari gurutto megut-te suwat-tari
 стоять-APPR вокруг обходить.по.кругу-CNV садиться-APPR
o kurikaeshi-te i-mash-ita
 ACC повторять-CNV AUX.PRG-ADR-PAST
 'Он то и дело вставал, ходил по кругу, [снова] садился на место'. Букв. 'повторял [действия] типа встать, обойти, сесть и т. п.'

Подобного рода употребление деепричастий репрезентативности в позициях, типичных для именной группы, является симптомом сближения глагольной аппроксимации и именной. Еще более убедительно проявляется это сближение, когда аппроксимация, будучи формально выраженной на глаголе с помощью *tari*, семантически относится к ряду объектов, выраженных с помощью глагольных актантов. Типичным контекстом для такого переноса является, в частности, повторяющееся употребление деепричастия, образованного от одного и того же глагола:

- (42) BCCWJ
Nijuuen dat-tari hyakuen dat-tari hatamata yonjuugoen
 Двадцать.иен COP-APPR сто.иен COP-APPR или сорок.пять.иен
dat-tari
 COP-APPR
 '[Есть мелочь:] двадцать, сто или сорок пять иен'. Букв. 'Есть двадцать иен, есть сто иен... и т.д.'

- (43) BCCWJ
suupukaree o tabe-tari kaki o tabe-tari jingisukan o
 суп-карри ACC есть-APPR устрицы ACC есть-APPR чингисхан ACC
tabe-tari to sugosh-ite or-imas-u
 есть-APPR ADV проводить.время-CNV AUX.PRG-ADR-PRS
 '[Хорошо] проведем время: будем есть суп-карри, устриц, [мясо] «чингисхан» и все такое'. Букв. 'будем есть суп-карри, будем есть устриц...'

Перенос нечеткой номинации с глагола, на котором она формально выражена, на актант может подкрепляться с помощью аддитивной частицы *mo* ‘тоже’ на актанте, а также употреблением лексических аппроксиматоров типа *iro(-iro)* ‘всякие, разные’:

- (44) BCCWJ
Kekkoo okashi-kute warat-te i-ru hito mo i-tari
 вполне смешной-CNV смеяться-CNV AUX.PRG-PRS человек тоже быть-APPR
baramaki da to it-te hihan-shi-te
 напрасные.траты COP.PRS QUOT говорить-CNV критика-VRB-CNV
i-ru hito mo i-tari iroiro de ar-u
 AUX.PRG-PRS человек тоже быть-APPR разный COP.CNV AUX-PRS
 ‘Были люди, которые смеялись и говорили, что это вполне забавно, а были и такие, кто критиковал и говорил, что это пустая трата – по-разному бывало’.

Конструкции с интермиттентным значением, особенно в сочетании с аддитивной частицей *mo* ‘тоже’ на актанте и лексическими аппроксиматорами, тоже часто переинтерпретируются как обозначающие нечеткую номинацию объекта, а не ситуации, хотя аппроксиматор *-tari* внедрен в глагольную словоформу. Так, следующий пример, который построен по схеме ‘слухи то были, то не были’, фактически означает ‘были всякие слухи’:

- (45) BCCWJ
Ironna uwasa mo at-tari na-kattari
 всякий. ATR слухи тоже быть-APPR не.быть-APPR
 ‘И всякие слухи ходят.’

Перенос нечеткой номинации на объект возможен даже при отсутствии формально выраженного имени объекта. Так, в следующем примере однократно употребленное деепричастие репрезентативности от глагола со значением ‘поедать, питаться’ обозначает не ‘будем есть и осуществлять другие действия в этом роде’, а ‘будем есть всякую всячину’:

- (46) BCCWJ
Uchi wa takusan tsukut-te tsugi no hi ni mo
 дом TOP много готовить-CNV следующий GEN день DAT тоже
tabe-tari shi-mas-u
 есть-APPR делать-ADR-PRS
 ‘Дома наготовили много всего, что даже на следующий день будем есть.’

Отдельного комментария заслуживает взаимодействие глагольного грамматического аппроксиматора *tari* и другого распространенного аппроксиматора – частицы *nado*.

Частица *nado* является прототипическим аппроксиматором в составе именной группы:

- (47) *Sushi ya tempura nado o tabe-mash-ita*
 суси и темпура APPR ACC есть-ADR-PAST
 ‘Ели и суси, и темпура и всякое разное’ [Makino, Tsutsui 2007: 199].

Подобно английскому *like* и русским *так, такой, тупа*, частица *nado* используется и для аппроксимативного введения чужой речи (см. подробнее выше, раздел 2.3). В этом случае частица непосредственно примыкает к индикативной форме глагола, и далее следует показатель цитации *to*. Обычно такая цитация либо используется в контексте эксплицитного отрицания, либо имплицитно несет негативную коннотацию, подразумевая, в частности, саркастическое или пренебрежительное прочтение:

- (48) *komat-ta toki wa hito ga tasuke-te*
 испытывать.затруднения-PAST время TOP человек NOM спасать-CNV
kure-ru daroo nado to ama-ku kangae-te wa
 AUX.BEN-PRS PMT APPR QUOT умильный-ADV полагать-CNV TOP
ike-na-i
 AUX.PRM-NEG-PRS
 ‘Не следует наивно полагать, что [типа] люди придут к тебе на помощь в трудную минуту и все такое...’ [Makino, Tsutsui 2007: 198].

В полном соответствии с общей тенденцией употреблять показатели нечеткой номинации кластерно, формы на *-tari* и частица *nado* могут употребляться совместно, при этом частица следует сразу после деепричастия. Последовательность «форма на *-tari* плюс *nado*» может (а) сохраняя дистрибутивные свойства формы на *-tari*, непосредственно предшествовать вспомогательному глаголу, как в (49), (50); или (б) приобретая дистрибутивные свойства именной группы, выступать в функции глагольного актанта, например подлежащего, как в (51), или определения, как в (52):

- (49) *Ooki-kattari chiisa-kattari nado shi-te nakanaka karada*
 большой-APPR маленький-APPR APPR делать.AUX-CNV никак тело
ni a-u no ga na-i
 DAT подходить-PRS NML NOM не.быть-PRS
 'И большие, и маленькие примеряла, и все такое, но мне ничего не подошло' [Matsumura 2006].
- (50) *itsu datte koko ni ar-u kono ude ya mimi ya me o*
 всегда ведь здесь LOC быть-PRS ее руки и уши и глаза ACC
boku wa sagashi-tari nado shi-ta koto wa na-i
 я TOP искать-APPR APPR делать.AUX-PAST NML TOP не.быть-PRS
 'Ее рук, ушей и глаз, которые всегда здесь [со мной], я не искал; ничего такого...'
 (из текста популярной песни, <http://achords.com/chords/radwimps/monomorai>)
- (51) *Anata wa, sankashi-tari, nado ga shien-su-ru tameni... tsugi*
 вы TOP участие-VRB-APPR APPR NOM помощь-VRB-PRS для следующий
no ikutsuka no saito ga ar-imas-u.
 ATR несколько GEN сайт NOM быть-ADR-PRS
 'Для того чтобы помочь вам принимать участие и тому подобное существуют... следующие несколько сайтов'
 (из текста блога, <http://kittyluv-wordsorandomness.blogspot.com/2011/03/nippon-no-kiki.html>).
- (52) *hashit-tari fukkin-shi-tari nado no yuusanso undoo*
 бегать-APPR мышцы.живота-VRB-APPR APPR GEN аэробика упражнение
o shi-te i-ru noni
 ACC делать-CNV AUX.PRG-PRS хотя
 'Я занималась аэробикой: бегала, качала мышцы живота и тому подобное, однако...'
 (из текста блога, http://detail.chiebukuro.yahoo.co.jp/qa/question_detail/q1086041380)

Замечательным образом, кластер показателей нечеткой номинации может быть еще усилен, и к комбинации «форма на *tari* полнозначного глагола плюс частица *nado*» может быть добавлена еще и форма на *tari* служебного глагола, как в (53) и (54):

- (53) *sooitta kanren no hon o yon-dari muri shi-te*
 такой связь GEN книга ACC читать-PRR насильно делать-CNV
at-tari nado shi-tari shi-te ki-mash-ita ga
 встречаться-APPR APPR делать-APPR VRB-CNV AUX.DIR-ADR-PAST но
hobo kekka wa ar-imas-en
 большая.часть результат TOP быть-ADR-NEG
 'Я и книги такого рода читала, и через силу встречалась с людьми, но большей частью никакого результата не было'
 (из текста электронного письма, http://kaunse-navi.com/m/question/disp_question/id/1054/)
- (54) *saikin wa manaa no waru-i inu no kainushi san ga*
 недавно TOP манеры GEN плохой-PRS собака GEN владелец сан NOM
jaguchi ni inu no kuchi o tsuke-sase-te nom-ase-tari
 кран DAT собака GEN рот ACC приставить-CAUS-CNV пить-CAUS-APPR
nado shi-tari shi-te i-ru node futo
 APPR делать-APPR делать-CNV AUX.PRG-PRS поскольку невольно
eiseiteki ni doo na no dar-oo to omo-imash-ita
 гигиенический ADV как PRT PRT COP-PMT QUOT думать-ADR-PAST
 'Поскольку в последнее время некультурные хозяева подводят своих собак к крану с водой, дают им пить и все такое, то я невольно подумала: «Хорошо ли это с точки зрения гигиены?»'
 (из текста электронного письма, http://detail.chiebukuro.yahoo.co.jp/qa/question_detail/q1484752704)

Подведем некоторые итоги. Мы постарались показать, что поведение японского деепричастия репрезентативности хорошо согласуется с обнаруженными в других языках общими свойствами показателей нечеткой номинации. Мы смогли убедиться, что наряду с лексическими маркерами-заместителями и маркерами-аппроксиматорами в живой речи успешно функционируют и грамматические маркеры нечеткой номинации, сигнализирующие о том, что говорящий уклоняется от того, чтобы точно обозначить объект или положение дел, предпочитая отослать к более общей или более размытой категории. Языки при этом могут эксплуатировать не только именную, но и глагольную морфосинтаксис. Эффективным средством нечеткого номинирования могут служить и чисто синтаксические стратегии, подкрепляемые в устной речи специализированными просодическими паттернами; это, прежде всего, относится к сочинительным конструкциям, выражающим незавершенность «открытого ряда». Мы продемонстрировали также, что потребность в нечеткой номинации возникает у говорящего в проблемных точках порождения дискурса и преодоление проблемы не всегда совершается в один шаг, поэтому типичным является использование сразу нескольких сигналов об имеющейся проблеме и, в частности, более одного показателя нечеткой номинации. Дальнейшее изучение задокументированных образцов живой речи на разноструктурных языках позволит, как мы надеемся, уточнить выявленные нами общие параметры межъязыкового варьирования в семантической зоне нечеткой номинации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL – аблатив, ACC – аккузатив, ADR – адрессив, ADV – адвербиальная форма, APPR – аппроксиматор, ATR – атрибутивная форма, AUX – вспомогательный глагол, BEN – бенефактив, CAUS – каузатив, CNV – конверб, COM – комитатив, CONJ – конъюнктив, COP – глагол-связка, DAT – датив, DEF – определенность, DIR – директив, ERG – эргатив, EVD – эвиденциальность, FOC – фокусная частица, GEN – генитив, IMP – императив, IMPF – имперфект, INC – инхоатив, INF – инфинитив, INST – инструменталис, LAT – латив, LOC – локатив, LV – «легкий» глагол, NEG – отрицание, NML – субстантиватор, NOM – номинатив, PAST – прошедшее время, PFT – перфект, PH – маркер-заместитель, PL – множественное число, PMT – презумптив, PRG – прогрессив, PRM – пермиссив, PRS – презенс, PRT – частица, QUOT – цитационный союз, REDUPL – редупликация, SEM – семельфактив, SUBJ – сослагательное наклонение, TOP – топик, VRB – вербализатор, 0 (ноль) – эпентетическая гласная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамович 2011 – С.В. Адамович. Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения. Гродно, 2011.
- Алпатов 1989 – В.М. Алпатов. Выражение частных значений множества ситуаций в современном японском языке // В.С. Храковский (отв. ред.). Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008 – В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.М. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. М., 2008.
- Вардуль 1963 – И.Ф. Вардуль. Значение суффикса *-тари* в современном японском языке // И.Ф. Вардуль (отв. ред.). Японский язык. М., 1963.
- Даниэль 2000 – М.А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Есперсен 1958 – О. Есперсен. Философия грамматики. М, 1958.
- Кибрик, Подлесская 2009 – А.А. Кибрик, В.И. Подлесская (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009.
- Подлесская, Хуршудян 2006 – В.И. Подлесская, В.Г. Хуршудян. О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского // Доклады междунар. конф. «Диалог-2006». М., 2006.
- Янко 2008 – Т.Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.

- Andersen 1998 – *G. Andersen*. The pragmatic marker *like* from a relevance-theoretic perspective // A.H. Jucker, Y. Ziv (eds.). *Discourse markers: Descriptions and theory*. Amsterdam, 1998.
- Channell 1994 – *J. Channell*. *Vague language*. Oxford, 1994.
- Daniel, Moravcsik 2006 – *M. Daniel, E. Moravcsik*. The associative plural // M. Haspelmath, M.S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The world atlas of language structures*. Oxford, 2006.
- Enfield 2003 – *N.J. Enfield*. The definition of what-d'you-call-it: Semantics and pragmatics of recognitional deixis // *Journal of pragmatics*. 2003. V. 35.
- Fox Tree 2006 – *J.E. Fox Tree*. Placing *like* in telling stories // *Discourse studies*. 2006. V. 8.
- Fox Tree, Tomlinson 2008 – *J.E. Fox Tree, J.M. Tomlinson Jr.* The rise of *like* in spontaneous quotations // *Discourse processes*. 2008. V. 45. № 1.
- Ganenkov, Lander, Maisak 2010 – *D. Ganenkov, Yu. Lander, T. Maisak*. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives // N. Amiridze, B.H. Davis, M. Maclagan (eds.). *Fillers, pauses and placeholders*. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
- Honda 2007 – *A. Honda*. A note on the Japanese adverbial particle *Tari* // *Surugadai university studies*. 2007. V. 33.
- Jucker et al. 2003 – *A.H. Jucker, S.W. Smith, T. Lüdge*. Interactive aspects of vagueness in conversation // *Journal of pragmatics*. 2003. V. 35.
- Hayashi, Yoon 2006 – *M. Hayashi, K.-E. Yoon*. A cross-linguistic exploration of demonstratives in interaction: with particular reference to the context of word-formulation trouble // *Studies in language*. 2006. V. 30. № 3.
- Kaltenböck, Mihatsch, Schneider 2010 – *G. Kaltenböck, W. Mihatsch, S. Schneider* (eds.). *New approaches to hedging*. Bingley, 2010.
- Lakoff 1972 – *G. Lakoff*. Hedges: A study of meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // P. Peranteau, J. Levi, G. Phares (eds.). *Papers from the English regional meeting of Chicago linguistic society*. Chicago, 1972.
- Makino, Tsutsui 2007 – *S. Makino, M. Tsutsui*. *A dictionary of intermediate Japanese grammar*. Tokyo, 2007.
- Markkanen, Schröder 1997 – *R. Markkanen, R. Schröder* (eds.). *Hedging and discourse approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts*. Berlin; New York, 1997.
- Matsumura 2006 – *A. Matsumura*. *Daijirin*. Tokyo, 2006.
<http://www.weblio.jp/content/%E3%81%9F%E3%82%8A?dictCode=SSDJJ>
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 – *I. Nikolaeva, M. Tolskaya*. *A grammar of Udihe*. Berlin, 2001.
- Palihawadana 2002 – *R. Palihawadana*. Meaning and usage of (-*tari*,) -*tari* constructions // *International student center, Kanazawa university. Research bulletin*. 2002. V. 3. № 5.
- Podlesskaya 2010 – *V.I. Podlesskaya*. Parameters for typological variation of placeholders // N. Amiridze, B.H. Davis, M. Maclagan (eds.). *Fillers, pauses and placeholders*. Amsterdam; Philadelphia, 2010.
- Sperber, Wilson 1991 – *D. Sperber, D. Wilson*. *Loose talk* // S. Davis (ed.). *Pragmatics. A reader*. Oxford, 1991.
- Suzuki 2008 – *S. Suzuki*. Expressivity of vagueness: Alienation in verb -*tari* suru construction // *Japanese language and literature*. 2008. V. 42. № 1.
- Zadeh 1965 – *L. Zadeh*. Fuzzy sets // *Information and control*. 1965. V. 8.

Сведения об авторах:

Вера Исааковна Подлеская

Российский государственный гуманитарный университет
podlesskaya@ogrus.ru

Анна Владимировна Стародубцева

Российский государственный гуманитарный университет
mikonito@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.08.2012

© 2013 г. С.Г. ТАТЕВОСОВ

МНОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ И ЕЕ СЛЕДСТВИЯ (Заметки о физиологии русского глагола*)

В статье предлагается теория, объясняющая внутреннее устройство глагольной основы в русском языке, в частности, ограничения на множественную префиксацию. Теория складывается из двух компонентов: независимо обоснованной в литературе гипотезы о структурной асимметрии внутренних и внешних префиксов и выдвинутой автором гипотезы о том, что среди внешних префиксов выделяются селективно-ограниченные и позиционно-ограниченные. Первые могут соединяться только с формально имперфективной основой; вторые не могут присоединяться поверх показателя *-ыва-* (показателя «вторичного имперфектива»). Основное содержание статьи составляет обсуждение и объяснение фактов, показывающих, что морфосинтаксическая структура основы имеет определяющее влияние на ее участие в таких процессах, как имперфективация, адъективация и номинализация.

Ключевые слова: глагол, множественная префиксация, имперфективация, номинализация, адъективация

The article offers a theory accounting for the internal structure of a verb stem in Russian and, specifically, for constraints on multiple prefixation. The theory consists of two components. The first component relies on the hypothesis, independently motivated in the literature, that verbal prefixes fall into two types, lexical (internal) and superlexical (external). The second component is a novel hypothesis that the group of external prefixes is not homogeneous: some of them observe a selectional restriction, others are positionally restricted. The selectional restriction says that a stem to which a prefix attaches must be formally imperfective. The positional restriction bans a prefix merging on top of the so called secondary imperfective morpheme. The main focus of the article is to explore the predictions the theory makes with respect to the derivational potential of a verb stem, namely, its ability to undergo imperfectivization, adjectivization and nominalization.

Keywords: verb, multiple prefixation, imperfectivization, nominalization, adjectivization

ВВЕДЕНИЕ

Описательная цель этой статьи – изложить несколько наблюдений о структуре русского глагола, в первую очередь о множественной префиксации. Эти наблюдения развивают и уточняют положения статьи [Татевосов 2009], основной сюжет которой – ограничения, определяющие анатомическое строение возможной глагольной основы в русском языке. Настоящая статья переносит фокус с анатомии глагола на его физиологию – на участие в таких процессах морфосинтаксической жизнедеятельности, как вторичная имперфективация, адъективация и номинализация.

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00469а. Автор глубоко признателен К.Л. Киселевой, Е.А. Лютиковой, Д. Песецкому, участникам семинара по синтаксису и семантике славянских языков в Массачусетском технологическом институте (2011 г.) и семинара по формальному описанию русского языка в МГУ (2012 г.), а также рецензенту журнала «Вопросы языкознания» за замечания и комментарии, высказанные в ходе обсуждения более ранних версий этой статьи.

Прежде всего мы попытаемся убедить читателя, что предложение (1) является возможным предложением русского языка, а глагол *надоперезаписывать* – возможным русским глаголом:

(1) Володя **надоперезаписывал** кучу дисков.

Разумеется, глагол *надоперезаписывать* невозможно найти в русских словарях, он отсутствует в Национальном корпусе русского языка, как и в других имеющихся русских корпусах, а преобладающая реакция носителей на предложение (1) вне контекста варьирует в диапазоне от замешательства до неприятия.

Вообразим, однако, следующий сценарий. Володя является работником организации, которая оказывает услуги в компьютерной сфере. Одна из услуг – запись информации на оптические диски. Володе поступил заказ записать 50 дисков, и он выполнил этот заказ. Эта ситуация описывается, очевидно, предложением (2).

(2) Володя **записал** диски.

Качество записи оказалось неудовлетворительным, клиент высказал недовольство, и руководство велело Володе переделать работу. Если Володя исполнил распоряжение, то для описания происшедшего можно использовать предложение (3).

(3) Володя **перезаписал** диски.

Предположим, однако, что Володя не успел перезаписать диски до конца рабочего дня и решил, что закончит на следующее утро к 11 часам. Если Володино решение проведено в жизнь, то утром в 11 часов верно (4):

(4) К 11 часам Володя **доперезаписал** диски.

Ситуация, которая имела место до того, как Володя завершил повторную запись дисков, а предложение (4) стало истинным, описывается предложением (5). Его мог бы, например, произнести Володин коллега, который в 10 часов застал его в разгар работы (разумеется, при условии, что ему известны все предшествующие повороты этой истории):

(5) В 10 часов Володя **доперезаписывал** диски.

Остается последний шаг. Вообразим, что коллега, который наблюдал процесс доперезаписывания, обозначаемый предложением (5), не знал, сколько дисков предстоит доперезаписать, и не ожидал, что их окажется так много. В этом контексте в его устах можно без труда представить себе предложение (6):

(6) Володя **надоперезаписывал** кучу дисков!

Абсолютно все носители русского языка, которым мы предъявляли пример (6) в таком контексте, признавали его нарочитым и не вполне естественным, но тем не менее возможным русским предложением.

Надоперезаписывать в (6) состоит из корня *пис-*, двух словоизменительных показателей (прошедшего времени *-л* и мужского рода *-Ø*), суффикса *-ыва-* и четырех префиксов *за-*, *пере-*, *до-* и *на-*. *На-* имеет кумулятивное значение (≈ ‘осуществлять ситуацию так, что некоторая ее количественная характеристика постепенно нарастает и в результате превышает стандарт сравнения’), *пере-* – репетитивное значение (≈ ‘осуществлять повторно и/или по-новому’), *до-* – комплетивное значение (≈ ‘осуществлять завершающую фазу ситуации’), *за-* в комбинации с непроизводной основой *писа-* создает новое

лексическое значение (≈ ‘переносить информацию на определенный носитель’). Такое количество морфологического материала затрудняет анализ при восприятии – именно этим объясняется ощущение неестественности предложений типа (1) вне контекста. Однако, если вычеркнуть из этого списка всего один префикс, мы начинаем обнаруживать соответствующие естественные предложения. Вот несколько корпусных примеров с тройной префиксацией¹.

- (7) Сейчас заканчивается запись альбома, осталось кое-где **до-пере-за-писать** гитары. В чем нам и помогает наш друг Леха Еромалаев. К февралю, думаю, должны успеть [belovod.mccinet.ru].
- (8) И ещё насчёт вокала – действительно, кое-какие моменты можно было **пере-до-за-писать** и дотянуть, ибо возможности вполне позволяют! В целом вокал роскошный и очень даже оригинальный [www.harder.dn.ua].
- (9) За это время успел познакомиться с огромным количеством народа, от ныне здравствующих Night Wolves до почти сгинувших в пространстве и времени окрестных бэд бойз и гопников, которым благодаря своим тогдашним связям **на-пере-за-писывал** страшное количество музыкального железа [top100ru.ucoz.ru].

Как описательная, так и теоретическая важность этого факта раскрывается в полной мере, когда мы обнаруживаем, что возможности менять местами префиксальный материал жестко ограничены. Сравним (1) и (6) с предложениями в примере (10) (предполагая, что префиксы имеют те же значения, что и раньше):

- (10) а. *Володя на-за-до-пере-писывал ...
б. *Володя до-пере-на-за-писывал ...
в. *Володя до-пере-за-на-писывал ...
г. *Володя за-на-до-пере-писывал ...
д. *Володя за-до-пере-на-писывал ...
е. ....

Неприемлемость предложений (10а–е) непоправима и не может быть преодолена ни в каком контексте. Попытка повторить с ними тот же прием, который мы использовали в (1)–(5), чтобы убедиться в реальности глагола *надоперезаписывать*, делает это явным. В (10а) мы сначала переходим от *переписать* (например, статью) к *допереписать* и производим имперфективацию с образованием *допереписывать*. Следующий шаг – присоединение инцептивного *за-*. Глагола *задопереписывать* мы не находим в словарях и корпусах, однако большинство опрошенных носителей отнеслось к нему благосклонно («Человеку надо было допереписать статью. Он сидел-сидел, ничего не делал, а потом раз – и задопереписывал»). Неприятности происходят на последнем шаге – при попытке нанизать на инцептивную основу кумулятивный префикс *на-*. В этом месте среди информантов (включая тех, кто допускает большие вольности в префиксальном словообразовании) возникает полное единодушие: предложение *Володя назадопереписывал кучу статей* неграмматично, даже если создать для него подходящий экстралингвистический сценарий. (В таком качестве можно представить себе ситуацию, где количество статей, подвергшихся начальной стадии допереписывания, постепенно нарастает и в конце концов достигает величины, которую можно оценить как значительную.)

¹ Здесь и далее мы придерживаемся расширительной трактовки понятия «корпусной пример», включая в него не только предложения из Национального корпуса русского языка, но и предложения, найденные во всемирной сети Интернет с помощью поисковых систем Google и Яндекс. Воспроизводя эти последние в тексте статьи, мы сохраняем все их языковые особенности, устраняя лишь явные опечатки и ошибки.

Читатель может самостоятельно повторить этот опыт с другими предложениями в (10) и убедиться, что все они неграмматичны и неинтерпретируемы, а глаголы *назадопереписывать*, *допереназаписывать*, *доперезанаписывать*, *занадопереписывать*, *задоперенаписывать* не являются возможными глаголами русского языка. Важнейшая задача теории русского глагола – объяснить, почему это так. Нацеливаясь на решение этой общей задачи, в данной статье мы представим наблюдения о деривационном потенциале глаголов с множественной префиксацией – о вторичной имперфективации, образовании причастий и отглагольных существительных.

Как мы уже видели в (1)–(5), деривация глаголов типа *надоперезаписывать* складывается не только из присоединения префиксов: в этот процесс вовлечен и суффикс вторичного имперфектива. Глагол *надоперезаписывать* имеет следующую деривационную историю:

(11) писа(-ть)	1-й шаг: префигирование <i>за-</i>
за-писа(-ть)	2-й шаг: префигирование <i>пере-</i>
пере-[за-писа](-ть)	3-й шаг: префигирование <i>до-</i>
до-[пере-[за-писа]](-ть)	4-й шаг: вторичная имперфективация <i>-ыва-</i>
[до-[пере-[за-пис]]]-ыва(-ть)	5-й шаг: префигирование <i>на-</i>
на-[[до-[пере-[за-пис]]]-ыва](-ть)	

Деривационный путь от *писать* к *надоперезаписывать* устроен так, что присоединение показателя вторичного имперфектива в любой другой его точке невозможно. До *надоперезаписывать* нельзя добраться, если вторичная имперфективация происходит, например, на втором шаге. Мы получаем основу *записыва-*, после чего попытка присоединить к ней репетитивный *пере-* с образованием перфективной основы *перезаписыва-* заканчивается неудачей, и деривационная цепочка прерывается. (Основа *перезаписыва-* с репетитивным *пере-* в русском языке, конечно, существует, но только как основа несовершенного вида, а ведет к ней другой деривационный путь, в котором *пере-* присоединяется до *-ыва-*, а не после: *писа-* → *записа-* → *перезаписа-* → *перезаписыва-*.) Читатель может самостоятельно убедиться, что в (11) проведение вторичной имперфективации на любом другом шаге, кроме четвертого, заканчивается аналогичной неудачей. Теория должна объяснить, почему это так.

Образование страдательных причастий на *-н/-т-* допускается до третьего шага деривации включительно:

(12) писа-н	1-й шаг: префигирование <i>за-</i>
[за-писа]-н	2-й шаг: префигирование <i>пере-</i>
[пере-[за-писа]]-н	3-й шаг: префигирование <i>до-</i>
[до-[пере-[за-писа]]]-н	4-й шаг: вторичная имперфективация <i>-ыва-</i>
*[[до-[пере-[за-пис]]]-ыва]-н	5-й шаг: префигирование <i>на-</i>
*[на-[[до-[пере-[за-пис]]]-ыва]]-н	

Из (12) видно, что присоединение показателя вторичного имперфектива блокирует построение страдательных причастий, однако до этого момента отглагольная адъективация допускается, и внушительный префиксальный материал этому не препятствует. Как и в предыдущем случае, было бы желательно понять, что в точности отделяет возможные причастия от невозможных.

Наконец, образование отглагольных существительных также подвержено существенным ограничениям. Вот несколько характерных примеров номинализаций, в которых представлены разные комбинации тех же префиксов, которые мы наблюдаем в (1):

- (13) Номинализации с одним префиксом:
- а. Вот на эти-то выпадые моей «иронии» против «иронии» Блока он мне отвечал **записанием** в «полупомешанного», чтоб чрез годик сказать об иронии, переписав мои «полупомешанные» заявленья [А. Белый. Начало века (1930)].

- b. Победившая сторона зачастую принимает мировоззрение побежденной. Пример тому – принятие русским народом христианской религии. И **переписывание** всех основных законов предыдущей (языческой) религии, причем более человечной [kr-fe01.panda-kr.ru].
- c. Буде же отыщется человек, способный и здесь автора переплюнуть, такому просто грех разбазаривать таланты на **дописывание** чужих романов – природой назначено братья за свои [М. Бутов. Отчуждение славой (2000)].

(14) Номинализации с двумя префиксами:

- a. Если данные хранятся на физически отдельном оборудовании (диске, дисковом массиве, СХД), то **перезаписывание** всего дискового пространства случайными паттернами, в идеале в несколько проходов, – вполне адекватный способ [forum.ixbt.com].
- b. А вот привилегированным пользователям следует разрешить запись, **дозаписывание** и удаление [www.liveinternet.ru].
- c. <Ответ на вопрос о творческих планах писателя Ника Перумова.> Новый фэнтези цикл – «Семь зверей Райлега». Дописывание цикла «Техномагии» – «Зона Магов». **Передописывание** цикла «Кольцо Тьмы» [forum.lifecity.com.ua].

Номинализации в (13)–(14) соответствуют глаголам *записать*, *переписать*, *дописывать*, *перезаписывать*, *дозаписывать* и *передописывать*. Мы, однако, не обнаруживаем в корпусах номинализации с кумулятивным *на-* в (15), а носители русского языка воспринимают их как неграмматичные.

(15) *назаписывание, *надописывание, *напереписывание

Соответствующие глаголы в русском языке, однако, существуют, как показывает (16a–c). Нет принципиального запрета и на номинализацию основ с кумулятивным префиксом, ср. (17a–c).

(16) Кумулятивные глаголы, соответствующие недопустимым номинализациям:

- a. Микс сей подготовлен специально для Гончаровой Насти (=) Обычно я так не стараюсь, а тут аж ради неё 79 минут **назаписывал** [dj-scroll.hiphopping.ru].
- b. Интересно, чего там наредактировал и **надописывал** Кристофер? Надо обязательно почитать! [forum.darkgrot.ru]
- c. Я за купоны 4 месяца бесплатно пользовался ихней фильмотеккой, фильмов **напереписывал**... [forum.nakhodka.info]

(17) Номинализации от кумулятивных глаголов:

- a. А сами по себе новогодние праздники я по-прежнему не люблю, как и любые другие, мне чужда эта бесконечная суета, **надаривание** бессмысленного хлама, которому надо живо радоваться [vedomir.info].
- b. Такое положение дел способствует **налавливанию** межкомпонентными проводами от головы до усилителя всего букета помех, которые живут в электропроводке автомобиля [magnitola.net].
- c. Такой способ воспитания перестал отвечать своему изначальному предназначению и превратился в простое **набрасывание** кучи камней в источник любви, с целью прекращения такого сильного потока любви, какой был в ребенке [practices.ucoz.ru].

Как показывают эти примеры, образование отглагольных существительных подвержено действию нетривиальных ограничений, и исследователь сталкивается с необходимостью сформулировать и объяснить их.

В следующих разделах этой статьи мы попытаемся решить несколько взаимосвязанных задач. В разделе 1 мы предложим теорию префиксации, которая, как представляется, с достаточно высокой точностью отграничивает возможные глагольные основы от невозможных. В разделе 2, опираясь на эту теорию, мы обсудим имеющиеся в русском языке ограничения на вторичную имперфективацию. В разделе 3 предлагается несколько обобщений о возможных моделях причастной адъективации и номинализации.

1. ТЕОРИЯ ПРЕФИКСАЦИИ

Если сделанные выше наблюдения по поводу (1) верны, из них вытекает важнейшее следствие. В словарях представлена лишь незначительная часть возможных русских глаголов. По той же модели, что и *надоперезаписывать*, можно образовать глаголы от очень широкого, а главное, открытого класса глагольных корней; двойная, тройная и четверная префиксация приводят к настоящему комбинаторному взрыву. Естественно предположить, что такие глаголы не усваиваются и не хранятся в готовом виде, а создаются динамически из доступного морфологического материала по определенным правилам. Благодаря (10) мы видим, что существуют очень жесткие ограничения на возможные комбинации компонентов глагола. Знание русского языка – это в том числе и знание этих правил и этих ограничений. Одна из наших главных задач – сформулировать теорию префиксации, которая предсказывает ограничения типа (10) и предложить подкрепляющие ее аргументы. Основные компоненты теории изложены и обоснованы в [Татевосов 2009]. Ниже приводится их сжатое изложение.

Систематические исследования ограничений на префиксацию, аналогичных тем, которые мы наблюдаем в (10), начались относительно недавно. В этой области выдвинуто много разнообразных предположений, однако сформулировано относительно мало устоявшихся и общепринятых обобщений. Не имея возможности разбирать разные варианты анализа в пределах этой статьи, мы отсылаем читателя к работам О.А. Бабко-Малой, П. Сенониуса, Дж. Рэмченд, Е. Романовой [Babko-Malaya 1999; Ramchand 2004; Romanova 2004; 2006; Svenonius 2004; 2008], см. также очень краткое резюме основных идей в [Татевосов 2009].

Имеется общее согласие, что в славянских языках противопоставлены две группы префиксов, известные как внутренние и внешние, или лексические и супралексические. Различие между ними можно объяснить в структурных терминах: первые представляют собой (синтаксические) вершины, которые вступают в деривацию внутри глагольной группы, а вторые – за ее пределами²:

(18) [_{XP} ... внешний префикс [_{VP} ... внутренний префикс ...]]

² Взгляд на префиксацию, который предлагается в работах перечисленных авторов, опирается на существенную теоретическую предпосылку: антилексикализм. Один и тот же грамматический механизм, который обычно называется синтаксисом, отвечает за построение слов из морфем и предложений из слов. Соответственно, такие показатели, как префиксы или суффикс вторичного имперфектива, – это синтаксические объекты, которые подчиняются действию синтаксических правил и ограничений. Мы не имеем возможности сколько-нибудь развернуто описывать компоненты теории, прямо не относящиеся к сюжету этой статьи, и ограничимся минимальным изложением исходных допущений и пояснениями к используемой нотации. Мы исходим из того, что структура составляющих описывается так называемой X'-теорией, согласно которой любая составляющая имеет вид [_{XP} YP [_{X'} X ZP]]. В этой структуре представлена **вершина** X, которая образует составляющую со своим **комплементом** ZP (эта составляющая, X', называется промежуточной проекцией X). Составляющая X' соединяется со **спецификатором** YP и создает **полную проекцию** вершины X, XP. (Более подробно о подходах к фразовой структуре см., например, [Carnie 2008].) Мы исходим из того, что деривационные морфемы, такие как префиксы и суффиксы, представляют собой синтаксические вершины, занимающие определенную позицию в иерархической структуре предикации. Деривационные морфемы соединяются с основой посредством **передвижения вершины**, механизма, действие которого показано в (i)–(ii) (см. подробнее [Roberts 2001]).

(i) До передвижения вершины: [_{YP} ... Y ... [_{XP} ... X ...]].

(ii) После передвижения вершины: [_{YP} ... [_Y Y X] ... [_{XP} ... t_X ...]],

где [_Y Y X] – сложная вершина, содержащая в себе X и Y (и обладающая свойствами и дистрибуцией Y), а t_X – след вершины X в ее исходной позиции.

В пределах этой статьи мы не будем затрагивать вопрос о том, какими концептуальными и эмпирическими соображениями мотивирован синтаксический подход к морфологии вообще и к префиксации в частности (см. релевантное обсуждение в [Svenonius 2004]). Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что эмпирические обобщения, предлагаемые ниже, не являются эпифеноменом исходных допущений и остаются верными вне зависимости от выбора теоретической парадигмы. Мы надеемся, что читатель, более привычный к лексикалистскому взгляду на морфологию, сможет без труда перевести сказанное ниже на язык своей любимой теории.

К внешним префиксам относятся, в частности:

- инцептивный *за-* (например, *запеть*),
- делимитативный *по-* (*посидеть*),
- кумулятивный *на-* (*наловить (рыбы)*),
- дистрибутивный *пере-* (*перестрелять (всех врагов)*),
- комплетивный *до-* (*дописать*),
- репетитивный *пере-* (*перечитать (роман)*),
- аттенуативный *под-* (*подзабыть*),
- дистрибутивный *по-* (*побросать*).

Некоторые авторы добавляют к этому списку финитивный *от-* (*отработать*) [Svenonius 2004; Романова 2004], пердуративный *про-* (*просидеть*) [Babko-Malaya 1999], интенсивно-результативный *из-* (*изранить*) [Svenonius 2004], аттенуативный *при-* (*призадуматься*) [Романова 2004]. Остальные префиксы являются внутренними.

Обобщение (18) верно предсказывает, что, если в основе имеется и внутренний префикс и внешний, первый располагается ближе к корню, а второй – на левой периферии основы. По одному примеру для обсуждаемых в настоящей статье внешних префиксов представлено в (19)–(26). Варианты в примерах (b) показывают, что глагольные основы с перестановкой префиксов невозможны.

(19) Инцептивный префикс *за-*:

- a. – Я же не напрашиваюсь! Касаткин испуганно **за-о-глядывался**. – Потеше [Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002)].
- b. ... ***о-за-глядывался** ...

(20) Делимитативный префикс *по-*:

- a. Повозили туда, сюда, **по-вы-ступал** он в залах и комнатах, в разных цехах и кооперативах, наконец десерт – неделя на море [А. Найман. Пропущенная глава (2001)].
- b. ... ***вы-по-ступал** ...

(21) Кумулятивный префикс *на-*:

- a. Ему еще нет и сорока лет, а уже стал живой легендой находкинского футбола, за четыре сезона в московском «Локомотиве» **на-за-бивал** 40 голов [www.ap.altairegion.ru].
- b. ... * **за-на-бивал** ...

(22) Дистрибутивный префикс *пере-*:

- a. Киса, молча оперевшись лапой в туловище искусственного грызуна, зубами отдирав мыший хвост. Хвост держался насмерть, недаром я **пере-от-рывала** хвосты у половины представленной в магазине мышинной продукции [piriyana.livejournal.com].
- b. ... * **от-пере-рывала** ...

(23) Дистрибутивный префикс *по-*:

- a. И впрямь пулевая очередь проскочила впереди Сашки, **по-с-бивала** ветки с деревьев, потом прорезала в правую сторону, где шел дальше редкий подлесок и где обитает его первая, битая-перебитая рота в тринадцать штыков [Вяч. Кондратьев. Сашка (1979)].
- b. ... * **с-по-бивала** ...

(24) Комплетивный префикс *до-*:

- a. Кожа лица его, особенно лба, перебегала, выражая усилие **до-о-смыслить**, о чём его спросили [А. Солженицын. В круге первом (1968)].
- b. ... * **о-до-смыслить** ...

(25) Репетитивный префикс *пере-*:

- a. Собственно, именно поэтому французское отделение компании Polydor выдало слепой паре карт-бланш на выпуск альбомов и даже обещало **пере-вы-пустить** все их предыдущие диски [А. Мунипов. Сверхтерпение. Транснадежность (2002) // «Известия»].
- b. ... * **вы-пере-пустить** ...

(26) Атенуативный префикс *под-*:

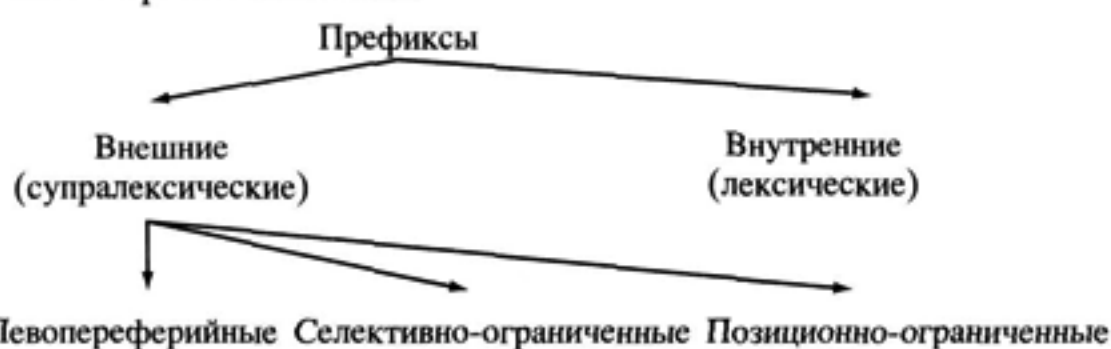
а. Мы работали дружно, увлеченно, я, уже несколько **под-об-наглев**, пускалась в споры, но ничто не отвлекало нас: мое семейство, приученное уважать труд за столом, осуществляло свою жизнедеятельность тихо и уединенно [Г. Шергова. ...Об известных всем (2002–2004)].

б. ...* **о(б)-под-наглев** ...

Если (18) верно, ограничения на взаиморасположение, которые мы видим в (19)–(26), объясняются в один шаг: внешние префиксы не могут располагаться ближе к корню потому, что в иерархической структуре они помещаются выше внутренних. Обобщение (18), кроме того, объясняет и другие различия между классами префиксов, в частности актантные и семантические, см. сумму основных обобщений в [Татевосов 2009].

Практически все наши предшественники, работавшие над описанием и объяснением ограничений на префиксацию, исходили из того, что внешние префиксы образуют единый естественный класс и вследствие этого обладают общими свойствами. В действительности, однако (см. подробнее [Там же]), есть эмпирические причины предполагать, что общая картина несколько сложнее: внешние префиксы распадаются на три группы, которые мы называем левопериферийными, селективно-ограниченными и позиционно-ограниченными.

(27)

(28) а. Левопериферийные: дистрибутивный *по-* (*побросать*, *понабросать* и т. д.).

б. Селективно-ограниченные (СО-префиксы): делимитативный *по-* (*посидеть*, *побегать*, *пописать письмо*), кумулятивный *на-* (*набрать грибов*, *наварить варенья*), дистрибутивный *пере-* (*переловить всех преступников*, *пересажать всех врагов народа*), инхоативный *за-* (*забегать*, *запеть*) и т. д.

в. Позиционно-ограниченные (ПО-префиксы): комплетивный *до-* (*доделать домашнее задание*), репетитивный *пере-* (*переписать роман заново*), аттенуативный *под-* (*подустать*, *подмочить*) и т. д.

г. Лексические префиксы: все «чистовидовые префиксы»³, все «пространственные префиксы»: *в(о)-*, *вз(о)-*, *воз(о)-*, *вы-*, *над(о)-*, *низ(о)-*, *о-*, *об(о)-*, *пред(о)-*, *с(со)₁-*, *со₂-*, *у-* и т. д.

Левопериферийный префикс *по-* в (28а) в глагольной основе наиболее удален от корня независимо от того, какие еще элементы представлены в основе. Оставляя этот префикс за скобками, остановимся несколько подробнее на селективно- и позиционно-ограниченных префиксах.

Внешние СО-префиксы в (28б) подчиняются ограничению в (29): в (29а) оно сформулировано в виде описательного обобщения, а в (29б) – в виде запрета.

(29) Селективно-ограниченные префиксы

а. Основа, с которой соединяется СО-префикс, является формально имперфективной⁴.

б. * $[_{XP} [X \text{ селективно-ограниченный префикс }] YP^{[PFV]}]$

³ Здесь и далее мы исповедуем агностицизм в вопросе о лингвистической реальности чистовидовых префиксов и не подвергаем оценке ни аргументы тех, кто верит в их существование, ни аргументы противной стороны. Слово «чистовидовой» мы используем не в понимании, например, работы [Тихонов 1962], а лишь как простое и известное всем обозначение для случаев типа *писать* – *написать* или *есть* – *съесть*, оставляя в стороне вопрос об их семантическом анализе.

⁴ Формальная имперфективность, которая фигурирует в (29), – это набор коррелирующих свойств глагольной основы, по которым мы относим образованные от нее глаголы к одному из видов. Имперфективные основы, выступая без дополнительных деривационных показателей, в лично-числовых формах имеют временную референцию к настоящему, образуют форму аналитического будущего времени и допускаются в качестве сентенциальных дополнений при

Покажем, что (29) верно: если внешний селективный префикс присоединяется к некоторой основе, то это формально-имперфективная основа⁵. (30a–d) – примеры, в которых СО-префиксы комбинируются с непроизводными имперфективными основами; в (31a–d) показаны результаты их применения к вторичным имперфективам.

(30) СО-префиксы в комбинации с непроизводными имперфективными основами⁶:

- a. Агафья [на-[вари]^{IPFV}]^{PFV}-ла картошки, принесла из погреба туюсок сметаны и позвала мужиков к столу [Г. Марков. Строговы. (1936–1948)].
- b. А пока что имейте в виду, что если Вы захотите, то я сейчас же могу Вас вызвать в Москву как моего заместителя или в качестве заведующего отделом ИЗО в академическом центре, а сам уйду немного [по-[писа]^{IPFV}]^{PFV}-ть картины [Н. Пунин. Дневники. Письма. (1910–1921)].
- c. – Кого ищем? – деловито осведомилась Зинаида и включила системный блок. По экрану [за-[скака]^{IPFV}]^{PFV}-ли надписи. – Девушку двадцати лет с небольшим, одетую в белую куртку с меховым воротником [Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].
- d. Сын поморского промысловика испытывал такую тягу к знаниям, что не только [пере-[чита]^{IPFV}]^{PFV}-л все книги в своей родной деревне, но и пошел учиться в Москву [Д. Верхотуров. Неизвестный Михайло Ломоносов (2003)].

(31) СО-префиксы в комбинации со вторичными имперфективами:

- a. – Черт бы их побрал, [на-[[откр]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-ли детских садов целый город, а мебели не дают [А. Макаренко. Педагогическая поэма (1934)].
- b. Поэтому запустил программу, записывающую действия на экране, открыл PSP и немного [по-[[запис]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-л, что и как [nova-forum.com].
- c. Мальчик вдруг заиграл, [за-[[заби]^{PFV}-ва]^{IPFV}]^{PFV}-л и ватсе стал звездой всей Европы... А между тем до конца дублерского контракта оставалось полгода [jebers.forum24.ru].
- d. Долго искал утилитки для подобной работы, [пере-[[спраш]^{PFV}-ива]^{IPFV}]^{PFV}-л всех друзей и в итоге нашёл pssh и shmux, которые заслуживают внимания [michael.mindmix.ru].

фазовых глаголах. Например, формально имперфективной является основа *писа-*: предложение *Я пишу письмо* описывает ситуацию в настоящем, будущее время от этой основы имеет вид *буду писать*, а предложения типа *Я начал писать* грамматичны. Напротив, основа *написа-* формально перфективная, ср.: *Я напишу письмо*, **буду написать* и **начал написать*. К формально имперфективным относятся как непроизводные основы типа *писа-*, так и основы, полученные посредством имперфективации, например, *открыва-*. Среди формально перфективных основ также есть непроизводные и производные, ср.: *да(д)-* и *от-кры-*. Слово «формальный» здесь подчеркивает, что для определения вида основы нам не требуются какие-либо допущения о семантике (им)перфективности, о ее инварианте, частных значениях, лексических ограничениях и т. д.

⁵ (29) представляет собой необходимое, но не достаточное условие грамматичности основ с СО-префиксами. Это обобщение оставляет возможность того, что, будучи имперфективной, основа не присоединяет префикс по каким-то независимым причинам. Например, *выдавать* в *выдавать книгу* – это имперфектив, однако делимитатив *повыдавать книгу* крайне затруднен, а для большинства носителей языка вовсе невозможен (см. [Мелиг 2008]), ср.: *??Библиотекарь повыдавал книгу пять минут и сразу закрылся на перерыв*. Как отмечает Х.Р. Мелиг, чтобы образовать делимитатив от глагола *выдавать*, предикат должен подвергнуться «вторичной гомогенизации», которая достигается, если в качестве прямого дополнения использовать множественную или неисчисляемую именную группу, ср.: *Библиотекарь повыдавал книги || литературу пять минут и закрылся на перерыв*. Из этих примеров хорошо видно, что в общем случае возможности префиксальной деривации ограничиваются и структурными, и семантическими факторами.

⁶ Важное замечание о нотации. На протяжении этой статьи квадратные скобки используются в двух целях: для выделения синтаксических составляющих, как в (29b), и намного чаще для обозначения морфологических составляющих глагола, как в (30) и далее. В первом случае, как принято в литературе, справа от открывающей скобки помещается обозначение синтаксической категории в виде нижнего индекса, например, «[_{УР}». Во втором случае (который не встречается за пределами этой статьи), справа от закрывающей скобки располагается информация о формальной (им)перфективности в виде верхнего индекса, например, «]^{IPFV}».

Присоединение СО-префиксов к перфективной основе невозможно. (32a–d) иллюстрирует их неприемлемость в комбинации с непроизводными перфективными основами. В скобках приводятся имперфективные аналоги, благодаря которым мы видим, что источник неприемлемости заключен не в принципиальной семантической несочетаемости префикса с основой, а именно в перфективности последней:

- (32) СО-префиксы в комбинации с непроизводной перфективной основой:
- a. ***[На-[да]^{PFV}]^{PFV}-ла** (ОК**[на-[[да]^{PFV}-ва]^{IPFV}]^{PFV}-ла**) ему пощёчин – он только увертывался, прикрывая лицо, – берёт зубы [И. Грекова. Фазан (1984)].
  - b. ***Посидим, [по-[реши]^{PFV}]^{PFV}-м** (ОК**[по-[[реш]^{PFV}-а]^{IPFV}]^{PFV}-ем**) вопросы, с пацанами познакомишься, чтобы дорогу случайно не перебежать [Г. Прашкевич, А. Богдан. Человек «Ч» (2001)].
  - c. *Ему показалось, что он наконец **[за-[ощути]^{PFV}]^{PFV}-л** (ОК**[за-[[ощущ]^{PFV}-а]^{IPFV}]^{PFV}-л**) свою душу, которая была похожа на многослойную луковицу, почувствовал ее от огненной сердцевинки до плотной наружной [books.rusf.ru].
  - d. *Ну вот, я успел запустить семь или восемь самолетиков, **[пере-[броси]^{PFV}]^{PFV}-л** (ОК**[пере-[[брос]^{PFV}-а]^{IPFV}]^{PFV}-л**) все дротики в мишень и как раз собирался встать и их оттуда повыдергивать [www.fanrus.com].

В несовместимости СО-префиксов с формальной перфективностью можно также успешно убедиться, удаляя показатель вторичного имперфектива из примеров в (31):

- (33) СО-префиксы в комбинации с префигированной перфективной основой:
- a. *– **[На-[откры]^{PFV}]^{PFV}-ли** детских садов целый город, а мебели не дают.
  - b. #Поэтому запустил программу, записывающую действия на экране, и **немного [по-[записа]^{PFV}]^{PFV}-л**, что и как.
  - c. *Мальчик вдруг заиграл, **[за-[заби]^{PFV}]^{PFV}-л** и ваще стал звездой всей Европы...
  - d. #Долго искал утилитки для подобной работы, **[пере-[спроси]^{PFV}]^{PFV}-л** всех друзей и в итоге нашёл pssh и shmux, которые заслуживают внимания.

Примеры в (33) либо вовсе неграмматичны, либо невозможны с требуемым значением префикса. Глагол *позаписать* упоминается в словаре В.И. Даля, однако имеет не делимитативную, а дистрибутивную интерпретацию: *Позаписал ли ты все покупки свои? В переспросить пере-* интерпретируется репетитивно ‘задать повторный вопрос’, но не дистрибутивно ‘последовательно обратиться с вопросом к элементам множества друзей’.

Итак, мы видим, что ограничение на дистрибуцию кумулятивного *на-*, дистрибутивного *пере-*, инцептивного *за-* и делимитативного *по-* формулируется в терминах аспектуальной селекции: эти префиксы выбирают имперфективную основу и отвергают перфективную, причем независимо от ее исходности / производности.

ПО-префиксы ограничены принципиально иначе. Они не заботятся об (им)перфективности, как видно из (34); см. также корпусные примеры в (35)⁷:

⁷ Рецензент «Вопросов языкознания» отмечает, что примеры типа (35) (а также (69) ниже) иллюстрируют «целые явления (например, ПО-префиксы в комбинации с перфективными основами), находящиеся в значительной степени за пределами литературной нормы». Мы не можем не согласиться с этим замечанием. Представляется важным, однако, разграничить два случая: когда материал находится именно «за пределами» нормы, то есть на него не распространяются существующие прескрипции, и когда он им прямо противоречит. В (35) и аналогичных предложениях перед нами несомненно первый случай: «окказиональное словообразование», как по традиции называют такие примеры, по самой своей природе выходит за границы академических грамматик и словарей. Никаких описанных там нормативов эти предложения, однако, не нарушают. Как раз напротив: о каждом из ПО-префиксов по отдельности АГ-80 сообщает: «Ряд глаголов (с данным префиксом. – С.Т.) мотивируется глаголами сов. вида»; см. [АГ-80: § 860, 870 и 872]. Таким образом, сочетание ПО-префиксов с перфективными основами в (35) и аналогичных примерах не выглядит чем-то ненормативным.

- (34) ПО-префиксы в комбинации с основами разных видов:
a. [пере-[писа] ^{IPFV} PFV]-ть	[пере-[на-[писа] ^{IPFV} PFV]PFV]-ть
b. [до-[чита] ^{IPFV} PFV]-ть	[до-[про-[чита] ^{IPFV} PFV]PFV]-ть
c. [под-[тая] ^{IPFV} PFV]-ть	[под-[рас-[тая] ^{IPFV} PFV]PFV]-ть
- (35) ПО-префиксы в комбинации с перфективными основами из (34):
- Впоследствии, когда «Властелин колец» был уже завершён, он [пере-[на-[писа]^{IPFV}PFV]PFV]-л всё заново [zhurnal.lib.ru].
  - Как раз недавно [до-[про-[чита]^{IPFV}PFV]PFV]-л все ваши стихи, и очень захотелось попросить писать еще [www.stihi.ru].
  - Ну вот, снег [под-[рас-[тая]^{IPFV}PFV]PFV]-л, появилась возможность его помесить, и мы решили с приятелем этим заняться [www.drive2.ru].

Эти префиксы, однако, отличаются чувствительностью к положению в иерархической структуре основы:

- (36) Позиционно-ограниченные префиксы:
- В иерархической структуре основы ПО-префикс располагается не выше показателя вторичного имперфектива *-ыва-*.
  - *[_{XP} [_X позиционно-ограниченный префикс] [_{YP} ... *-ыва-* ...]]

Как предсказывает (36), если в основе представлены одновременно показатель вторичного имперфектива и ПО-префикс, первый в обязательном порядке присоединяется поверх второго. Следовательно, поскольку последним шагом деривации в таких основах является вторичная имперфективация с помощью *-ыва-*, они должны быть формально имперфективны:

- (37) [*-ыва-* [позиционно-ограниченный префикс [...]]^{PFV}]^{IPFV}

Это предсказание легко проверить. Возьмем глаголы, в которых представлен и ПО-префикс, и показатель вторичного имперфектива:

- (38) Вторичные имперфективы от глаголов с ПО-префиксами:
- Сидит себе спокойно [[до-[заби]^{PFV}PFV]-ва]^{IPFV}-ет документы из анкеты в программу. Ну я подошёл в окно и давай пристально на неё смотреть [yomakadji.livejournal.com].
  - Сейчас занимаюсь тем, что [[пере-[запис]^{PFV}PFV]-ыва]^{IPFV}-ю начисто партии бас-гитары – обычно в начале я пишу «черновой» бас, а потом делаю настоящую партию с учетом всех [metatism.borda.ru].
  - И сколько сейчас компенсация за соцпакет? Просто у меня на книжку все идет, стараюсь деньги не снимать, а [[под-[накапл]^{PFV}PFV]-ива]^{IPFV}-ю [forum.littleone.ru].

Все три глагола в (38а–с) имеют в лично-числовых формах временную референцию к настоящему, а значит, являются формально имперфективными. Дополнительное свидетельство – их допустимость в качестве вершины инфинитивной клаузы, зависимой от фазового глагола:

- (39) a. ... начал [[до-[заби]^{PFV}PFV]-ва]^{IPFV}-ть документы из анкеты в программу...
 b. ... начал [[пере-[запис]^{PFV}PFV]-ыва]^{IPFV}-ть начисто партии бас-гитары...
 c. ... начал [[под-[накапл]^{PFV}PFV]-ива]^{IPFV}-ть деньги...

В (38а–с) к перфективным основам *записа-*, *заби-* и *накоти-* сначала присоединяется ПО-префикс, образуя еще одну перфективную основу (*перезаписа-*, *дозаби-*, *поднакоти-*), а затем новая перфективная основа подвергается вторичной имперфективации – в полном соответствии с (37).

Для основ в (38) можно вообразить и альтернативный путь деривации:

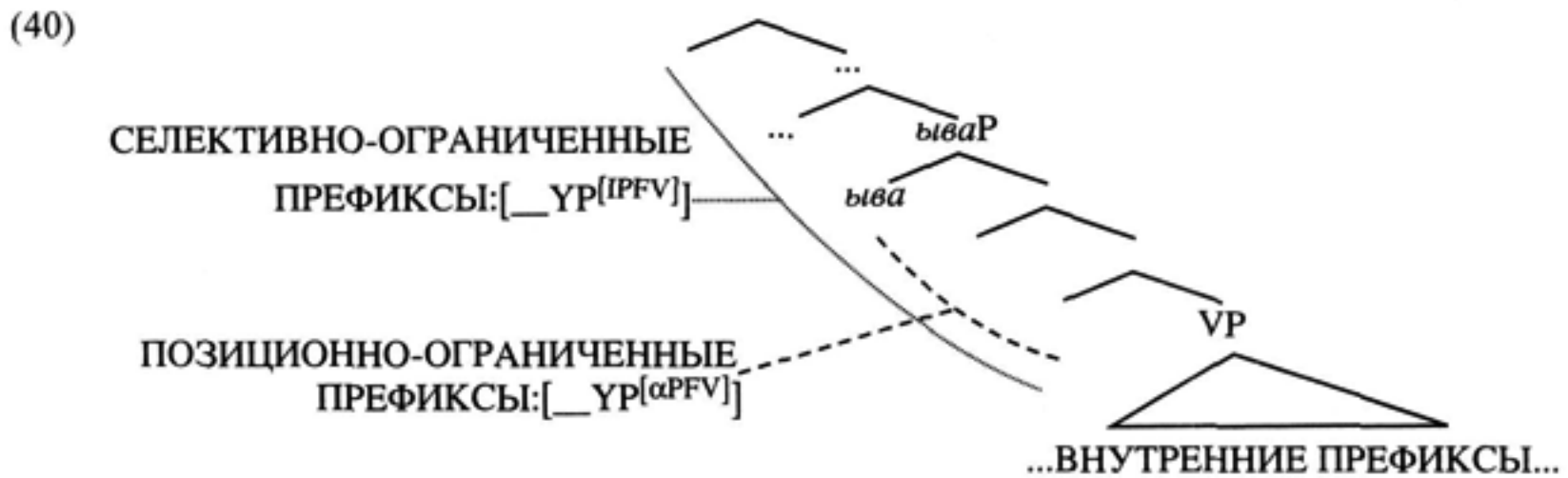
- (40) а. *[до-[[за-би]^{PFV}-ва]^{IPFV}]^{PFV}-ть
 б. *[пере-[[за-пис]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-ть
 с. *[под-[[на-капл]^{PFV}-ива]^{IPFV}]^{PFV}-ть

В (40а–с) основы *записа-*, *заби-* и *накоти-* сначала имперфективируются (*записыва-*, *забива-*, *накаплива-*) и лишь затем присоединяют ПО-префикс. В результате этот префикс оказывается выше показателя вторичного имперфектива, а создающаяся основа становится формально перфективной.

В реальности такая деривация невозможна: глаголы *дозабивать*, *перезаписывать* и *поднакапливать* нельзя интерпретировать как перфективные. Эта невозможность, однако, ни из чего, кроме обобщения (36), не следует. Глаголы *забивать*, *записывать* и *накапливать*, от которых в (40) мы пытаемся образовать перфективные *перезаписывать*, *дозабивать*, *поднакапливать*, в русском языке существуют. И если бы не обобщение (36), деривации (40а–с) были бы так же хороши, как (38а–с), а *перезаписывать*, *дозабивать*, *поднакапливать* и любые другие аналогичные глаголы были бы двувидовыми. Исходя из этого, мы получаем решающий аргумент в пользу того, что ПО-префиксы действительно подчиняются самостоятельному ограничению в (36), которое не выводимо из каких-либо других известных фактов, связанных с дистрибуцией этого класса префиксов и показателя *-ыва-*.

Подведем итог этого раздела. Группа СО-префиксов, содержащая кумулятивный *на-*, делимитативный *по-*, инцептивный *за-* и дистрибутивный *пере-*, требует, чтобы основа была формально имперфективной. Другая группа – комплетивный *до-*, репетитивный *пере-* и аттенуативный *под-*, или ПО-префиксы, – такого ограничения не имеет и может присоединять как перфективные, так и имперфективные основы. У этих префиксов есть ограничение на позицию: они возможны только до тех пор, пока к основе не присоединился показатель вторичного имперфектива *-ыва-*. Соответственно, основы, в которых одновременно присутствует и *-ыва-*, и ПО-префикс, всегда формально имперфективны. СО-префиксы ограничений на позицию не имеют.

Если принять во внимание внутренние префиксы, СО-префиксы, ПО-префиксы и имперфективирующий суффикс *-ыва-*, иерархическая структура глагольной основы, которая отвечает обобщениям в (29) и (36), выглядит следующим образом:

В этом разделе мы рассмотрели основы, в которых представлено не более одного СО-префикса или ПО-префикса. В [Татевосов 2009] мы обсуждаем более широкий класс случаев множественной префиксации, когда основа содержит два и более СО-префикса и/или ПО-префикса, как в (1) и (7)–(9). Выясняется, что (29) и (36) работают и в этом случае: все ограничения на образование мультипрефиксальных основ успешно предсказываются. Не повторяя здесь этот материал, мы сосредоточимся на группе проблем, которым в указанной работе не уделяется должного внимания. Мы попытаемся ответить на вопрос, какие предсказания о деривационном потенциале основы вытекают из нашей теории иерархической структуры глагольных деривационных показателей. В разделах 2–3 мы исследуем деривационные возможности основ с разными типами внешних префиксов, а именно, возможности имперфективации, образования страдательного причастия на *-н-/-т-* и отглагольного существительного на *-ние/-тие*.

2. ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

О взаиморасположении внешних префиксов и показателя вторичного имперфектива *-ыва-* мы говорили в разделе 1 в связи с ограничениями на позицию, характерную для комплетивного *до-*, репетитивного *пере-* и аттенуативного *под-*. В этом разделе мы обсудим более общие характеристики имперфективации и выясним, какие предсказания наша теория делает по этому поводу.

2.1. Ранняя имперфективация

Договоримся называть ранней имперфективацией такую, которой подвергаются основы, не содержащие внешних префиксов, будь то селективно-ограниченные или позиционно-ограниченные. Имперфективацию основ, в которые внедрился хотя бы один внешний префикс, будем называть поздней.

Имеется три возможности ранней имперфективации:

- (42) а. [вторичный имперфектив [... *непроизводная основа* ...]^{PFV}]
б. [вторичный имперфектив [... *непроизводная основа* ...]^{IPFV}]
в. [вторичный имперфектив [... *лексический префикс* ...
[... *непроизводная основа* ...]^{IPFV}]^{PFV}]

Первые две возможности в (42) очевидны: показатель имперфектива присоединяется к простой основе – первичному перфективу или первичному имперфективу. Первичные перфективы, как известно, не имеют принципиальных ограничений на имперфективацию, которая осуществляется в основном с помощью показателя *-а-* (*бросить* – *бросать*, *лишить* – *лишать*, *явить* – *являть*, *защитить* – *защищать*, *простить* – *прощать*), реже – с помощью *-(ы)ва-* (*дать* – *давать*, *обмануть* – *обманывать*). Выбор между *-а-* и *-ыва-* – это, по всей вероятности, словарное свойство *непроизводной основы* (см. подробнее 2.5).

Первичные имперфективы также могут «имперфективироваться». Этот процесс, однако, сопровождается значительными лексическими ограничениями, а в имперфективации участвует лишь показатель *-ыва-*, но не *-а-*.

- (43) «Имперфективация» первичного имперфектива:
а. Сроду этак никто не [[*пис*]^{IPFV}-*ыва*]^{IPFV}-л, как я, – уцепясь ногами за борт, головой вниз, рукой буква за буквой царапаю на обшивке [Б. Шергин. Кроткая вода (1930–1960)].
б. Ведь ты, дурак, и не [[*пах*]^{IPFV}-*ива*]^{IPFV}-л, и в извозе дальше сельпа не [[*езж*]^{IPFV}-*ива*]^{IPFV}-л, ты ведь одно вино да начальство возишь, у тебя жизнь-то как у Христа за пазухой [В. Белов. Привычное дело (1967)].
в. Никакой алмазной стали Шпиль не [[*вар*]^{IPFV}-*ива*]^{IPFV}-л и сварить не может [П. Бажов. Алмазная спичка (1945)].

К вопросам о том, чем определяется возможность вторичной имперфективации простых имперфективных основ и почему для этой цели нельзя использовать показатель *-а-*, мы вернемся ниже, в разделе 2.5.

Отметив возможность «имперфективации» первичных имперфективов, которая существенна для последующих рассуждений, обратимся к случаю в (42с): к перфективным основам с лексическими префиксами. Длительная история исследования таких основ, как кажется, так и не привела к ясному пониманию того, чем ограничена их имперфективация. Известно, что основы с лексическими префиксами, не относящимися к категории чистовидовых, имперфективацию систематически допускают, ср.: *подписать* – *подписывать*, *отломать* – *отламывать*, *одурманить* – *одурманивать*. Для основ с чистовидовыми префиксами, напротив, предсказуемых закономерностей не про-

сматривается: имперфективы типа *прочитывать* и *съесть* возможны, а *написывать* и *сделывать* для большинства носителей языка крайне сомнительны⁸.

Эту невозможность иногда объясняют явлением морфологического блокирования: существование первичного имперфектива *писать* делает избыточным вторичный имперфектив *написывать*, выражающий близкое значение. Слабое место такого объяснения известно: остается непонятным, как возможны распространенные в русском языке тройки вида *читать – прочитать – прочитывать* или *сверлить – просверлить – просверливать*. (О видовых тройках см. [Апресян 1995; Зализняк, Шмелев 2000; Храковский 2005; Зализняк, Микаэлян 2010; Зализняк и др. 2010; Татевосов 2010] и цитируемую в этих работах литературу.)

Еще один факт, который говорит против такого объяснения (ранее, насколько нам известно, не упоминавшийся в литературе) состоит в том, что невозможность имперфективации основ типа *написа-* не устраняется при последующей префиксальной деривации. (Мы, естественно, оставляем за скобками тех носителей языка, в речи которых это ограничение не соблюдается.) К основе *написа-* можно присоединить, например, ПО-префикс *до-*, как в (44), однако имперфектив *донаписывать* не более грамматичен, чем *написывать*.

(44) Я вчера [до-[на-[писа]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л черновик этого текста, отправил его одному близкому человеку прочитать. Нужен был свежий взгляд на эти 7 стр. [lui-parnas.livejournal.com].

Если *написывать* блокируется наличием *писать*, мы ожидаем, что *донаписывать* должен быть приемлем, поскольку для него непроизводного имперфектива не существует. Это, однако, неверно: невозможность имперфективации, возникшая на стадии присоединения лексического префикса, закрепляется за основой навсегда. Остается констатировать, таким образом, что запрет на вторичную имперфективацию основ типа *написа-* следует понимать как индивидуальное свойство этой основы, не предсказуемое из других ее свойств.

С этими фактами в руках рассмотрим, какие возможности наша теория префиксации предусматривает для поздней имперфективации основ с СО- и ПО-префиксами.

2.2. Позиционно-ограниченные префиксы

Предсказания по поводу имперфективации основ с ПО-префиксами тривиальны. Характерологическое свойство этих префиксов – присоединение *до -ыва-*, а значит, можно ожидать, что содержащие их перфективные основы допускают вторичную имперфективацию всегда, когда этому не препятствуют существующие независимо ограничения. Едва ли не единственное известное нам ограничение такого рода – это упомянутый в предыдущем разделе запрет на основы **донаписыва-*, когда имперфективация невозможна не из-за ПО-префикса, а из-за свойства основы *написа-*, вступающего в игру на более раннем шаге деривации.

Если исключить такие случаи из рассмотрения, то предсказание безусловно выполняется. Рассмотрим все логически возможные варианты присоединения ПО-префикса, а именно:

- ▶ к непроизводной имперфективной основе,
- ▶ к непроизводной перфективной основе,
- ▶ к перфективной основе с лексическим префиксом,
- ▶ к перфективной основе с другим ПО-префиксом,
- ▶ к перфективной основе с СО-префиксом.

⁸ Впрочем, есть и меньшинство, которое поставляет в корпусы примеры типа (i)–(ii):

- (i) Один парень мне постоянно **написывал**, полмесяца звал меня гулять, в четверг пожелал мне спокойной ночи и спросил, может, погуляем завтра [diary.ru].
- (ii) Ну сделал и молодец. Ну каждый **сделывает** в жизни свое [zr.ru].

Первая, самая простая возможность иллюстрируется глаголами *переписать*, *доделать* и *подтянуть*, которые без затруднений образуют имперфективы *переписывать*, *доделявать* и *подтаивать*. Их структура показана в (45):

- (45) a. [[пере-[пис]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ть
 b. [[до-[дел]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ть
 c. [[под-[та]^{IPFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}-ть

Остальные возможности возникают, когда ПО-префикс присоединяется к перфективной основе (непроизводной, либо полученной с помощью префиксации), а образовавшаяся основа затем присоединяет показатель имперфектива.

В (46) показана имперфективация основы вида «ПО-префикс плюс первичный перфектив», а в (47) – «ПО-префикс плюс перфектив с лексическим префиксом»:

- (46) Имперфективация основы с ПО-префиксом поверх непроизводного перфектива:
 a. Он, может быть, сам не считал свои мнения непогрешимыми, но что-то [[пере-[реш]^{PFV}]^{PFV}-а]^{IPFV}-ть, что-то переоценивать он не хотел, да, вероятно, уже и не мог [Н. Берберова. Курсив мой (1960–1966)].
 b. Нина [[до-[да]^{PFV}]^{PFV}-(j)]^{IPFV}-ет Косте то, чего ему явно не хватало от Аркадиной, – материнскую заботу, в которой всегда так нуждался слабый духом сын [Вершина айсберга (2003) // «Театральная жизнь»].
 c. В 2003 году меня МТС [[под-[обман]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-л, когда с «Джинса» перешел на «Оптиму». Приходилось звонить и объяснять. Деньги возвращали и извинялись [forum.smolensk.ws].
- (47) Имперфективация основы с ПО-префиксом поверх лексического:
 a. Записывал и [[пере-[за-[пис]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-л ее к врачу я! [В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)].
 b. Еще двери сам открывал – прыгал на ручку, висел чуток, потом лапой [[до-[от-[кры]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ва]^{IPFV}-л [forums.germany.ru].
 c. Выставляю эти наборы на поднос и на пару минут в гриль. Когда сыр [[под-[рас-[та]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}-ет, получается горячий сэндвич [dmitry-and-elvy.livejournal.com].

Следующий случай – когда ПО-префикс присоединяется к основе, уже содержащей другой ПО-префикс. Если последний комбинируется с непроизводной основой, мы имеем двупрефиксальный комплекс, который затем имперфективируется:

- (48) Имперфективация основ с ПО-префиксами поверх других ПО-префиксов с образованием двупрефиксального комплекса:
 a. Я сейчас как раз [[до-[пере-[чит]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ю «Хроники» и удивляюсь, как можно так «без дидактики» рассказать об идеях Евангелия [rusk.ru].
 b. Сейчас я [[пере-[до-[пис]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ю конец. Надеюсь в ближайшее время выпустить [dream-stone.blogspot.com].
 c. Я сам ее [[под-[до-[пис]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ю помалеху, но вычисление статов не трогал [forum.academ.org].
 d. Последней книгой на эсперанто, которую я прочитал (те, которые я время от времени [[под-[пере-[чит]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ю, не считаются), является, кажется, «Interpopola konduto» («Отношения между народами») [mevamevo.livejournal.com].
 e. На всё не хватает времени, время летит намного быстрее, чем я [[до-[до-[дел]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ю то, что мне надо [www.liveinternet.ru].
 f. Глава моя закончена. Вчера стал ее переписывать и писал целых десять часов подряд! Сегодня снова ее [[пере-[пере-[дел]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ю и пере-переписываю [flobet.narod.ru].

(48) иллюстрирует почти все логически возможные комбинации из двух ПО-префиксов. В (48a) к основе *чита-* сначала присоединяется префикс *пере-*, затем *до-* и после этого – вторичный имперфектив. В (48b) имперфектив также находится снаружи по отношению к *до-* и *пере-*, однако на этот раз *до-* размещается ближе к основе, а *пере-* – поверх него. Отметим также сравнительную легкость, с которой ПО-префиксы допускают рекурсию – *до-* поверх *до-* и *пере-* поверх *пере-* в (48e–f). (Проделать то же самое с *под-* существенно труднее по семантическим причинам, см. [Татевосов 2009]; прочие префиксы, насколько мы можем судить, рекурсию исключают полностью – даже в порядке языковой игры.)

Рассмотрим трехпрефиксальные основы, в которых имеется два ПО-префикса:

(49) ПО-префиксы поверх других ПО-префиксов с образованием трехпрефиксального комплекса:

- a. Император Изя-Слав был краток и строг с капитаном: – Пожалуйста, обеспечьте прибытие иностранного профессора. Американский истребитель не сбивать и [пере-[до-[за-[прави]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}]-ть [bookz.ru].
- b. Следствием всей дребедени с ICQ, Jabber-ом и прочими IM явилось то, что я наконец-то [до-[пере-[со-[бра]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л миранду, собрав в неё всё это многообразие протоколов [gl-info.livejournal.com].
- c. Он <мотоцикл> как приехал, я его [до-[под-[со-[бра]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л, завелся раза с 3-го, но я реально не спец в них, пару раз прокатился и все. Стоит сейчас во дворе [community.livejournal.com].
- d. Лютик: Но последняя песня – «Крылья» – у вас оборвана! Нельзя ли перезалить?
Сантолич: [Под-[пере-[за-[ли]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л, что было [music.tunnel.ru].

Нетрудно убедиться, что имперфективация таких основ допускается без ограничений: достаточно поместить их в надлежащий контекст:

(50) Имперфективы от глаголов в (49):

В этот самый момент он...

- a. [[пере-[до-[за-[правл]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}]-я]^{IPFV}-л истребитель.
- b. [[до-[пере-[со-[бир]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}]-а]^{IPFV}-л миранду.
- c. [[до-[под-[со-[бир]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}]-а]^{IPFV}-л мотоцикл.
- d. [[под-[пере-[за-[ли]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}]-ва]^{IPFV}-л музыку.

Несконструированных трехпрефиксальных примеров, в которых два ПО-префикса присоединяются поверх лексического, в корпусах не очень много, однако достаточно, чтобы убедиться: характерное для них ограничение на позицию строго соблюдается. Например, деривация (49b) начинается с непроемной имперфективной основы *бра-*, к которой на первом шаге деривации присоединяется лексический *со-*. На втором шаге перфективная основа *собра-* присоединяет репетитивный *пере-*, вновь образуя перфективную основу *пересобра-*. К этой основе добавляется еще один ПО-префикс, комплетивный *до-*, и перфективная основа *допересобра-* имперфективируется в (50b). Теория предсказывает, что альтернативные деривации основы *допересобира-*, которые представлены в (51), невозможны, и это предсказание верно:

- (51) a. *[до-[пере-[[со-[бир]^{IPFV}]-а]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}
b. *[до-[[пере-[со-[бир]^{IPFV}]-а]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}

И в (51a), и в (51b) происходит более ранняя имперфективация, чем в (50b): в (51a) показатель вторичного имперфектива присоединяется к основе *собра-*, а в (51b) – к основе *пересобра-*. В обоих случаях последний шаг деривации – присоединение префикса, тем самым, согласно (51a–b), глагол *допересобирать* должен быть перфективным. Однако из тестов на образование аналитического будущего и возможность возглавлять

инфинитивный оборот при фазовом глаголе в (52) видно, что это не так, а значит, деривации в (51), как и предсказывает теория, невозможны.

- (52) а. будет допересобирать
б. начал допересобирать

Наконец, последний возможный (и самый редкий) случай в нашем репертуаре – присоединение ПО-префикса поверх СО-префикса:

- (53) ПО-префиксы поверх СО-префиксов:
а. В ДК только что [до-[на-[бра]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л кучу недостающих постов [forum.souz.co.il].
б. А далее уже дело было за малым, всех [до-[пере-[би]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ть и радоваться победе [forums.ag.ru].
в. Прокатился вчера утром по каскаду на велосипеде, цветут два средних пруда, поэтому осел на нижнем, [под-[на-[лови]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л мелочевки – карась и ротан [www.rusfishing.ru].
г. Внимание, внимание, говорит Германия!!! Ребята, привет!! Я тут [под-[за-[боле]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л Америкой и собираюсь посетить [www.govogimpro.us].
д. Пошел варить кофе. Закурил. Открыл окно. [Пере-[за-[кури]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л. Краем глаза слежу за девочкой [smagaigor.livejournal.com].
е. У Вас какое-то странное прочтение. В любом случае нельзя считать эту семью полноценной, как Вы говорите... Очень рекомендую самому /самой еще раз повнимательнее [пере-[по-[чита]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ть [otvety.google.ru].

Большинство глаголов в (53) представляют собой, по выражению «Русской грамматики» [АГ-80: § 861], окказиональные образования, представленные в устной речи и близким к ней регистрам. Для нас существенно то, что, как и в случае (48), глаголы в (53) в подходящем контексте (например, в обоих контекстах Маслова) без затруднений имперфективируются.

- (54) Имперфективы от глаголов в (53):
<Хабитуальный контекст> С завидной регулярностью он...
<Контекст настоящего исторического> И вот Володя наливает себе чай, садится за компьютер, запускает любимые игры / сайты, и...
а. ... [[до-[на-[бир]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-а]^{IPFV}-ет кучу недостающих постов...
б. ... [[до-[пере-[би]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ва]^{IPFV}-ет всех врагов...
в. ... [[под-[на-[лавл]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}-ет всякой мелочевки...
г. ... слегка [[под-[за-[боле]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ва]^{IPFV}-ет Америкой...
д. ... [[пере-[за-[кур]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}-ет, когда открывает окно...
е. ... [[пере-[по-[чит]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}-ет чужие посты⁹...

Ср. также корпусные примеры с *донабирать*, *перезакуривать* и *подзаболевать*:

- (55) а. Проект «Истинный мир» [[до-[на-[бир]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-а]^{IPFV}-ет игроков на освободившиеся роли [gil.diary.ru].
б. Наш бедный немецкий друг. Он тужился, он краснел, он [[пере-[за-[кури]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ва]^{IPFV}-л её 4–5 раз. При этом бросить он её не хотел, несмотря на наши уговоры [gb.anekdot.ru].
в. Вчера он тоже [[под-[за-[боле]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ва]^{IPFV}-л и жаловался на горло – в минус вообще пить на улице не рекомендуется [tulatown.ru].

⁹ В нашем варианте русского языка примеры типа (54f) заметно проигрывают всем остальным. Однако важно то, что имперфективный (54f) не выглядит менее приемлемым, чем перфективный (53f), как и ожидается.

Во всех этих примерах происходит то же самое, что и в (48): сначала последовательное присоединение префиксов к основе, то есть два перфективных шага деривации, а затем – имперфективация. Как и в (48), более раннее присоединение показателя имперфектива создало бы конфигурацию (56), и мы бы ожидали, вопреки фактам в (57), что глаголы из (54)–(55) перфективны.

(56) [позиционно-ограниченный префикс [вторичный имперфектив [...]]^{IPFV}]^{PFV}

- (57) а. начал подзаболевать Америкой
 б. будет доперебивать всех врагов

Отметим примечательный, хотя и тривиальный (в рамках предлагаемой теории) факт: если ПО-префикс расположен поверх СО-префикса, исходным пунктом деривации может быть только простая имперфективная основа – такая, как *чита-* в (54f), или любая другая из (54). Мы не можем получить основу вида [позиционно-ограниченный префикс [селективно-ограниченный префикс [_{XP} ...]]], если внутри XP содержится какая бы то ни было перфективная основа, будь то простая или префиксальная. Чтобы удовлетворить требования СО-префикса, такую основу придется имперфективировать с помощью вторичного имперфектива, однако после этого становится невозможным соблюсти требование ПО-префикса:

(58) Нарушение селективного ограничения:

*[... позиционно-ограниченный префикс ... [... селективно-ограниченный префикс [_{XP} ...]^{PFV}]].

(59) Нарушение позиционного ограничения:

*[позиционно-ограниченный префикс [селективно-ограниченный префикс [*-ыва-* [_{XP} ...]^{PFV}]]^{IPFV}].

Требования (58)–(59) предотвращают образование глагольных основ, аналогичных тем, которые показаны в примерах (b–d) в (60)–(63):

(60) Кумулятивный *на-* поверх вторичного имперфектива:

- а. Любой дурак может [*на-*[[*зада*]^{PFV}-*ва*]^{IPFV}]^{PFV}-ть кучу вопросов, на которые и сто мудрецов не ответят. Ответа же на ваш вопрос у меня нет [boards.auto.ru].
 б. * ... может [*до-*[[*на-*[[*зада*]^{PFV}-*ва*]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ть кучу вопросов...
 в. * ... может [*пере-*[[*на-*[[*зада*]^{PFV}-*ва*]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ть кучу вопросов...
 д. * ... может [*под-*[[*на-*[[*зада*]^{PFV}-*ва*]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-ть кучу вопросов...

(61) Инцептивный *за-* поверх вторичного имперфектива:

- а. Ребята заглянули намедни в одну знакомую сауну, и при их неожиданном приходе персонал забегал, засуетился, [*за-*[[*выключ*]^{PFV}-*а*]^{IPFV}]^{PFV}-л звук в своей комнатке. А звук из их каморки шёл такой же, как из-за двери сауны [www.liveinternet.ru].
 б. * ... персонал [*до-*[[*за-*[[*выключ*]^{PFV}-*а*]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л звук...
 в. * ... персонал [*пере-*[[*за-*[[*выключ*]^{PFV}-*а*]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л звук...
 д. * ... персонал [*под-*[[*за-*[[*выключ*]^{PFV}-*а*]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л звук...

(62) Дистрибутивный *пере-* поверх вторичного имперфектива:

- а. Про унитаз страшно вспомнить... [*Пере-*[[*с-*[[*мы*]^{IPFV}]^{PFV}-*ва*]^{IPFV}]^{PFV}-л туда кучу нужных и не нужных вещей (последней каплей был домашний телефон) [mata51.ru].
 б. * ... [*до-*[[*пере-*[[*с-*[[*мы*]^{IPFV}]^{PFV}-*ва*]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л туда кучу нужных вещей...
 в. * ... [*пере-*[[*пере-*[[*с-*[[*мы*]^{IPFV}]^{PFV}-*ва*]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л туда кучу нужных вещей...
 д. * ... [*под-*[[*пере-*[[*с-*[[*мы*]^{IPFV}]^{PFV}-*ва*]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-л туда кучу нужных вещей...

- (63) Делимитативный *по-* поверх вторичного имперфектива:
- Испробовал: вещь стоящая, если кому интересно, найду название. Я на третьей пластинке чуть не бросил, жену [по-[[обман]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-л неделю и дальше курю [doska.mogilev.by].
  - *... жену [до-[по-[[обман]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}]-л неделю...
  - *... жену [пере-[по-[[обман]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}]-л неделю...
  - *... жену [по-[по-[[обман]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}]-л неделю...

Примеры (а) в (60)–(63) иллюстрируют основы с СО-префиксами, присоединяющимися поверх вторичного имперфектива (например, в (62а) мы имеем деривацию *смы-* – *смыва-* – *пересмыва-*, в которой последний шаг – дистрибутивный *пере-*). Дальнейшее присоединение ПО-префиксов, однако, создает невозможные основы, и наша теория дает этому принципиальное объяснение: внутри основы содержится вторичный имперфектив, и это исключает возможность соблюсти позиционное ограничение для *до-*, *пере-* и *под-* (ср. (59)).

Имея такое объяснение взаимной дистрибуции вторичного имперфектива и ПО-префиксов, мы можем обсудить подробнее случай с СО-префиксами.

2.3. Селективно-ограниченные префиксы

Обобщение (36) не накладывает ограничений на позицию СО-префиксов *на-*, *за-*, *пере-* и *по-* в основе. Теория предсказывает, что они могут быть расположены как выше, так и ниже, чем показатель *-ыва-*:

- (64) а. [_{XP} [_X селективно-ограниченный префикс] [_{YP} [_Y *-ыва*] [_{ZP} ...]]]
 б. [_{XP} [_X *-ыва*] [_{YP} [_Y селективно-ограниченный префикс] [_{ZP} ...]]]

Например, глагол *наоткрывать* в (65а) – это реализация первой возможности, а глагол *надаривать* в (65б) – второй.

- (65) а. Украина [на-[[от-[кры]^{IPFV}]-ва]^{IPFV}]-ет кучу новых посольств в Азии [mynews-in.net].
 б. Свекровь мне [[на-[дар]^{IPFV}]-ива]^{IPFV}-ет на год вперед всего и даже не задумывается, а нужно ли мне это всё! [www.eka-mama.ru]

(65б) – это случай имперфективации основы *надари-*, уже содержащей СО-префикс. В (65а) префигирование *на-* происходит после имперфективации, которой подвергается основа *откры-*.

По поводу (65а–б) есть два вопроса. Во-первых, мы должны сформулировать, при каких условиях какой из случаев имеет место. Во-вторых, можно заметить, что основа *наоткрыва-* является перфективной, а значит, может рассматриваться как потенциальный кандидат на последующую имперфективацию. Тем не менее такого не происходит: *на-от-кры-в-ыва-ть* не является возможным русским глаголом, и требуется объяснить, почему.

Рассмотрим вначале первый вопрос. Понять, как возникает конфигурация (65а), нам поможет обобщение (29): СО-префикс несоединим с формально перфективной основой. Соответственно, если на *i*-м шаге деривации возникла именно такая основа, на *i* + 1-м шаге присоединение СО-префикса невозможно.

- (66) *i*: [от-кры]^{PFV}
i+1: *на-[от-кры]^{PFV}

Если, однако, на *i* + 1-м шаге перфективную основу подвергнуть имперфективации, это создаст условия для последующего присоединения СО-префикса:

если те соединились с непроизводной имперфективной основой и образовали префигированную перфективную основу. Именно это и происходит в случае глаголов типа *надаривать*:

(72) [[на-[дар]^{IPFV}]-ива]^{IPFV}-ть

Для *надаривать* исходной точкой деривации является основа *дари-*. Поскольку эта основа формально имперфективная, обобщение (29) соблюдено, и СО-префикс может соединиться с ней непосредственно. В результате образуется формально перфективная основа *надари-*. Эта основа – допустимый материал для вторичной имперфективации, и после присоединения *-ыва-* образуется имперфективный глагол *надаривать*: *дари*^{IPFV} – *надари*^{PFV} – *надарива*^{IPFV}. Другие глаголы этого типа показаны в (73):

(73) Вторичный имперфектив поверх кумулятивного *на-*:

- a. У нас всегда мама [[на-[вар]^{IPFV}]-ива]^{IPFV}-ла кастрюлю гречки, а потом сама же в одиночку ей и давилась, ибо никто кроме нее ее не ел [jetem.ru].
- b. Пока лето, позаготовливай травок типа березы, календулы, ромашки... Я мешками [[на-[суш]^{IPFV}]-ива]^{IPFV}-ла и потом заваривала [mama.metroland.ru].

Отдельный вопрос, который возникает в этом месте, – почему основы типа *надарива-* допускают только такую деривацию и не допускают альтернативной, которая представлена в (74):

(74) [на-[[дар]^{IPFV}-ива]^{IPFV}]^{PFV}-ть

В (74) имперфективная основа *дари-* вначале соединяется с показателем имперфектива *-ыва-*, образуя новую имперфективную основу *дар-ива-*, и только после этого – с кумулятивным префиксом. Продуктом такой деривации, в которой последний шаг – префиксация, должен стать перфективный глагол.

В реальности ничего подобного не происходит: проинтерпретировать глагол *надаривать* и ему подобные как перфективные невозможно. Причины этой невозможности, однако, не выяснены (и даже вопрос об этом, насколько нам известно, никогда эксплицитно не задавался). Между тем ограничение на деривацию типа (74) нетривиально. Оно вряд ли может быть связано со свойствами СО-префиксов, которые, как мы только что видели, могут присоединяться поверх *-ыва-* без затруднений. Другое возможное предположение – что деривация блокируется на более ранней стадии, при присоединении *-ыва-* к основе *дари-*, когда образуется имперфективная основа *дарива-*. Проблема, однако, в том, что систематического запрета на соединение непроизводной имперфективной основы с *-ыва-* в русском языке нет. В частности, мы без труда находим в корпусах глагол *даривать*, как и другие глаголы так называемой многократной совершаемости:

(75) Мой отец под хорошую руку [[дар]^{IPFV}-ива]^{IPFV}-л десятки тысяч рублей на императорский балет [golovinfond.ru].

«Русская грамматика» [АГ-80: § 1424] сообщает, что такое происходит с «ограниченным кругом основ некоторых глаголов несов. вида». А.В. Исаченко [Исаченко 1960: 278] подчеркивает, что «многократная совершаемость образуется... лишь от немногочисленных глаголов». Однако семантическое разнообразие этих основ – «со значением неоднаправленного движения, восприятия, речи, существования, положения и изменения положения в пространстве, конкретного физического действия» – настолько широко, что мы имеем все основания говорить об открытом, а не «ограниченном» классе. Вот только несколько примеров из «Русской грамматики»:

- (76) а. Наташа тем быстрым шагом, которым она **бегивала** в горелки, побежала по зале в переднюю (Л. Толстой);
 б. Полуфрачки сшиты в обтяжку, не так, как нам в деревне **шивали** (Л. Толстой);
 в. На барина единого дня не **рабатывал** (Бажов);
 г. Всю войну не **плакивал** (Белов);
 д. Любил, бывало, **сживать** вечерами в правлении колхоза (М. Бубеннов);
 е. французенка, **гащивавшая** у княгини (Герцен);
 ж. всякий, **живавший** на чердаках (Бунин).

При наличии глаголов в (76) есть все основания усомниться в том, что причина неприемлемости (74) и аналогичных дериваций заключена в невозможности образовывать основы типа *дарива-*.

Нельзя исключить, что присоединение СО-префиксов к основе типа *дарива-* ограничено семантически: чтобы создавать глаголы типа *надаривать*, основа *дарива-* должна допускать эпизодическую интерпретацию, когда в рассмотрение вводится единичная ситуация, имеющая конкретную локализацию во времени и пространстве. Нетрудно увидеть, что, как бы мы ни анализировали значение примеров типа (76), эпизодическим оно не является. Проработку такой возможности мы оставляем на будущее: эпизодичность как ограничение на присоединение СО-префиксов представляется несамоочевидной.

Можно, наконец, предположить, что в русском языке для СО-префиксов действует специальное правило, которое можно назвать требованием раннего присоединения СО-префиксов:

- (77) Требование раннего присоединения СО-префиксов:

Если СО-префикс участвует в деривации, он должен быть присоединен немедленно, как только для этого создались условия.

В соответствии с (77), СО-префикс обязан вступить в игру сразу же, как только в процессе деривации возникает формально имперфективная основа. В случае с *надаривать* это происходит на первом же шаге: основа *дари-* имперфективна, а правило раннего присоединения исключает возможность подождать с префиксацией до следующих шагов.

Требование (77) нельзя признать теоретически безупречным: реальность его не имеет независимых подтверждений. Поэтому мы будем рассматривать (77) как описательное обобщение, отложив окончательное прояснение этой проблемы на будущее.

Следует подчеркнуть, что конфигурация [селективно-ограниченный префикс [... непроизводная имперфективная основа ...]] делает вторичную имперфективацию возможной, но не необходимой. Даже при наличии этой возможности в дело могут вмешиваться дополнительные факторы, блокирующие имперфективацию. Особенно это заметно при образовании вторичных имперфективов от инцептивных основ с префиксом *за-*. От многих таких основ вторичный имперфектив с готовностью образуется, например: *зацвести* – *зацветать*, *запеть* – *запевать*, *задуть* – *задувать*, *заболеть* – *заболевать* и т.п. Для других, однако, эта операция затруднена или вовсе невозможна, ср.: *залетать* ‘начать летать’ – ??*залетывать*, *задвигаться* – ??*задвигиваться* и т.п.

Еще А.В. Бондарко и Л.Л. Буланин [Бондарко, Буланин 1967: 44] отмечали в этой связи, что «совершенство начинательных глаголов связана с сосредоточением, концентрацией действия в его начальном пределе и трудностью развертывания этой начальной предельности в конкретный процесс или длительность». Мы не склонны, однако, считать этот факт теоретически важным. Случаи, когда вторичный имперфектив от инцептивных основ не образуется, не составляют естественного класса ни по семантическим, ни по морфосинтаксическим, ни по морфологическим параметрам. Весьма вероятно, что здесь задействована целая совокупность разных ограничений, причем разная для разных основ. Если это так, неграмматичность основ типа *залетывать*, *задвигиваться*, *зашумевать* (от *зашуметь*) или *закрикивать* (от *закричать*) не может служить контр-

примером для обобщения (36). С точки зрения этого обобщения важно лишь то, что вторичные имперфективы от основ вида [селективно-ограниченный префикс [... производная имперфективная основа ...]] в принципе существуют. А это, как мы убедились выше, действительно так.

Отметим, наконец, что многие имперфективы от инцептивных основ, которые в описаниях фигурируют как недопустимые, в действительности встречаются в корпусах, хотя и не очень часто – как, например, *затосковывать* в (78) от *затосковать*.

(78) Но через сколько-то времени, раньше или позже, кто-то непременно начнет сначала задумываться, а там и [[за-[тосков]^{IPFV}]-ыва]^{IPFV}-ть вечерами [zhurnal.lib.ru].

Можно спорить о степени естественности таких имперфективов, однако не вызывает сомнений, что для определенного количества носителей русского языка они находятся по сю сторону грамматичности.

2.4. Третичная имперфективация

Следующий вопрос, который необходимо обсудить в связи с имперфективацией основ, содержащих внешние префиксы, – это вопрос о невозможности подвергнуть дальнейшей имперфективации основы типа *наоткрыва-*, в которых СО-префикс находится снаружи имперфектива. Несколько примеров показаны в (79):

- (79) а. Был, кстати, чувак, который у ся в замке [на-[[откры]^{PFV}-ва]^{IPFV}]-л уйму законов физики и математики, но не делился ими с окружающими [www.ostrovgrad.info].
 б. Ну еще много что им сказал, что аж смотрящий того отделения чуть ли не в конвульсиях бился. А я еще немного ногами двери [по-[[откры]^{PFV}-ва]^{IPFV}]-л и пошел жалобу строчить [antiviza.borda.ru].
 в. В это время лежащий парень чуток очнулся и попытался приподняться: [за-[[откры]^{PFV}-ва]^{IPFV}]-л, выпучивая, непослушные глаза [www.proza.ru].
 г. Я обыскал там все, 100 раз [пере-[[откры]^{PFV}-ва]^{IPFV}]-л все картинки со всего форума и его подпапок, не нашел я такого, может я туплю? [100nt.ru]

Результатом имперфективации глаголов в (79), будь она возможна, оказались бы глаголы в (80):

- (80) а. *[[на-[[откры]^{PFV}-в]^{IPFV}]-ыва]^{IPFV}-ть¹⁰
 б. *[[по-[[откры]^{PFV}-в]^{IPFV}]-ыва]^{IPFV}-ть
 в. *[[за-[[откры]^{PFV}-в]^{IPFV}]-ыва]^{IPFV}-ть
 г. *[[пере-[[откры]^{PFV}-в]^{IPFV}]-ыва]^{IPFV}-ть

По всей видимости, причины неприемлемости этих и аналогичных глаголов не являются семантическими. Если вообразить, что от *наоткрывать* образуется имперфектив, этот имперфектив, вероятно, не имел бы актуально-длительного значения, но вполне мог бы иметь хабикулярное – ‘систематически осуществлять ситуацию ‘наоткрывать много дверей’’. Именно такое значение обычно выражают имперфективы от кумулятивов типа *наваривать варенья*, *надаривать подарков* и т. п., см. (65b) и (73). Других очевидных причин для неграмматичности (80) также не наблюдается.

¹⁰ Имперфективы на *-ыва-*, такие как *открывать*, относятся к первому продуктивному морфологическому классу с тематическим элементом *-a(j)-* в исходе основы. При имперфективации глаголов этого класса тематический элемент утрачивается, ср.: *подделать* – *подделыва-ть* || *поддела-ва-ть. Поэтому фонологически ожидаемый вариант третичного имперфектива – *наоткры-в-ыва-ть*, а не, скажем, *наоткры-ва-вать*.

Приходится признать, что неприемлемость (80) связана с отдельным морфосинтаксическим ограничением:

- (81) Запрет на третичную имперфективацию:
Третичная имперфективация в русском языке невозможна.

В связи с (81) возникает, конечно, вопрос, нельзя ли вывести это ограничение из каких-либо других характеристик русской грамматической системы. Ответа на этот вопрос мы в данный момент не имеем. Во всяком случае, этот запрет нельзя признать тривиальным, если принять во внимание данные чешского языка, в котором, согласно [Filip, Carlson 1997], третичная имперфективация допускается, причем даже и от имперфективной основы:

- (82) *za-pis-ova-t*   *za-pis-ová-va-t*
'записывать'   'записывать регулярно, иметь обыкновение записывать'

Ю.С. Маслов [Маслов 1981: § 210] описывает аналогичное явление в болгарском языке. Например, производный перфектив *търколя* 'повалить, опрокинуть' вначале имперфективируется, образуя *търкал-я-м* 'валить, опрокидывать', затем присоединяет кумулятивный префикс *на-*, создающий перфективный глагол *на-търкалям* 'навалить', а затем имперфективируется еще раз: *натъркал-ва-м*. Во всех примерах, которые анализирует Ю.С. Маслов, третичная имперфективация возникает, когда исходным пунктом деривации выступает производный перфектив, однако, насколько жестко соблюдается это ограничение, мы судить не беремся.

Чешский и болгарский материал заставляет предположить, что возможность третичной имперфективации – это параметр, принимающий разные значения в разных славянских языках. Если это так, то тот или иной вариант ограничения в (81) следует признать компонентом грамматической системы русского языка.

2.5. Морфология имперфективации

До сих пор мы не проводили различия между двумя поверхностно наблюдаемыми средствами имперфективации – *-ыва-* и *-а-*. В этом разделе мы изложим несколько наблюдений, указывающих на то, что для более точных обобщений это различие необходимо принять к рассмотрению.

Подавляющее большинство основ совершенного вида выбирают для имперфективации какой-то один из двух аффиксов – *-(ы)ва-* или *-а-*. Вариативность вида *затоплять/затопливать* имеет, по-видимому, ограниченный характер (К.С. Горбачевич [Горбачевич 1976] насчитывает около 50 основ такого типа), и к тому же представлена не у всех носителей русского языка, см. исчерпывающее исследование [Полс 1993]. Выбор аффикса, судя по всему, представляет собой словарное свойство основы; во всяком случае, способа вывести это свойство из каких-то других предложено не было. Однако роль, которую в иерархической структуре глагольных показателей играет элемент *-á-*, образующий имперфективы типа *решать* от производных перфективов типа *решить* (ср. их дериваты типа *отрешить – отрешать*, а также отыменные глаголы типа *устрашить – устрашать*), требует отдельного обсуждения.

До сих пор, как ни удивительно, нет единого понимания того, что представляет собой этот элемент – самостоятельную имперфективную морфему (например, [Бондарко, Буланин 1967: 32], из недавних работ – [Зализняк, Шмелев 2000: 68–69]), алломорф показателя *-ыва-* [Венедиктов 1961; Flier 1972; Coats 1974; АГ-80: 350–353] или «обычный» тематический гласный первого продуктивного морфологического класса глаголов – такой же, как в глаголе *делать* [Исаченко 1960: 176–180]. А во всеохватной книге И.Б. Иткина [Иткин 2008] вторичная имперфективация – это, пожалуй, единственное явление, через которое объясняется несколько других фактов, но которое само не получает эксплицитного анализа.

О. Матушанская в нескольких недавних работах [Matushansky 2008; 2009] предлагает теорию вторичного имперфектива, в которой основы с *-ыва-* и *-а-* возникают из одного и того же глубинного представления¹¹, где показатель вторичного имперфектива имеет (глубинный) вид *-ʊ-* («огубленный редуцированный»). В этой теории глубинный *-ʊ-* после основ на согласный либо выпадает перед тематическим элементом *-а-*, и тогда образуется имперфектив на *-а-*, как в (83b), либо после него эпентетируется глайд *-w-*, а сам *-ʊ-* подвергается диссимиляции по огубленности и преобразуется в редуцированный *-ъ-*, как в (83a). В результате возникает имперфектив на *-ыва-*.

- (83) а. [[[опрокид-ʊ]-а]-ть] → [[[опро-кид]-ъw]-а]-ть → [[[опро-кид]-ыв]-а]-ть; циклическое присоединение *-ʊ*
 б. [[покид-ʊ-а]-ть] → [[покид-а]-ть]; нециклическое присоединение *-ʊ*

Выпадение *-ʊ-* в (83b) обусловлено правилом, снимающим вокалический кластер *-ʊ-а-*. Это правило имеет приоритет над правилами вставления глайда после *-ʊ-* и последующей диссимиляции *-ʊ-*, которые превращают *-ʊ-* в *-ыв-* в (83a). Различие между глаголами типа *покидать* и *опрокидывать* обусловлено тем, применяются ли фонологические правила сразу после присоединения *-ʊ-* или только на следующем шаге, после появления тематического элемента *-а-*. В первом, «циклическом», случае на вход последовательности правил поступает цепочка [опрокид-ʊ], к которой правило разрешения вокалического кластера неприменимо (за неимением такого кластера), и деривация происходит так, как показано в (83a). Во втором, «нециклическом», случае применение правил происходит лишь в следующем цикле, после присоединения тематической морфемы, когда цепочка имеет вид [покид-ʊ-а], а контекст для снятия вокалического кластера уже создан. В результате основа вступает на путь деривации, показанный в (83b).

Несмотря на простоту и изящество этого анализа, имеются факты, которые следует объяснить, прежде чем мы сможем в полной мере воспользоваться его преимуществами. Все эти факты указывают на иерархическую асимметрию показателей *-ыва-* и *-а-*, которая схематически представлена в (84) и описывается обобщением в (85):

- (84) [X_P ... -ыва- ... [Y_P ... -а- ...]]

- (85) Во всех случаях, когда *-ыва-* имеет иную дистрибуцию, чем *-а-*, *-ыва-* присоединяется выше, чем *-а-*.

Обсудим наблюдения, которые подкрепляют (84)–(85).

Прежде всего, имеются глаголы, в которых вторичный имперфектив присутствует одновременно с ПО-префиксами, и дистрибуция *-а-* заметно отличается от дистрибуции *-ыва-*. Как мы видели выше, *-ыва-* присоединяется после ПО-префиксов. Показатель *-а-*, однако, может присоединяться и до них. Такое, в частности, происходит с глаголом *решать*, образующим пару с *решить*. Ср.: *до-реш-а-л* и *до-да-ва-л*:

- (86) а. Таки старый Абрам [до-[[реш]^{PFV}-а]^{IPFV}]-л все свои еврейские вопросы, но есть вопросы, которые можно решать только с привлечением людей другой национальности [zhurnal.lib.ru].
 б. То есть она [[до-[[да]^{PFV}]-ва]^{IPFV}]-ла тем, кому было недодано, людей же, у которых всего в досталь, не замечала [В. Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002)].

И в (86a), и в (86b) исходные пункты деривации схожи: это простая перфективная основа, соответственно *реш-* и *да(д)-*. Одинаков и морфологический материал: комплетивный префикс и вторичный имперфектив. Однако в первом случае префикс при-

¹¹ К такому же результату (различие между *-а-* и *-ыва-* – это не более чем поверхностно-фонологическое явление), хотя и принципиально другим путем, приходит Л. Фейнбенг [Feinberg 1980].

соединяется после *-а-*, в результате чего создается формально перфективный глагол, а во втором – до *-ыва-*, и возникает глагол НСВ. Эти возможности схематически представлены в (87а–b), где иерархическая асимметрия *-а-* и *-ыва-* делается наглядной:

- (87) а. [до- [-а- [реш-]]]
б. [-ва- [до- [да-]]]

Деривация, которую претерпевает *дорешать*, исключает его интерпретацию как имперфективного аналога *дорешить*: эти два глагола оказываются семантически неотличимыми, ср. (86а) и (88):

- (88) Жаль, что Сталин не [до-[реш^{PFV}]-л] этот вопрос по примеру партайгеноссе [forum.ixbt.com].

Отсутствующую у глагола *дорешать* возможность восполняет, как видно из примеров типа (89), регулярный вторичный имперфектив, образуемый с помощью *-ыва-*, который, как и предполагается в (87b), присоединяется поверх *до-*:

- (89) Поскольку председатель правительства [[до-[реш^{PFV}]-ива]^{IPFV}-л || ??[[до-[реш^{PFV}]-а]^{IPFV}-л какой-то важный госвопрос с одним из губернаторов, то у нас была возможность спокойно изучить интерьер зала, который нам уже стал вроде как родным и близким по многочисленным телевизионным репортажам [nnovobzor.ru].

(86а) и (89) вместе дают ровно ту картину, которая предсказывается в (84): *-ыва-* присоединяется выше, чем *-а-*.

Следующая группа фактов состоит в том, что показатель *-а-*, в отличие от *-ыва-*, обнаруживает целый ряд эффектов, указывающих на иерархическую близость к исходной основе.

Дистрибуция *-а-* варьирует в зависимости от лексического контекста. Глагол *дорешать*, по всей видимости, однозначно относится к совершенному виду: суждения носителей языка по этому поводу совершенно отчетливы, а в корпусах представлены только перфективные его употребления. В отличие от *дорешать*, глагол *доуничтожить* засвидетельствован и в перфективных, и в имперфективных контекстах. Первый иллюстрируется в (90) (конструкция '(не) хватит X, чтобы ...' исключает зависимый инфинитив НСВ), второй – в (91) (*доуничтожить* встроен в ряд глаголов НСВ, описывающих синхронную деятельность повествователя):

- (90) *Доуничтожить* в перфективном контексте:
То что было создано в СССР ещё долго будет гнить. Нашему Чучхе и ещё двух сроков не хватит, чтобы всё это [до-[[уничтож^{PFV}]-а]^{IPFV}-ть. Не получится у него [www.newsland.ru].

- (91) *Доуничтожить* в имперфективном контексте:
Пытаемся прийти в себя, [[до-[[уничтож^{PFV}]-а]^{IPFV}-ем оставшиеся стратегические запасы, вспоминаем, каким фееричным был предыдущий день, обмениваемся впечатлениями [www.opel-club.com.ua].

Исходя из примеров типа (90)–(91) глагол *доуничтожить* следует признать дву-видовым (хотя и непонятно, для скольких носителей употребления типа (90)–(91) дополнительно распределены, а сколько допускает оба), а для показателя *-а-* и префикса *до-* – два возможных взаиморасположения:

- (92) а. [до- [-а- [уничтож-]]]
б. [-а- [до- [уничтож-]]]

В отличие от *-а-*, показатель *-ыва-*, как кажется, обладает иммунитетом от варьирования в зависимости от лексического контекста: в нашем корпусе примеров *-ыва-* неизменно присоединяется поверх *до-*. Несколько примеров приводится в (93).

- (93) а. Подошел к машине, опять нажал кнопку – с сигналки снялась, но двери не открылись. Какое-то время [[до-[от-[кры]^{IPFV}]^{PFV}]-ва]^{IPFV}-л машину ключом – снял с сигналки, сунул ключ в замок, повернул, все язычки отщелкнули. Сейчас всё хуже – ключом не открывается [www.nexia-club.ru].
- б. Я вижу свой авто, в котором ковыряется механик, а именно проверяет и доливает масло, потом [[до-[за-[тяг]^{IPFV}]^{PFV}]-ива]^{IPFV}-ет гайки колес (времени прошло с момента сдачи авто 3 часа) [ffclub.ru].
- в. Если «Пионер» диск не [[до-[вы-[брас]^{PFV}]^{PFV}]-ыва]^{IPFV}-ет, это вообще лечится? Причём обычные г-ки менее проблемны в этом плане, у gw- такое проявляется чаще [forum.gorod.dp.ua].
- г. Дочитываю Друзьяка, очень грамотно пишет о закислении и ощелачивании, хотя в голодании многое не [[до-[о-[пис]^{IPFV}]^{PFV}]-ыва]^{IPFV}-ет. Но в общем и целом всем советую почитать [golodanie.su].
- д. А вообще, много нареканий слышала. У нас после смены окон внутренние «наличники» стали отваливаться, муж ходил, [[до-[заби]^{PFV}]^{PFV}]-ва]^{IPFV}-л гвоздики [eva.ru].

На иерархическую асимметрию *-ыва-* и *-а-* указывают и другие факты. Рассмотрим, например, производные перфективные основы с тематическим элементом *-и-*, такие как *решить*, которые образуют имперфективы на *-а-* наиболее охотно. Оказывается, что при внутренней префиксации (всегда в таких случаях создающей новое лексическое значение) свойство использовать *-а-* для имперфективации сохраняется, а при внешней – не обязательно, по крайней мере в речи некоторых носителей языка.

(94) решить	решать
отрешить (от должности)	отрешать *отрешивать
перерешить ‘принять решение еще раз’	?перерешать перерешивать

Пример (95) иллюстрирует результат имперфективации глагола с основой *реши-* и репетитивным *пере-*:

- (95) Помогите мне... Подскажите, ...как принимать решения и не [[пере-[реш]^{PFV}]^{PFV}]-ива]^{IPFV}-ть в десятый раз? Воля? Твердость? Характер? [otvet.mail.ru]

Можно спорить о том, в какой степени (95) соответствует литературной норме, однако такие глаголы без труда обнаруживаются в корпусных данных, в отличие от *отрешивать* и аналогичных. Структура *отрешать* и *перерешивать* показана в (96):

- (96) а. [-а- [реши [от-]]^{PFV}]^{IPFV}
 б. [-ыва- [пере- [реши]]]

В иерархической структуре в (96а–б) *-ыва-* отделен от исходной основы префиксом *пере-*, тогда как *-а-* расположен более локально, и мы видим, что сочетаемостные требования основы соблюдаются в последнем, но не в первом случае. Если идея о иерархической асимметрии *-а-* и *-ыва-* верна, то (96а–б) не выглядят удивительно. Весьма существенно и то, что ни при каких обстоятельствах не обнаруживается противоположная модель – когда перфективная основа с внутренним префиксом выбирает для имперфективации показатель *-ыва-*, а дериват с внешним допускает *-а-*.

Еще один факт, который имеет отношение к проблеме асимметрии *-а-* и *-ыва-*, связан с имперфективацией производных имперфективов, о которой уже было сказано в 2.3. Как видно из (97), единственная возможность, доступная в такой ситуации, – *-ыва-*, но не *-а-*¹².

¹² Единственный глагол, нарушающий это обобщение, – *еда́ть*, который, по-видимому, следует признать лексическим исключением. Примечательно, что в текстах XVIII–XIX вв. глаголы «многократного способа действия» на *-а-*, например, *дира́ть* (от *дра́ть*), *бира́ть* (от *бра́ть*) или *сыпа́ть* (от *спа́ть*), засвидетельствованы, хотя и в незначительных количествах:

(97)	делать	делывать	*делáть
	сидеть	сиживать	*сижáть
	смотреть	сматривать	*смотре́ть
	носить	нашивать	*ноша́ть
	рубить	рубливать	*рубля́ть
	дарить	даривать	*даря́ть
	гостить	гащивать	*гоща́ть ¹³

Конечно, действительное значение этого факта можно осмыслить лишь после полного анализа синтаксиса и семантики глаголов типа *сиживать* и *хаживать*, который мы оставим на будущее. Ясно, однако, что операция, которая осуществляется в этом случае, не может быть имперфективацией в узком смысле, поскольку исходная основа уже имперфективна. Скорее, семантическую трансформацию, которую претерпевает исходный предикат, можно охарактеризовать в следующих терминах. Во-первых, от ситуаций, описываемых основой типа *сиде-* и *ходи-*, мы переходим к их суммам: *хаживать* обозначает множественные сущности и в этом смысле представляет собой итератив в терминах [Храковский 1989], ср. [Исаченко 1960: 273–279]. Во-вторых, промежутки времени, когда составляющие сумму единичные ситуации имеют место, чередуются с промежутками, когда они отсутствуют. В-третьих, суммы занимают достаточно длительные временные интервалы – такие, которые не укладываются в единственный раунд наблюдения (см., например, [Апресян 1995]) и этим сближаются с глаголами, описываемыми протяженные во времени и внутренне неоднородные деятельности типа *воспитывать* или *княжить*. Последнее свойство объясняет, почему у глаголов типа *сиживать* нет актуально-длительного значения:

(98) *В этот момент Володя **сиживал** в кресле.

Если эти интуитивные рассуждения верны, становится ясно, что семантика *-ыва-* в глаголах типа *сиживать* существенно уже, чем в случае типа *открывать*. Появляются основания говорить о том, что в глагольной иерархической структуре имеется отдельная позиция, которая связана с интерпретацией этого типа, и эта позиция отличается от стандартного имперфектива:

(99) [... ITER... [... IPFV ... [...]]]

Если допустить, что показатель *-ыва-* обеспечивает фонологическую реализацию обеих позиций, а *-а-* доступен лишь в более близкой к корню позиции IPFV, то наблюдаемая у глаголов многократного способа действия асимметрия получит объяснение.

Полный анализ этого явления, разумеется, требует ответа на многие другие вопросы, в первую очередь на ключевой вопрос о том, почему итеративную интерпретацию мы наблюдаем, только если имперфективации подвергается непрямой имперфективный глагол.

(i) За службу деньги брал, по-пустому *не бирал* и не возьму [Д. Фонвизин. Недоросль (1782)].

(ii) Мамы не прикармливали пряниками тихонько, а дядьки *не дирали* за уши за все про все [И. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни (1788–1822)].

Кажется, однако, что современные носители языка вряд ли будут склонны признать (i)–(ii) частью актуального русского языка. Более подробно диахроническое развитие вторичных имперфективов, в частности от имперфективных основ, освещается в работах М.Н. Шевелевой [Шевелева 1991; 2010].

¹³ С.В. Князев (личное сообщение) отмечает, что некоторые из этих глаголов, в частности *гощать*, представлены в русских диалектах.

Окончательного решения проблемы мы не предлагаем, однако в качестве предварительного можем предложить следующую неформальную линию рассуждений. Рассмотрим случаи, когда показатель *-ыва-* присоединяется к основе, которая не является производной имперфективной. Таких случаев два:

(100) Перфективная основа
[*-ыва-* [...]^{PFV}]

(101) Производная имперфективная основа
[*-ыва-* [... [...]^{PFV}]^{IPFV}]

В (100) *-ыва-* присоединяется к перфективной основе, или к производной, такой как *да(д)-*, или к префиксальной производной, такой как *прочита-*, *дочита-* или *перечита-*. Допустим, что *-ыва-* присоединяется насколько возможно низко, то есть, в соответствии с (99), в позиции IPFV, а не ITER. В результате образуется производная имперфективная основа, такая как в *давать* или *прочитывать*. Если предположение о раннем присоединении *-ыва-* верно, становится понятно, почему в результате имперфективации префиксальных глаголов образуются имперфективы с обычным имперфективным набором значений (актуально-длительным, хабитуальным, общефактическим и т. д.), но ничего похожего на многократный способ действия.

В конфигурации типа (101) с производным имперфективом мы могли бы присоединить еще один показатель *-ыва-*. Поскольку позиция IPFV уже заполнена, *-ыва-* разместился бы в позиции ITER, и мы получили бы итератив, аналогичный тому, который представлен в чешском и словацком языках (см. (82)). Глагол *прочитывывать* был бы похож на *хаживать* и *сиживать* и означал бы 'регулярно участвовать в событиях прочитывания, образующих единую сложную ситуацию, распределенную по отдельным интервалам времени'. Однако (101) – это конструкция, где *-ыва-* присоединяется к основе, которая по необходимости представляет собой вторичный имперфектив, а значит (101) – это попытка третичной имперфективации. Такая морфосинтаксическая операция нарушает запрет в (81), который, как мы видели выше, русский язык стремится соблюдать.

Таким образом, мы не можем получить итератив ни в (100), ни в (101), а значит, единственная возможность, которая остается, – это построить его из производной имперфективной основы. Именно так и создаются глаголы многократного способа действия, такие как *хаживать*¹⁴.

Нам представляется, что гипотеза об имперфективации имперфективов, которую мы только что изложили, не входит в противоречие с какими-либо знаниями о русской глагольной морфологии и представлениями о семантике имперфективов. Следует отметить, однако, один проблематичный для нее факт. Рассмотрим (102):

(102) Извините, но подколю: ...**решивал** я задачки по таким сборникам. И знаете, какой у меня айкю получился?? – 273 и пять десятых по фаренгейту! [otvet.mail.ru]

¹⁴ Идея о двух иерархических позициях, в которых может находиться показатель *-ыва-*, соответствует анализу Х. Филип [Filip, Carlson 1997], предложенному для чешского языка. Согласно Х. Филип, в одной, более низкой, позиции имперфективная морфология отвечает за эпизодические имперфективные интерпретации (актуально-длительную, общефактическую и т. п.), во второй, более высокой, – за генерические. Р. Жауцер [Žaucer 2009] обсуждает близкое явление в словенском языке и также предполагает в определенных случаях две позиции для имперфектива. Для некоторых глаголов он обосновывает структуру с двумя глагольными группами вида [CausP [VP ... [... IPFV [VP ...]]] Caus [XP ... [... IPFV [VP ...]]]], и в расширенной проекции каждой из них находится место для собственного имперфективного показателя. Впрочем, для русского языка, в котором третичной имперфективации нет, анализ в таком стиле можно признать возможным, только приняв дополнительное допущение, что одна из двух имперфективных позиций по каким-то отдельным причинам всегда имеет нулевую фонологическую реализацию.

В (102) перед нами, очевидно, глагол многократного способа действия *решивать*, образованный от *решать*. Проблема состоит в том, что *решать* – это, как считается, вторичный имперфектив от *решить*.

В этом месте возникает сразу несколько вопросов. Если *решать* – действительно вторичный имперфектив от *решить*, то (102) – это третичная имперфективация. Следовательно, обобщение в (81) неверно, а верна одна из двух возможностей в (103)–(104):

(103) Третичная имперфективация в русском языке возможна.

(104) Третичная имперфективация в русском языке возможна, если вторичная производится с помощью показателя *-а-*.

Вариант (103) кажется малопривлекательным: он допускает глаголы на *-ывывать* (*записывывать, прочитывывать* и т. п.), которых, как мы видели выше, нет. (104) в этом отношении лучше: он допускает только глаголы типа *решивать* (от *решать*) или *брасывать* (от *бросать*) в (105):

(105) **Брасывал** я когда-то камнем через весь двор (Словарь В.И. Даля).

Есть, однако, и другая возможность: допущение, что *решать* – это имперфектив от *решить*, неверно; а верно (106):

(106) Перфективы типа *решить* и имперфективы типа *решать* деривируются каждый непосредственно от корня:
а. [-а- [реш]]
б. [-и- [реш]]
с. *[-а- [реши]]

При таком анализе *реша-* – это первичный, непроемный имперфектив, такой же, как *дела-*. Соответственно, основы типа *решива-* образуются с помощью итеративного *-ыва-* так же, как *делыва-*, и тем самым не нарушают запрета на третичную имперфективацию.

Если это так, мы получаем и несколько иное объяснение того, почему глаголы с ПО-префиксами типа *доуничтожать*, обсуждаемые выше, оказываются двувидами. Перфективный вариант в этом случае образуется так, как показано в (107): это продукт перфективации непроемного имперфектива *уничтожа-*, и он перфективен по той же причине, по которой перфективен, например, *доделать*.

(107) [до- [уничтожа-]^{IPFV}]^{PFV}

Имперфективный вариант – это, соответственно, продукт вторичной имперфективации глагола *доуничтожить*, как показано в (108).

(108) [-а- [до- [уничтожи-]^{PFV}]^{PFV}]^{IPFV}

Если это верно, то ситуация с присоединением ПО-префиксов заметно улучшается. В (92) мы пришли к тому, что *до-* может присоединяться и до вторичного имперфектива и после него, то есть умеет не соблюдать позиционного ограничения, когда речь идет о показателе *-а-*. Имея (107)–(108), мы можем выстроить более систематическую картину: *до-* всегда присоединяется раньше, чем вторичный имперфектив. Когда нам кажется, что имперфективный показатель находится внутри *до-*, зрение нас обманывает: имперфектив попросту не является вторичным.

Как удостовериться, что мы на верном пути? Здесь вновь приходит на помощь морфология. Если интересующий нас корень заканчивается на губной или зубной смычный согласный, мы можем опереться на явление переходной палатализации как индикатор присутствия сегмента *-и-* в деривации имперфектива на *-а-* (см. [Matushansky

2008; 2009] и цитируемую там литературу). Рассмотрим две деривации в (109), первая из которых – это первично-имперфективный анализ глаголов типа *решать* и *бросать*, а другая – вторично имперфективный.

- (109) а. [брос-а] → броса
б. [[брос-и] -а] → [[брос-ј] -а] → [[брош] -а] → броша¹⁵

Как видно из (109), если показатель имперфектива присоединяется поверх элемента *-и-*, *-и-* преобразуется в *ј* и вызывает переходную палатализацию, или йотацию, предшествующего согласного сегмента. Мы регулярно обнаруживаем это явление у вторичных имперфективов от глаголов второго спряжения на *-ить* с тематическим элементом *-и-*, причем как у имперфективов на *-ыва-* (*скосить* – *скашивать*, *отловить* – *отлавливать*), так и на *-а-* (*огласить* – *оглашать*, *утомить* – *утомлять*).

Однако в случае *бросить* – *бросать* || *брошать переходной палатализации не происходит, а значит, деривация вида (109b) не имеет места. Точно так же, например, имперфектив, соответствующий перфективному *ступить*, – это *ступать*, а не *ступлять*. Следовательно, *бросать* и *ступать* образуются не от *бросить* и *ступить*, как показано в (109b), а непосредственно от корня, как показано в (109a), то есть в точности соответствуют по своей структуре глаголам типа *делать*.

Если *ступать* – это первичный имперфектив, то, как и в случае с *решить* → *решивать*, у него не должно быть принципиального запрета на образование итеративного глагола *ступывать*, и мы действительно находим этот (не слишком, впрочем, частотный) глагол в корпусах:

- (110) Григорий, наконец, увидел то, что искал. Когда-то давно бабка родная, отцова матери, певунья-ведунья, которая без присказки шагу не [[ступ]^{IPFV}-ыва]^{IPFV}-ла, показала ему, тогда ещё отроку малосмысленному... [artbliz.ru]

Сделаем важную оговорку: мы утверждаем, что среди пар вида беспрефиксальный перфектив на *-ить* – беспрефиксальный имперфектив на *-ать* существуют такие, у которых имперфективный элемент не является производным от перфективного. Это случай типа *решить* – *решать* или *ступить* – *ступать*. Мы не утверждаем, что это верно для любых пар такого типа. И действительно, существуют случаи типа *явить* – *являть* или *простить* – *прощать*, в которых переходная палатализация у имперфективного глагола имеет место, а значит, есть повод считать их производными от перфективных глаголов на *-и-ть*. В этой ситуации имперфектив является вторичным, и мы можем ожидать от него соблюдения всех запретов, которые в принципе характеризуют вторичные имперфективы. В частности, мы предполагаем, что от них невозможны итеративы на *-ыва-*, и это, по всей видимости, верно: глаголы типа *пращивать* и *являть* не обнаруживаются в корпусах, а носители русского высказываются о них без энтузиазма.

2.6. Некоторые выводы

Мы видим, что кумулятивный *на-*, делимитативный *по-*, инцептивный *за-* и дистрибутивный *пере-* образуют естественный класс: с точки зрения имперфективации их дистрибуция тождественна. Отсутствие жестких ограничений на расположение в иерархической структуре русского глагола оставляет им возможность соединяться с основой как до, так и после показателя вторичного имперфектива *-ыва-*. Требуется лишь, чтобы основа была формально имперфективной. Естественный класс образуют и комплетивный *до*, репетитивный *пере-* и аттенуативный *под-*: они соединяются с основой

¹⁵ Анализ О. Матушанской, в котором постулируется глубинный «третий редуцированный», выглядит несколько сложнее, но для наших целей (109) достаточно.

(любого формального вида) раньше, чем вторичный имперфектив, и, соответственно, всегда могут подвергаться вторичной имперфективации.

В этой связи можно отметить известный параллелизм развиваемого в настоящей статье анализа и теории Дж. Рэмченд [Ramchand 2004], которая также выделяет две группы внешних префиксов. Одна из этих групп, которую она называет S-префиксами и в которую включаются, в частности, делимитативный *по-* и инцептивный *за-*, занимает ту же позицию, что и показатель вторичного имперфектива (у Рэмченд это вершина Asp). Префиксы из другой группы, к которой Дж. Рэмченд относит дистрибутивные *по-* и *пере-*, размещаются в иерархической структуре в отдельной позиции, а именно в вершине Cmlt, расположенной выше Asp:

Среди супралексических префиксов наблюдается важное различие в дистрибуции. Многие супралексические префиксы сопротивляются вторичной имперфективации... Предлагаемая мной система делает определенные предсказания по поводу сочетаемостных ограничений, которые, как кажется, по меньшей мере идут в правильном направлении. Любой супралексический префикс, занимающий позицию вершины Asp, должен быть несовместим со вторичным имперфективом, поскольку они являются вариантами одной и той же вершины. С другой стороны, если супралексический префикс занимает более высокую позицию внешней кумулятивной вершины, мы можем ожидать, что такой префикс со вторичным имперфективом совместим [Ibid.: 356].

Предшествующее обсуждение показывает, что обобщения Дж. Рэмченд верны лишь отчасти. Ее теория верно предсказывает, что дистрибутивный *по-* расположен поверх остальных префиксов. Однако в остальном она больше создает проблемы, чем решает их. Во-первых, дистрибутивный префикс *пере-*, как мы неоднократно могли убедиться, ни по каким параметрам не противопоставлен инцептивному *за-*, делимитативному *по-* и кумулятивному *на-*. А во-вторых и в-главных, неверно, что инцептивный *за-* и делимитативный *по-* дополнительно распределены с показателем вторичной имперфективации. В этом отношении предлагаемый выше анализ получает, как кажется, серьезные эмпирические преимущества.

Подведем итог. Среди внешних префиксов вторичную имперфективацию всегда допускают позиционно-ограниченные, а также селективно-ограниченные, если они присоединяются к непроемной имперфективной основе. Третичная имперфективация в русском языке невозможна. Статус имперфективов на *-а-* требует дальнейшего прояснения; есть серьезные основания подозревать, что *-а-* – это не алломорф *-ыва-*, а отдельный показатель, имеющий собственную иерархическую позицию.

3. АДЪЕКТИВАЦИЯ И НОМИНАЛИЗАЦИЯ

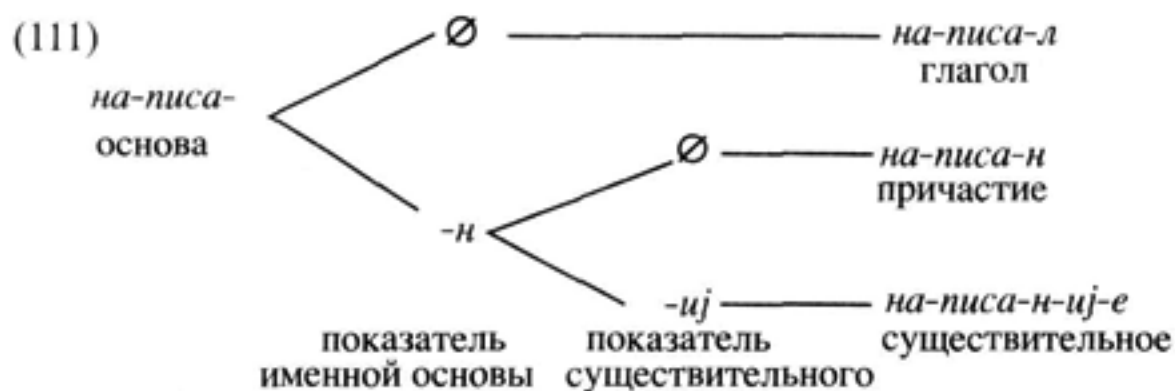
3.1. Морфология отглагольных адъективов и существительных

В этом разделе мы рассмотрим, как взаимодействует внешняя префиксация и два морфосинтаксических процесса, преобразующих глагол в неглагол, – адъективация и номинализация. В русском языке имеется значительное количество отглагольных адъективов (причастий и прилагательных) и существительных. Из них предметом нашего обсуждения будут два: пассивное причастие на *-н-/-т-* (например, *написан* или *раскрыт*) и отглагольное существительное на *-ниј-/-тиј-* с ситуативной семантикой (например, *написание (письма)* или *раскрытие (преступления)*).

Такой выбор неслучаен. Большую часть деривационного пути причастия на *-н-/-т-* и отглагольные существительные на *-ниј-/-тиј-* проходят вместе и расходятся только в самом конце. Именно поэтому они создают идеальные условия для лабораторных опытов с множественной префиксацией и позволяют увидеть взаимодействие грамматических ограничений, которые возникают на разных этапах построения основы.

Для причастий и отглагольных существительных мы принимаем морфологический анализ, предложенный в [Пазельская, Татевосов 2008], который показан в (111):

Главная идея, которая стоит за этим анализом, сформулирована, в частности, Л. Бэбби [Babby 1997] и Г. Раппапортом [Rappaport 2001]: существительные имеют с причастиями общий морфологический показатель *-н/-т-*. Неотразимый аргумент, подкрепляющий этот вывод, состоит в том, что показатели причастия *-н/-т-* и существительного *-ниј/-тиј-* (если пренебречь единичными лексическими исключениями) имеют одинаковую дистрибуцию, в частности, одинаковое распределение показателей с *-н-* и с *-т-*:

(112)

сдела-ть	сдела-н	дела-ниј-е
раздел-и-ть	раздел-ен	раздел-ениј-е
размы-ть	размы-т	размы-тиј-е

Как отмечается в [АГ-80: 670–671], вариант с *-т-* представлен, в частности, у причастий односложных основ на корневой гласный типа *бить*, *греть*, *дуть*, *взять*, а также их приставочных дериватов. Легко увидеть, что отглагольные имена, образованные от этих глаголов, также содержат вариант с *-т-*: *–би-ть-е*, *разогре-т-ие*, *взду-т-ие*, *взя-т-ие*. Таким образом, *-ниј/-тиј-* следует анализировать как показатель, состоящий из двух морфем: *-н/-т-*, общей для причастий и существительных, и собственно показателя существительного *-иј-*, как видно из (111). Показатель причастия при таком взгляде на вещи – это комбинация *-н/-т-* с собственно причастным показателем ∅. (Более подробное обоснование этого анализа приводится в [Пазельская, Татевосов 2008], см. также [Пазельская 2006].) Для наших дальнейших целей, однако, морфемное членение показателей причастия и существительного несущественно, и мы в порядке упрощения будем придерживаться более традиционного словоупотребления. Мы будем говорить о *-ниј/-тиј-* как о показателе номинализации (подразумевая, однако, анализ *-н/-т-иј*) и о *-н/-т-* как о показателе причастия (подразумевая *-н/-т-∅*).

Имея эти исходные допущения, мы можем приступить к детальному анализу взаимодействия адъективации, номинализации и внешней префиксации. Главное наблюдение, которое будет обосновано в разделах 3.2–3.3, состоит в следующем. Ограничения на деривацию и причастий, и отглагольных существительных связаны с одной и той же структурной позицией – позицией показателя вторичного имперфектива – и описываются неформально в (113). (Ниже это обобщение будет сформулировано более эксплицитно.)

- (113) Обобщение о размере номинализаций на *-ниј/-тиј-* и отглагольных адъективов на *-н/-т-*:
Номинализации в русском языке может подвергаться любой фрагмент глагольной структуры до показателя вторичного имперфектива включительно, а адъективации – до показателя вторичного имперфектива не включительно.

Это обобщение более наглядно представлено в (114)–(115):

В следующих разделах мы обоснуем (113)–(115) более подробно.

3.2. Образование пассивных причастий на *-н-/-т-*

Семантика и дистрибуция причастий на *-н-/-т-*, или страдательных причастий прошедшего времени, в литературе обсуждались неоднократно; см. [АГ-80: § 1585–1588; Гаврилова 1998; Падучева 1998; Буланин 2001; Пупынин 2005; Князев 2007]. Не разбирая за неимением места варианты анализа, разработанные нашими предшественниками, мы предложим одно обобщение, которое не было ранее сформулировано, по крайней мере, в таком виде.

- (116) Обобщение о морфосинтаксических границах адъективации:
- Никакая основа, содержащая в себе показатель вторичного имперфектива, не может подвергаться адъективации с образованием пассивного причастия на *-н-/-т-*.
  - *[... -н-/-т- ... [... [... -ыва- [...]]]]

Обобщение в (116) предсказывает, что адъективации не могут подвергаться основы, в которых последним шагом деривации является вторичная имперфективация, а также никакие основы, являющиеся продуктом дальнейшей деривационной эволюции вторичных имперфективов. Первая часть предсказания (по поводу вторичных имперфективов) не нова, и то, что она в точности выполняется, хорошо известно: причастия типа *открыван(ный)*, *разбиван(ный)*, *даван(ный)*, *решан(ный)* и т. п. очевидно неграмматичны.

Для нас более существенна вторая часть предсказания – о тех основах, которые после вторичной имперфективации подверглись действию каких-либо еще деривационных операций. Эта часть, как кажется, в литературе до сих пор не обсуждавшаяся, как раз и относится к адъективации основ, содержащих внешние префиксы: после вторичной имперфективации с основой может произойти только одна деривационная операция – добавление внешнего префикса. Как мы помним, деривационный путь, создающий такую конфигурацию, выглядит следующим образом:

- (117) [селективно-ограниченный префикс [-ыва- [...]^{PFV}]^{IPFV}]^{PFV}

Мы знаем, что над вторичным имперфективом возможен единственный класс префиксов – СО-префиксы. Соответственно, в (117) мы берем любую перфективную основу – неважно, производную или префигированную, и если префигированную, неважно, с помощью какого префикса. Затем мы имперфективируем ее и присоединяем СО-префикс. Вот несколько примеров (см. также аналогичные примеры, обсуждавшиеся выше в 2.3):

- (118) СО-префиксы поверх вторичного имперфектива:
- Пива [на-[[раз-[[ли]^{IPFV}]^{PFV}-ва]^{IPFV}]^{PFV}-л 570 литров. Только вот организации никакой, ибо вода на складе была, но нам ее не выдавали первые два дня, чтобы люди пили пиво [ultraspectre.livejournal.com].
  - Посидел, послушал Розенбаума. Побродил, чай [по-[[раз-[[ли]^{IPFV}]^{PFV}-ва]^{IPFV}]^{PFV}-л. Почитал Мураками. Посморкался [vesselofgrief.blogspot.com].

- с. Поставил KX Audio Driver последней версии... И MIDI не звучит... Всё там в микшере [пере-[[включ]^{PFV}-а]^{IPFV}PFV-л – [пере-[[выключ]^{PFV}-а]^{IPFV}PFV-л – и никак [forums.mixgalaxy.ru].
- д. Увязая в илу, выполз на сушу. Закашлялся, переводя дух. Моментально навалился холод, придавил Рыбака, [за-[[под-[[брас]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}PFV-л, зазнобил [filgrad.ru].

Обобщение (116) предсказывает, что образование пассивных причастий на *-н/-т-* от этих основ невозможно, и это, по всей видимости, действительно так: формы в (119) не обнаруживаются в русских корпусах и последовательно отвергаются носителями.

- (119) а. *Пива (было) [на-[[раз-[[ли]^{IPFV}PFV]-ва]^{IPFV}PFV-но||то...
 б. *Чай (был) [по-[[раз-[[ли]^{IPFV}PFV]-ва]^{IPFV}PFV-н||т...
 с. *Всё там (было) [пере-[[включ]^{PFV}-а]^{IPFV}PFV-но||то – [пере-[[выключ]^{PFV}-а]^{IPFV}PFV-но||то
 д. *Рыбак (был) [за-[[под-[[брас]^{PFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}PFV-н||т

Для неприемлемости (119) можно было бы предположить и альтернативное объяснение:

- (120) Ограничение на адъективацию основ с СО-префиксами:
 Основы с СО-префиксами не допускают образования причастий на *-н/-т-*.

Проверить, что из (116) и (120) верно, очень легко. Выше мы видели, что СО-префиксы могут присоединяться как до, так и после показателя вторичного имперфектива. Соответственно, (116) предсказывает, что образование причастий не допускается только для тех основ, в которых СО-префиксы присоединяются после показателя вторичного имперфектива. Если префиксы присоединяются до этого показателя, способность основы образовывать причастия должна оставаться неповрежденной. (120) делает другое предсказание: причастия невозможны ни от каких основ с СО-префиксами.

Примеры, представленные в (121)–(124), показывают, что обобщение (116) верно, а (120) нет. Если СО-префикс присоединяется к производной основе НСВ, а не к вторичному имперфективу, образование пассивного причастия допускается:

- (121) Адъективация основ с кумулятивным *на-*:
 а. Рыбы за эти годы уже [на-[[ловл]^{IPFV}PFV]-ено столько, что нерезультативная рыбалка не расстраивает. Относишься к ней философски: ну не наловил в этот раз [www.rusfishing.ru].
 б. У нас в Сибири вдоль рек очень много этих жидких кристаллов [на-[[броса]^{IPFV}PFV]-но. И КОМЗ их закупает у местных староверов прям мешками [club.foto.ru].

- (122) Адъективация основ с делимитативным *по-*:
 а. Белова ухватила Лёню и меня уж заодно и повела к своему костру, чтобы Лёня попел Клячкина. [По-[[пе]^{IPFV}PFV]-то было преизрядно, алаверды – от самой Беловой, Маши Маховой [alural.narod.ru].
 б. Мало того, что удалось попьанствовать с преподами, еще и на кафедре было [по-[[сиж]^{IPFV}PFV]-ено (все годы универа мечтала) [elisa-bennet.livejournal.com].

- (123) Адъективация основ с дистрибутивным *пере-*:
 а. Все китайцы в районах Красноярского края будут [пере-[[счита]^{IPFV}PFV]-ны и зарегистрированы [www.regnum.ru].
 б. О том, что пережито, [пере-[[дума]^{IPFV}PFV]-но и перечувствовано за это время. О том, что сделано правильно, какие ошибки допущены, какие уроки извлечены [www.zone-x.ru].

- (124) Адъективация основ с инцептивным *за-*:
 а. Современный русский человек, хотя не без труда одолевая особенности северной речи, все-таки понимает близко к тексту смысл того, что было [за-[[пе]^{IPFV}PFV]-то тысячу лет назад в Киеве и сохранено совсем у другого моря [sokugow.narod.ru].

- b. 8 часов, все истреблено, даже коробочки египетских, привезенныеевой с Сахалина, полетели в сортир. [За-[кур]^{IPFV}]^{PFV}-ена последняя. Прощай, друг мой, табак навсегда, подписан договор с самим Господом Богом! [М. Пришвин. Дневники (1929)]

Таким образом, (121)–(124) ясно показывают, что (120) неверно: запрета на адъективацию любых основ с СО-префиксами в русском языке нет. Соответственно, разумной альтернативы обобщению в (116) не просматривается.

В этом месте обнаруживается явным важнейший факт об устройстве русской глагольной основы. Сравним (116) с (36), где описывается дистрибуция ПО-префиксов. Оказывается, что репетитивный *пере-*, комплетивный *до-* и аттенуативный *под-*, с одной стороны, и показатель причастия, с другой, подчиняются одному и тому же позиционному ограничению: их присоединение возможно до тех пор, пока в структуре основы не возник показатель вторичного имперфектива:

(125) * [__ [... [... ыва [...]]]]

Чтобы оценить всю нетривиальность этого факта, достаточно заметить, что с семантической точки зрения у ПО-префиксов и показателя причастия нет практически ничего общего. Префиксы определенным образом модифицируют исходный глагольный предикат: например, *пере-* добавляет пресуппозицию, что ситуация этого же типа осуществилась ранее, а *до-* – пресуппозицию, что имеется начальная часть ситуации, которая находится за пределами того, что включается в содержание сообщения. Причастия такой модификации не производят. Они либо вводят в рассмотрение ту же ситуацию, что и исходный предикат (в так называемых акциональных употреблениях, например: *Дверь только что (была) открыта лаборантом*), либо ее результирующее состояние (в статальных употреблениях, например: *Дверь долго (была) открыта*). (См. [Гаврилова 1998; Падучева 1998; Буланин 2001; Князев 2002; Пупынин 2005] и в особенности [Князев 2007], а также цитируемую в этой работе литературу.)

Из (116) вытекает и очевидное предсказание по поводу адъективации основ с ПО-префиксами. Эти префиксы возникают до показателя вторичного имперфектива, а значит, основы, в которых последний шаг деривации – присоединение комплетивного *до-*, репетитивного *пере-* и аттенуативного *под-* следуют запрету в (116) тривиальным образом. Систематических ограничений на образование пассивных причастий на *-н/-т-* не ожидается. Предсказание также выполняется, как показывают примеры (126)–(128), где в предложениях (а) префикс присоединяется к непроизводному имперфективной основе, а в предложениях (б) – к префигированной перфективной основе:

- (126) Адъективация основ с комплетивным *до-*:
- В V издании 1896 г. этот круг был [до-[рисова]^{IPFV}]^{PFV}-н [Ю. Каннабих. История психиатрии (1928)].
  - Выданной мне рецензентке, по слухам, требуется целая неделя, чтобы написать отзыв, а диплом все еще не [до-[на-[писа]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-н [all2b.livejournal.com].
- (127) Адъективация основ с репетитивным *пере-*:
- В детстве после того, как мной был прочитан и несколько раз [пере-[чита]^{IPFV}]^{PFV}-н роман про Робура-завоевателя, у меня возникла мечта [www.diary.ru].
  - Выпуск 12 [пере-[за-[ли]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-т <на> ютуб [www.youtube.com].
- (128) Адъективация основ с аттенуативным *под-*:
- Похоже, однако, что юбилей основательно [под-[порч]^{IPFV}]^{PFV}-ен очередным разгоревшимся вокруг «ВОУ-НОУ» скандалом [И. Гальперин. Битва за мирный атом (2003) // «Совершенно секретно»].
  - Леша [под-[за-[траха]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-н семейной жизнью, но вполне счастлив с супругой [forum.littleone.ru].

Как и в случае финитных глаголов, в причастиях обнаруживаются и комплексы ПО-префиксов: до тех пор, пока основа не подверглась вторичной имперфективации, производить (а затем адъективировать) такие комплексы ничто не запрещает:

(129) Правда, чувство свободы окончательной не приходит пока, так как диплом-то не доделан, точнее не [до-[пере-[дела]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}-н [yuliya.livejournal.com].

Завершая этот раздел, отметим существенную деталь. Из обобщения о морфосинтаксических границах адъективации следует лишь то, что после присоединения показателя вторичного имперфектива мы утрачиваем возможность деривировать пассивное причастие. В (116) не утверждается, что до вторичной имперфективации образование причастия допускается для любой основы. Обобщение не исключает существования других, независимых ограничений на адъективацию, которые блокируют образование причастия на *-н-/-т-* от основ, не содержащих показателя *-ыва-*. В [АГ-80: § 1588] сообщается, например, что «значительная часть глаголов II спр. кл. X на *-еть* и *-ать* (*разглядеть*, *облететь*, *пробежать*)» причастия на *-н-/-т-* не образует, ср.: *облетен, *разгляден, *пробежан. Ясно, что глаголы типа *разглядеть* и *облететь* ограничения о морфосинтаксических границах адъективации не нарушают, поскольку образуются без участия показателя вторичного имперфектива. С чем бы ни была связана неграмматичность форм типа *облетен, возможность такого запрета (116) не исключает: из того, что адъективация невозможна после вторичной имперфективации, не следует, что она обязательна до нее.

Таким образом, наиболее существенный итог этого раздела состоит в следующем. СО-префиксы и ПО-префиксы образуют естественные классы с точки зрения образования пассивных причастий на *-н-/-т-*: комплетивный *до-*, репетитивный *пере-*, аттенуативный *под-* не имеют систематических ограничений на адъективацию, а кумулятивный *на-*, делимитативный *по-*, инцептивный *за-* и дистрибутивный *по-* не могут оказываться в составе причастий, если присоединяются поверх показателя вторичного имперфектива *-ыва-*.

Принципиально важны два обобщения. Во-первых, критерий адъективации позволяет выделить ровно те же две группы префиксов, что и критерий имперфективации, рассматривавшийся в разделе 2. То, что СО-префиксы и ПО-префиксы ведут себя одинаково с точки зрения двух независимых морфосинтаксических операций, имперфективации и адъективации, – важное дополнительное свидетельство в пользу теории префиксации, изложенной в разделе 1.

Во-вторых, позиция показателя вторичного имперфектива оказывается крайне существенна для предсказания деривационного потенциала основы: эта позиция задает предел таким операциям, как адъективация и присоединение ПО-префиксов.

В следующем разделе мы вновь увидим оба обобщения в действии. Мы покажем, что противопоставление двух классов внешних префиксов дает о себе знать еще в одном морфосинтаксическом процессе – номинализации – и что для описания этого процесса также принципиально важна позиция вторичного имперфектива.

3.3. Образование отглагольных существительных на *-ниј-/-тиј-*

Как мы только что видели, позиция показателя *-ыва-* является ключевой в определении максимальной составляющей, которая в русском языке может подвергаться адъективации с помощью *-н-/-т-*. Границы возможной номинализации проходят почти в том же месте, но только сдвинуты на одну ступень вверх: номинализация возможна по *ыва*R включительно (см. схемы в (114)–(115)). Основа с показателем вторичного имперфектива, как обсуждается в [Пазельская, Татевосов 2008], – это максимум того, что мы можем обнаружить в составе русского отглагольного имени. Это обобщение сформулировано в (130):

- (130) Обобщение о морфосинтаксических границах номинализации:
- Никакая основа, производная от основы вторичного имперфектива, не может подвергаться номинализации с помощью показателей *-ниј-/-тиј-*.
  - *[... *-ниј-/-тиј-* ... [_{XP} ... X ... [... *ыва* [...]]]]

Обобщение (130) – довольно либеральное ограничение. Оно допускает широкий класс номинализаций от следующих типов основ:

- (131) а. непр производная беспрефиксальная основа, как *писа-*
 б. основа с лексическим префиксом, как *написа-* или *подписа-*
 в. основа с ПО-префиксом, как *дописа-* или *переписа-*
 г. основа с лексическим префиксом, подвергшаяся вторичной имперфективации, как *подписыва-*
 д. основа с ПО-префиксом, подвергшаяся вторичной имперфективации, как *дописыва-* или *переписыва-*

В самом деле, все перечисленные в (131) основы соблюдают ограничение в (130). Непроизводные основы в (131а) не содержат ничего, кроме корня, а также, возможно, тематического элемента. Лексические префиксы в (131б) всегда присоединяются до *-ыва*. Это же верно и для ПО-префиксов в (131в). Наконец, основы вторичных имперфективов в (131г–д) содержат сам показатель *-ыва-*, но не содержат ничего, что присоединяется поверх этого показателя.

Примеры в (132)–(140) показывают, что предсказание действительно выполняется для всех классов основ из (131).

- (132) Номинализация непр производных основ обоих видов:
- «[**Писа**]^{IPFV}-**ние** стихов, – читаю в авторском вступлении к книге “Стихотворения”, – было всегда моим любительским делом» [И. Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли... (2003) // «Народное творчество»].
  - При высоком уровне [**стоя**]^{IPFV}-**ния** воды в скважине и небольшом падении ее при откачке устанавливаются центробежные с вертикальной осью типа Фарко [С. Мстиславский. Грач – птица весенняя (1937)]
  - [**Да**]^{PFV}-**тие** ему коленом под зад проблемы не решит. Он поставлен системой. Для выполнения её задач. Чем он с успехом и занимается [category-c.ru].
  - Сначала было [**брош**]^{PFV}-**ение** девушки первым любимым, потом появился Гермес и все было нормально, каждый день. И только потом стало не так! [www.talkcity.ru]
- (133) Номинализация основ с лексическим префиксом:
- [**На-[писа]**]^{IPFV}PFV-**ние** этого проникновенного этюда датировано 1959 г. [И. Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли... (2003) // «Народное творчество»].
  - Не создашь все структуры в один прекрасный день, а тут внезапное нападение с востока, и «чудесо над Вислой», [**от-[брош]**]^{PFV}PFV-**ение** красноармейцев Тухачевского, которые уже были на подступах Варшавы обратно на восток [forums.ng.ru].
  - Дуня кокетничала и посмеивалась на комплименты гостей и давала команды на [**на-[ли]**]^{IPFV}PFV-**тие** очередной дозы мутного и холодного напитка в стаканы [www.zovgp.spb.ru].
- (134) Номинализация основ с ПО-префиксом *до-*:
- Контрреформация это, прежде всего, [**до-[реш]**]^{PFV}PFV-**ение** тех проблем, которые уже почти решены, достраивание того, что уже начали строить [gb.anekdot.ru].
  - [**До-[груз]**]^{PFV}PFV-**ение** сошников контролируется оригинальной активной гидравлической системой прижима [www.zol.ru].
- (135) Номинализация основ с ПО-префиксом *пере-*:
- Для того, наняв натурщицу, приступил я к рисованию картонов, чтобы, показав их герцогу, склонить его к [**пере-[писа]**]^{IPFV}PFV-**нию** названной капеллы по-моему, в чем виден резон каждому скоту [Митьки. Папуас из Гондураса (1987)].
  - Наша компания перешла к новому этапу развития, потребовавшему [**пере-[стро]**]^{IPFV}PFV-**ения** системы взаимоотношений в структурных подразделениях и новых форм взаимодействия между подразделениями [Незаметная работа незаметных людей (2004) // «Управление персоналом»].

- (136) Номинализация основ с ПО-префиксом *под-*:
- Общее [**под-суш**]^{IPFV}^{PFV}-**ение** климата, усугубленное развитием карста, привело к формированию уникального для подтаежной зоны ландшафтного феномена [open.perm.ru].
  - Можно воду фильтровать (любым фильтром, неважно) и замораживать. Потом доставать, делать дырочку посередине и сливать первую талую порцию, а остальную после [**под-тая**]^{IPFV}^{PFV}-**ния** можно употреблять [gojana.ru].
- (137) Номинализация основ с лексическим префиксом, подвергшихся вторичной имперфективации:
- По этой инструкции, предусматривавшей и предупреждавшей все возможные случаи нарушений и отклонений при [[**под-слуш**]^{IPFV}^{PFV}-**ива**]^{IPFV}-**нии** и [[**за-пис**]^{IPFV}^{PFV}-**ыва**]^{IPFV}-**нии** разговоров американского посольства, дежурить долженствовало двоим [А. Солженицын. В круге первом (1968)].
  - А каждый творческий акт у него начинался с полного [[**от-брас**]^{IPFV}^{PFV}-**ыва**]^{IPFV}-**ния** и [[**за-черк**]^{IPFV}^{PFV}-**ива**]^{IPFV}-**ния** общепринятого [И. Ефимов. Суд да дело (2001) // «Звезда»].
  - Начинаются [[**на-ли**]^{IPFV}^{PFV}-**ва**]^{IPFV}-**ния**, [[**раз-ли**]^{IPFV}^{PFV}-**ва**]^{IPFV}-**ния**, смакования, потчевания и [[**об-лиз**]^{IPFV}^{PFV}-**ыва**]^{IPFV}-**ния** [М. Зощенко. Перед восходом солнца (1943)].
- (138) Номинализация основы с ПО-префиксом *до-*, подвергшейся вторичной имперфективации:
- За право напечатать хоть кусочек правды приходилось расплачиваться либо потерями строк, либо смягчающим [[**до-пис**]^{IPFV}^{PFV}-**ыва**]^{IPFV}-**нием** [Е. Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)].
  - Шкафы – это ерунда! Вот постоянные открывания холодильника и лазанья по розеткам, стульям, столам и [[**до-лам**]^{IPFV}^{PFV}-**ыва**]^{IPFV}-**ние** последнего компа – это финиш! Скоро сойду с ума [www.berem-mamulik.ru].
- (139) Номинализация основы с ПО-префиксом *пере-*, подвергшейся вторичной имперфективации:
- И на это сложное [[**пере-стра**]^{IPFV}^{PFV}-**ива**]^{IPFV}-**ние** того эмоционального мира, в котором проходила моя близость с ней, мне понадобилось много времени и много усилий [Г. Газданов. Призрак Александра Вольфа (1947)].
  - Помогите, кому не сложно, вычислить определитель 4-го порядка. Два раза уже на [[**пере-реш**]^{IPFV}^{PFV}-**ива**]^{IPFV}-**ние** препод отдает, а ошибку не говорит [irodov.nm.ru].
- (140) Номинализация основы с ПО-префиксом *под-*, подвергшейся вторичной имперфективации:
- Следует помнить, что корни и листья лилии, как и других водных растений, не переносят [[**под-суш**]^{IPFV}^{PFV}-**ива**]^{IPFV}-**ния** [Б. Заславский. Королева пруда (2002) // «Homes & Gardens»].
  - [[**Под-лавл**]^{IPFV}^{PFV}-**ива**]^{IPFV}-**ние** оппонентов на нарушении правил и правильность содержания – вещи, которые надо рассматривать в разных плоскостях [ru.wikipedia.org].

Помимо основ, перечисленных в (132)–(140), мы, естественно, можем ожидать, что точно так же ведут себя и более сложные основы, в которых одновременно присутствуют лексические и ПО-префиксы. Так и есть: примеры в (141)–(143) показывают возможность номинализации основ, в которых представлено два префикса, но отсутствует показатель вторичного имперфектива:

- (141) Номинализация основы с ПО-префиксом *до-*, присоединяемым поверх лексического:
- Игнорирование этого письма как раз и будет явным несоблюдением условий договора. Если кто согласится, могу распечатать, подписать и передать кому-нить в Раменском-Жуковском на [**до-под-писа**]^{IPFV}^{PFV}^{PFV}-**ние**, а дальше решим уж, кто отправит [www.nhouse.ru].
  - Планируется [**до-за-ли**]^{IPFV}^{PFV}^{PFV}-**тие** последних серий [forum.sibnet.ru].
- (142) Номинализация основы с ПО-префиксом *пере-*, присоединяемым поверх лексического:
- Рерайтинг – [**пере-на-писа**]^{IPFV}^{PFV}^{PFV}-**ние** контента, т. е. выражение мыслей и соображений других авторов своими словами с использованием синонимов, перестановки слов, фраз [100yandex.ru].

b. Riseviktory получает предупреждение за неоднократное своевольное [пере-[за-[ли]^{IPFV}]^{PFV}]-**тие** торрент-файла при статусе «неоформлено». Раздача переносится в тестовый форум [torrents.ru].

- (143) Номинализация основы с ПО-префиксом *под-*, присоединяемым поверх лексического:
- А дома у нас идет ремонт полным ходом с перерывом на [под-[на-[копл]^{IPFV}]^{PFV}]-**ение** денег и сил для очередного этапа. Процесс грозит затянуться [www.komarovski.net].
  - Все-таки переставить форсунки по кругу – не такая сложная работа. Зато если после этого «фррр» станет другого оттенка, то все-таки, наверно, некоторое [под-[за-[би]^{IPFV}]^{PFV}]-**тие** имеет место быть [forum.prag.ru].

Наконец, в (144)–(146) показано, что дупрефиксальные основы – такие как в (142)–(145) – образуют отглагольные имена и после вторичной имперфективации.

- (144) Номинализация основы с ПО-префиксом *до-*, присоединяемым поверх лексического, после вторичной имперфективации:
- В эти выходные планируется [[до-[за-[пис]^{IPFV}]^{PFV}]-**ыва**]^{IPFV}-**ние** гитарных партий (а в некоторых местах перезаписывание) для альбома [www.liveinternet.ru].
  - Автомата на [[до-[от-[кры]^{IPFV}]^{PFV}]-**ва**]^{IPFV}-**ние** окон при кратком нажатии на клавишу нет, стоит блок закрывания окон при постановке на сигнализацию [forum.adact.ru].

- (145) Номинализация основы с ПО-префиксом *пере-*, присоединяемым поверх лексического, после вторичной имперфективации:
- Почему вы решили, что единственный способ надежно уничтожить данные – это многократное [[пере-[за-[пис]^{IPFV}]^{PFV}]-**ыва**]^{IPFV}-**ние**? Можно просто записать в то место нули [www.pgpru.com].
  - Их белые пятна своей науки влекут, а не [[пере-[от-[кры]^{IPFV}]^{PFV}]-**ва**]^{IPFV}-**ние** перед некомпетентными уже открытого [art-otkrytie.narod.ru].

- (146) Номинализация основы с ПО-префиксом *под-*, присоединяемым поверх лексического, после вторичной имперфективации:
- Реальные события могут обеспечить разве что первоначальный интерес, а [[под-[за-[бы]^{IPFV}]^{PFV}]-**ва**]^{IPFV}-**ние** принципа «все как в жизни = смерть кино» вообще чревато [www.cinelifе.ru].
  - Здесь еще в школе практикуется [[под-[за-[рабат]^{IPFV}]^{PFV}]-**ыва**]^{IPFV}-**ние** денег путем занятий с младшими классами [conf.7ya.ru].

Как видно из всех этих примеров, диапазон возможных номинализаций достаточно широк. Согласно обобщению в (130), отглагольные существительные не могут образовываться, только если основа содержит какой-либо материал, присоединенный после вторичного имперфектива. Среди обсуждавшихся на протяжении этой статьи типов основ имеется единственный такой случай:

- (147) [селективно-ограниченный префикс [-ыва- [...]^{PFV}]^{IPFV}]^{PFV}

Мы можем без труда убедиться, что предсказание выполняется: какую бы основу этого типа мы ни взяли, построенное с ее использованием отглагольное существительное оказывается неграмматичным. По два примера на каждый СО-префикс показано в (148)–(155):

- (148) Кумулятивный *на-* поверх вторичного имперфектива:
- [На-[[вы-[да]^{IPFV}]^{PFV}]-**ва**]^{IPFV}]-**ли** удостоверений всяким жуликам! [Б. Леонидова. Сто четыре страницы про... хамство (1989) // «Горизонт»].
  - На Киевской хоть и [на-[[за-[держ]^{IPFV}]^{PFV}]-**ива**]^{IPFV}]-**ли** кучу народа, но все, кто там хоть раз бывал, знают, что место всегда было беспокойным [pikabu.ru].

- (149) Номинализации от глаголов в (148):
- * ... [на-[[вы-[да]^{IPFV}]^{PFV}]-**ва**]^{IPFV}]-**ние** удостоверений...
  - * ... [на-[[за-[держ]^{IPFV}]^{PFV}]-**ива**]^{IPFV}]-**ние** кучи народа...

- (150) Дистрибутивный *пере-* поверх вторичного имперфектива:
- Выполнить задание «захватить вражескую бронетехнику» значит захватить эту саперскую машину. (Не догадался об этом, пока не [пере-[[за-[хват]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-л всю бронетехнику в округе) [stopgame.ru].
  - Помогите советом по электрике, плииз!.. В чём может быть проблема? [Пере-[[вы-[ним]^{IPFV}]^{PFV}-а]^{IPFV}]^{PFV}-л все предохранители, вроде целы [forum.auto.ru].
- (151) Номинализации от глаголов в (150):
- ... #[пере-[[за-[хват]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-ние всей бронетехники...
  - ... #[пере-[[вы-[ним]^{IPFV}]^{PFV}-а]^{IPFV}]^{PFV}-ние всех предохранителей...
- (152) Делимитативный *по-* поверх вторичного имперфектива:
- Повыращивал бы ты там пшеницу или на тракторе бы [по-[[вс-[пах]^{IPFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}]^{PFV}-л ее, или овец бы попас. Удовольствие же, близость с природой [board.rt.mipt.ru].
  - Сегодня пришел вечером в гараж – ручка сцепления проваливается. Долил в бачок DOT4, [по-[[про-[кач]^{IPFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}]^{PFV}-л с часик – немного стало туже [sinus.vl.ru].
- (153) Номинализации от глаголов в (152):
- *... [по-[[вс-[пах]^{IPFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}]^{PFV}-ние земли...
  - *... [по-[[про-[кач]^{IPFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}]^{PFV}-ние сцепления...
- (154) Инцептивный *за-* поверх вторичного имперфектива:
- Народ из окошек [за-[[вы-[гляд]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-л: не пожар ли, а то и похлеще беда какая? [www.pravdasevera.ru]
  - Замерев возле икебаны, толстяк [за-[[рас-[кид]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-л руки, видимо, рассказывая, как его здесь недавно почти уронили [crazy-dadazy.livejournal.com].
- (155) Номинализации от глаголов в (154):
- *... [за-[[вы-[гляд]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-ние народа...
  - *... [за-[[рас-[кид]^{IPFV}]^{PFV}-ыва]^{IPFV}]^{PFV}-ние рук...

Таким образом, запрет, который (130) налагает на деривацию отглагольного существительного, безусловно соблюдается.

Возникает, однако, следующий вопрос. Что предсказывает (130) по поводу конфигураций в (156a), где СО-префикс присоединяется до показателя вторичного имперфектива, и в (156b), где вторичного имперфектива вовсе нет и конечный продукт деривации – перфективная основа?

- (156) a. [-ыва- [селективно-ограниченный префикс [...]^{IPFV}]^{PFV}]^{IPFV}
 b. [селективно-ограниченный префикс [...]^{IPFV}]^{PFV}

Как мы видели на примере причастий на *-н-/-т-*, позиция, занимаемая СО-префиксом по отношению к вторичному имперфективу, является решающей для грамматичности причастий: при раннем присоединении префикса причастия возможны, а при позднем нет. Для номинализаций, очевидно, верно то же самое: обобщение в (130) не запрещает номинализации структуры вида (156) с образованием (157):

- (157) a. [-н-/-т-и] [-ыва- [селективно-ограниченный префикс [...]^{IPFV}]^{PFV}]^{IPFV}
 b. [-н-/-т-и] [селективно-ограниченный префикс [...]^{IPFV}]^{PFV}

В корпусах такие номинализации действительно обнаруживаются. Следующие примеры иллюстрируют возможность в (157a):

- (158) Номинализации с кумулятивным *на-* и вторичным имперфективом:
- А сами по себе новогодние праздники я по-прежнему не люблю, как и любые другие, мне чужда эта бесконечная суета, [[на-[дар]^{IPFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}-ние бессмысленного хлама, которому надо лживо радоваться [vedomir.info].
  - А вот пескаррики – это тема другая. Их [[на-[лавл]^{IPFV}]^{PFV}-ива]^{IPFV}-ние и сохранение в течение зимы стоит вложенных усилий [fisher.sumy.ua].

- (159) Номинализации с дистрибутивным *пере-* и вторичным имперфективом:
- Это захват власти и [[**пере-[стрел]**^{IPFV}PFV-**ива**]^{IPFV}-**ние** всех алчных и жадных людей, которые всем лапшу на уши по телеку вешают [forum.a42.ru].
  - Я тут как-то засекала время, которое было потрачено на [[**пере-[мы]**^{IPFV}PFV-**ва**]^{IPFV}-**ние** всей посуды [forum.ngs.ru].
- (1160) Номинализации с инцептивным *за-* и вторичным имперфективом:
- Кульминацией мероприятия стал, конечно же, вынос торта со свечками и хоровое [[**за-[пе]**^{IPFV}PFV-**ва**]^{IPFV}-**ние** «Happy birthday to you» [zhenia-dina.livejournal.com].
  - Дрожжи *S. vini* могут играть и отрицательную роль, вызывая [[**за-[браж]**^{IPFV}PFV-**ива**]^{IPFV}-**ние** виноградного сока, помутнение готовых вин [vinocenter.ru].
- (161) Номинализации с делимитативным *по-* и вторичным имперфективом:
- Релаксация – это не сон и не [[**по-[леж]**^{IPFV}PFV-**ива**]^{IPFV}-**ние** на диване, это внутренняя работа по снятию всех мышечных и эмоциональных напряжений [unionfitness.ru].
  - [[**По-[чит]**^{IPFV}PFV-**ыва**]^{IPFV}-**ние** форума, который древнее этого моего дневничка, иногда приносит новости [www.diary.ru].

Примеры (158)–(161) показывают, что номинализации от основ, где вторичный имперфектив располагается поверх СО-префикса, образуются без затруднений и примерно с той же регулярностью, что и другие номинализации в (148)–(155).

Значительно реже встречаются номинализации, образованные от основ вида (157b), где последний (и единственный) шаг деривации – присоединение СО-префикса к непроизводной имперфективной основе. Например, отглагольные существительные *надарение, наловление, перестреляние, перекрытие, запетие, заброжение, полежание и почитание* значительно проигрывают в приемлемости имперфективным аналогам в (158)–(161), а некоторые из них воспринимаются как неграмматичные. Тем не менее в корпусах в некотором количестве обнаруживаются и такие примеры:

- (162) Номинализации с кумулятивным *на-*:
- Этой системе организации необходимо лишь обслуживать сферу услуг для временного удовлетворения общественных нужд и [**на-[варе]**^{IPFV}PFV-**ния** на этом всем «добре» огромных материальных средств [otvet.mail.ru].
  - Фтыкатель, если ты думаешь, что цель данного поста – [**на-[кида]**^{IPFV}PFV-**ние** понтофф или желание померяцца... [udaff.com]
- (163) Номинализации с инцептивным *за-*:
- Налейте солнышка в стаканы, добавьте капель синевы, и пейте утром, спозаранок для [**за-[круже]**^{IPFV}PFV-**нья** головы [poezia.ru].
  - Дни длинные такие, они там растягиваются колбаской каждый, до изнеможения, до затекания шеи и [**за-[чеса]**^{IPFV}PFV-**ния** ног в валенках [gleb-klinov.livejournal.com].
- (164) Номинализации с дистрибутивным *пере-*:
- Какие проблемы? Все нормально, нафиг нам не нужно платить за унитаз, за расчистку и [**пере-[стреля]**^{IPFV}PFV-**ние** шавок во дворе [kouzdra.livejournal.com].
  - Ра5на, ты в соседнем топике проголосовал за [**пере-[би]**^{IPFV}PFV-**тие** всех нацистов. Ты не находишь, что твои слова... тоже пахивают нацизмом? [ptz.karelia.pro]
- (165) Номинализации с делимитативным *по-*:
- Потребности «мироправителя» были скромны: послеобеденный сон, угловатые шутки со злой экономкой, держащей в руках его, и [**по-[сиде]**^{IPFV}PFV-**ние** над фолиантами; вечером – гости [А. Белый. Москва под ударом (1926)].
  - Не знаю, в какой сезон вы там будете, но в июле прогулке по Луганскому озеру мы предпочли [**по-[плава]**^{IPFV}PFV-**ние** в этом озере [www.tourtrans.ru].

Если асимметрия в приемлемости между номинализациями вида (157a) и (157b) эмпирически реальна, то, очевидно, для нее необходимо отдельное от (130) объяснение. Ограничение в (130) утверждает лишь то, что, если оно не нарушено, образование отглагольного существительного возможно. Из него не следует, что всякий раз, когда

ограничение соблюдено, соответствующее отглагольное существительное обязано существовать. Из него также не следуют какие бы то ни было предсказания по поводу предпочтительности номинализаций от вторично-имперфективной или от перфективной основы.

Назовем совокупность причин, которыми обусловлено то, что номинализации типа *перекидание* проигрывают в приемлемости имперфективным аналогам типа *перекидывание*, PFV-фактором. Что в точности PFV-фактор собой представляет, не известно, как кажется, никому. Известно, однако, что действие этого фактора сказывается отнюдь не только в случае с СО-префиксами, такими как в (148)–(155) и (158)–(165). А.А. Зализняк [Зализняк 2007] описывает многочисленные примеры, когда отглагольные существительные легко образуются от одного из элементов видовой пары, но не образуются либо затруднены от второго. Важный случай среди обсуждаемых в статье А.А. Зализняка – это как раз тот, с которым мы только что столкнулись: если одним из элементов пары является глагол СВ с тематическим гласным, а другим – вторичный имперфектив на *-ыва-*, номинализации подвергается основа на *-ыва-*, ср.: *записание vs. записывание* или *просверление vs. просверливание*, *выдумание vs. выдумывание*. *За-* в *записание*, *про-* в *просверление* и *вы-* в *выдумание* – лексические префиксы. Это показывает, что PFV-фактор, чем бы он ни был, действует на основы с префиксами неизбирательно, не заботясь о том, является ли префикс внутренним, селективно-ограниченным или позиционно-ограниченным¹⁶. Соответственно, неодинаковая грамматическая успешность номинализаций в (148)–(155) и (158)–(165), по всей видимости, не имеет отношения к обобщению в (130).

3.4. Некоторые выводы

Наблюдения, изложенные выше, показывают, что естественные классы внешних префиксов – селективно-ограниченные *на-*, *пере*, *за-* и *по-* и позиционно-ограниченные *до-*, *пере-* и *под-* – участвуют в процессах адъективации и номинализации предсказуемым образом. Главный результат этого раздела состоит в том, что верные предсказания о дистрибуции префиксов в составе номинализаций и адъективов полностью выводятся из общей теории префиксации, изложенной в разделе 1, и независимо определяемых ограничений на образование отглагольных существительных и пассивных причастий. Никаких дополнительных допущений о поведении префиксов при адъективации и номинализации не требуется.

---

¹⁶ В [Пазельская, Татевосов 2008] мы высказываем два сомнения в том, что видовые асимметрии в образовании отглагольных существительных вообще нуждаются в теоретическом объяснении. Во-первых, в значительном числе таких «асимметричных» случаев мы имеем дело не с грамматическим запретом, а со статистическим предпочтением. Существительные типа *просверление* или даже *выдумание* систематически обнаруживаются в корпусном материале, хотя и проигрывают в частотности своим аналогам противоположного вида. Например:

- (i) Карниз на соплях держаться не будет. Чтоб он больше никогда не сваливался, надо в доме перфоратор иметь или хотя бы взять его у друзей-приятелей на *просверление* нескольких дырок [forum.chizh.net].
- (ii) Классификации – это живые организмы; они вырастают и только потом становятся определёнными. Если покопаться в статьях по прог-року 80-х–70-х, – там такой же раздраз и шатание, *выдумание* сотен терминов, разломы структуры классификации и отсутствие аргументационной базы [klem.ru].

Во-вторых, случаи, когда существительное образуется без затруднения только от одного из членов пары, не составляют естественного класса. Наряду с парами типа *выдумание / выдумывание* есть *воспитание / воспитывание*, когда возможны оба. Частотность *воспитания* в результатах поисковых запросов, даже если исключить его употребления в предметном значении (*хорошее воспитание*), существенно выше, чем у *воспитывание*. Возможно, что ограничения на номинализацию отдельных глаголов в составе видовой пары являются индивидуальным свойством этих глаголов, – в отличие от системного обобщения о морфосинтаксических границах в (130).

Адъективация на *-н-/-т-* и номинализация на *-ниј -/тиј-* – процессы, в которых задействован один и тот же морфологический показатель, *-н-/-т-*. Поэтому неудивительно, что ограничения на эти процессы чувствительны к одному и тому же фактору – позиции показателя вторичного имперфектива. Нетривиально другое: хотя фактор один и тот же, ограничения различны. Составляющая, которая может подвергаться номинализации, должна быть не больше, чем проекция вторичного имперфектива. Составляющая, подвергаемая адъективации, должна быть меньше:

(166)
$$\begin{array}{c} \text{максимальная адъективация} \\ \text{[YP ... [... ыва [XP ...]]]} \\ \text{максимальная номинализация} \end{array}$$

В этой статье мы не предлагаем более общего взгляда на то, как факты, суммированные в (166), соотносятся с более общими представлениями о структуре русской глагольной группы и клаузы. Важно другое: как только эти факты установлены, установлено и то, какие префиксы мы не ожидаем увидеть в составе причастий и отглагольных существительных.

Ожидания в обоих случаях идентичны: если префикс присоединяется поверх вторичного имперфектива, он, вследствие (166), оказывается за пределами номинализируемой или адъективируемой составляющей. В этом месте в действие вступает теория префиксации, которая предсказывает, что такая ситуация возникает только в одной конфигурации:

(167) [селективно-ограниченный префикс [*-ыва-* [...]^{PFV}]^{IPFV}]^{PFV}

В (167) перфективная основа подвергается вторичной имперфективации, а затем присоединяет СО-префикс. Эта конфигурация отражает очень широкий класс случаев, поскольку перфективная основа в составе (167) «[...]^{PFV}» может иметь достаточно разнообразную структуру – от непроизводного перфектива типа *дать* до многопрефиксального комплекса типа *доперезаписать*. Для всех таких случаев мы предсказываем, что адъективация и номинализация, включающая самый внешний СО-префикс, невозможна. Материал, который мы обсудили выше, полностью подтверждает это предсказание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование структуры русской глагольной основы дает несколько поучительных уроков. Мы хотели бы привлечь внимание читателя к двум из них.

Первый состоит в том, что очень большая часть невозможных русских глаголов невозможна по сугубо структурным причинам. Мы можем объяснить неприемлемость необъятного количества морфологических комбинаций (см., например, (9) выше), вовсе не обращаясь к семантике. Два основополагающих ограничения, с которыми мы имели дело на протяжении этого исследования, – селективное ограничение для СО-префиксов и ограничение на позицию для ПО-префиксов (см. раздел 1) (плюс, конечно, общая идея о том, что любые внешние префиксы располагаются в иерархической структуре выше, чем внутренние). Было и несколько вспомогательных ограничений: требование раннего присоединения в 2.3, запрет на третичную имперфективацию в 2.4, ограничения на максимальный объем для номинализаций и адъективов в 3.2–3.3. Ни одно из них не несет существенной семантической нагрузки и не предполагает очевидной семантической мотивации.

Этот факт, как кажется, был сильно недооценен в предшествующих исследованиях по деривационной морфологии русского глагола, где основные объяснительные усилия всегда были сосредоточены именно на семантическом направлении (см. [Flier 1975; 1985; Кронгауз 1995; 1997; 1998; Янда 1997]. Например, в [Беляков 2001] (см.

также [Beliakov, Guiraud-Weber 1997]) выдвигается гипотеза, согласно которой «невозможность сочетания первой и второй приставок в глагольной композите обусловлена тем, что определенная часть одноприставочных глаголов не нуждается в семантическом уточнении или его не допускает». Если, например, ближайший к корню префикс, пишет В. Беляков, выражает «интенсивность, тщательность, полноту действия» [Беляков 2001: 163], то такие основы «не нуждаются в семантическом уточнении или усилении», и поэтому не присоединяют вторые приставки. По поводу основы *продума-* (в которой *про-* предположительно выражает тщательность и полноту) В. Беляков предсказывает невозможность *допродумать, *напродумать, *перепродумать.

Наша теория делает другие предсказания. *Допродумать* (в комплетивном значении *до-*) и *перепродумать* (в репетитивном значении *пере-*) должны быть возможны и иметь структуру в (168).

(168) [до- [про-[дума-]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}

Напродумать (в кумулятивном значении *на-*) невозможен потому, что нарушено селективное ограничение, запрещающее комбинацию *на-* с перфективной основой *продума-*. Поскольку, однако, после имперфективации присоединение префикса возможно, мы ожидаем обнаружить глагол *напродумывать*.

(169) а. *[на- [про-[дума-]^{IPFV}]^{PFV}]^{PFV}
 б. [на- [-ыва- [про-[дума-]^{IPFV}]^{PFV}]^{IPFV}]^{PFV}

Нетрудно убедиться, что эти предсказания подтверждаются, а обобщения В. Белякова нет. (170a–b) – это примеры глаголов *допродумать* и *перепродумать* с комплетивным *до-* и репетитивным *пере-*:

(170) а. Тогда Гиллиам переписал сценарий и, вероятно, [пере-[про-[дума]^{IPFV}]^{PFV}]-л смысл фильма [forum.bmwork.ru].
 б. Буду не спеша писать ответ, заодно [до-[про-[дума]^{IPFV}]^{PFV}]-ю. В свою очередь повторю просьбу прочитать «Маятник Фуко» [ev-ge-n.livejournal.com].

Как и ожидается, глагол *напродумать* в корпусах не обнаруживается, зато обнаруживается *напродумывать*:

(171) – Я больше времени продумываю структуру сайта / cms / приложения.
 – И много ты уже [на-[[про-[дум]^{IPFV}]-ыва]^{IPFV}]-л? [forum.saransk.ru]

Более того, основа *продумыва-* представлена и в комбинации с другими СО-префиксами – делимитативным *по-* и дистрибутивным *пере-*, который, в отличие от репетитивного *пере-* в (170a), присоединяется поверх вторичного имперфектива:

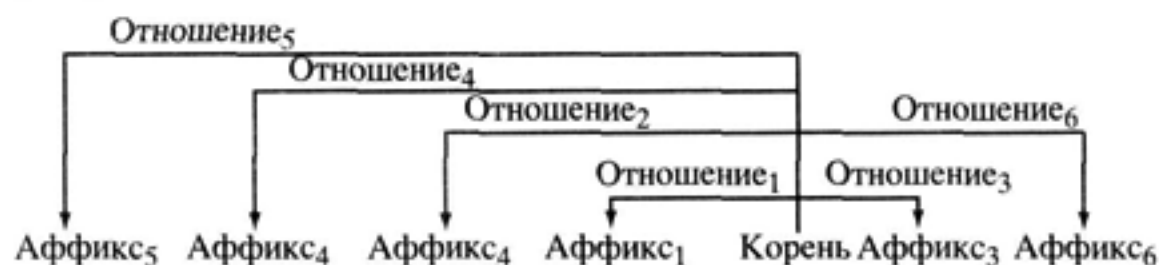
(172) а. Кстати, я пару дней назад немножко [по-[[про-[дум]^{IPFV}]-ыва]^{IPFV}]-л план космического боевика [gb.anekdot.ru].
 б. Все варианты уже [пере-[[про-[дум]^{IPFV}]-ыва]^{IPFV}]-л, форумов поперечитывал... голова скоро лопнет! [gladil.livejournal.com]

Второй урок состоит в том, что сформулированные выше правила и ограничения указывают на вполне определенный способ теоретического анализа глагольной основы.

Априори нам открывается по меньшей мере три возможности рассуждать о правилах и ограничениях на префиксацию: в терминах порядков, в терминах зависимостей и в терминах иерархической структуры составляющих. Схематические примеры каждой из возможностей представлены соответственно в (173)–(175).

(173)   -4   —   -3   —   -2   —   -1   —   0   —   1   —   2
           Аффикс₅   Аффикс₄   Аффикс₂   Аффикс₁   Корень   Аффикс₃   Аффикс₆

(174)

(175) [_{АФ6Р} [_{АФ5Р} ... Аффикс₅ ... [_{АФ4Р} [_{АФ3Р} ... Аффикс₄ ... [_{АФ2Р} ... Аффикс₂ ... [_{АФ1Р} ... Аффикс₁ ... [_V Корень]]]]] ... Аффикс₃ ...] ... Аффикс₆...]

Для адекватного анализа русской глагольной основы, однако, существенно необходима структура типа (175), а не (173) или (174). Основной эмпирический аргумент, которым подкрепляется этот вывод, состоит в том, что ограничения, которые обсуждались выше, невозможно сформулировать только в терминах характеристик отдельных аффиксов и/или корня («Аффикс₄ не комбинируется с Аффиксом₃», «Аффикс₄ не комбинируется с корнем класса К при наличии Аффикса₂», «Аффикс₄ не комбинируется ни с каким корнем / аффиксом, обладающим свойством α» и т.д.). Как селективное ограничение, определяющее дистрибуцию СО-префиксов, так и позиционное ограничение для ПО-префиксов – это ограничения на сочетаемость с уже готовыми комбинациями компонентов глагола. ПО-префиксы могут присоединяться к основе любого вида, но непременно до того, как в ней появился показатель *-ыва-*. СО-префиксы комбинируются с основой независимо от того, есть ли в ней показатель *-ыва-*, но только если это основа несовершенного вида. И то и другое суть ограничения на сочетаемость с определенными составляющими («Аффикс₄ не комбинируется с составляющей Aff₂P», «Аффикс₄ не комбинируется ни с какой составляющей, обладающей свойством α» и т. п.). Нетрудно убедиться, что сформулировать такие обобщения в терминах (173) невозможно, а в терминах (174) до крайности затруднительно.

В завершение нам остается лишь выразить уверенность в том, что история о структуре русской глагольной основы вообще и множественной префиксации в частности на этом не заканчивается. Если нам удалось внести некоторую ясность в вопрос о дистрибуции семи обсуждавшихся выше префиксов, задача этой статьи выполнена. Однако много больший объем материала еще только предстоит осмыслить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АГ-80 – Русская грамматика. М., 1980.
Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
Беляков 2001 – В. Беляков. О комбинаторике глагольных приставок // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1.
Бондарко, Буланин 1967 – А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.
Буланин 2001 – Л.Л. Буланин. Статив в его отношении к пассиву и результативу // В.И. Трубинский (ред.). Тенденции развития русского языка: сб. статей к 70-летию проф. Г.Н. Акимовой. СПб., 2001.
Венедиктов 1961 – Г.К. Венедиктов. О морфологических средствах имперфективации в русском языке // Вопросы языкознания. 1961. № 2.
Гаврилова 1998 – В.И. Гаврилова. Краткое причастие на *-н-/-т-* как форма статального вида страдательного залога // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
Гобачевич 1976 – К.С. Гобачевич. Вариативность глаголов с суффиксами вторичной имперфективации «*-ыва-* (*-ива-*)» и «*-а-* (*-я-*)» // Русский язык в школе. 1976. № 3.
Зализняк 2007 – А.А. Зализняк. Связь отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* с глагольным видом // Terra Balcanica. Terra Slavica: К юбилею Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007.

- Зализняк, Микаэлян 2010 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян*. О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2010». Бекасово, 26–30 мая 2010 г. М., 2010.
- Зализняк, Шмелев 2000 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зализняк и др. 2010 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев*. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1.
- Исаченко 1960 – *А.В. Исаченко*. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Т. 2. Братислава, 1960.
- Иткин 2008 – *И.Б. Иткин*. Русская морфонология. М., 2008.
- Князев 2002 – *Ю.П. Князев*. Пассивный перфект в русском языке // Основные проблемы русской аспектологии. СПб., 2002.
- Князев 2007 – *Ю.П. Князев*. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Кронгауз 1995 – *М.А. Кронгауз*. Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1995.
- Кронгауз 1997 – *М.А. Кронгауз*. Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы // М.А. Кронгауз, Д. Пайар (ред.). Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Кронгауз 1998 – *М.А. Кронгауз*. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Маслов 1981 – *Ю.С. Маслов*. Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Мелиг 2008 – *Х.Р. Мелиг*. Накопительное соотношение и вид глагола в русском языке: Взаимодействие между видом и аргументами с числительными или другими выражениями меры // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. М., 2008.
- Падучева 1998 – *Е.В. Падучева*. Неоднозначность как следствие метонимических переносов: русский перфект на *-н-/-т-* // Н.А. Козинцева, А.К. Оглоблин (ред.). Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В.С. Храковского. СПб., 1998.
- Пазельская 2006 – *А.Г. Пазельская*. Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
- Пазельская, Татевосов 2008 – *А.Г. Пазельская, С.Г. Татевосов*. Отглагольное имя и структура русского глагола // В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. М., 2008.
- Полс 1993 – *А. Полс*. Варианты приставочных глаголов несовершенного вида в русском языке. Амстердам; Атланта, 1993.
- Пупынин 2005 – *Ю.А. Пупынин*. Проблемы актуализации перфектной семантики в русском языке // А.В. Бондарко, С.А. Шубик (ред.). Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. СПб., 2005.
- Татевосов 2009 – *С.Г. Татевосов*. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Татевосов 2010 – *С.Г. Татевосов*. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2010. Т. 6. Ч. 2: Избыточность в грамматическом строе языка. СПб., 2010.
- Тихонов 1962 – *А.Н. Тихонов*. К вопросу о чистовидовых приставках в русском языке // Труды Самаркандского университета. Вып. 118. Исследования по русскому языку. Самарканд, 1962.
- Тихонов 1998 – *А.Н. Тихонов*. Русский глагол: Проблемы теории и лексикографирования. М., 1998.
- Храковский 1989 – *В.С. Храковский*. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989.
- Храковский 2005 – *В.С. Храковский*. Аспектуальные тройки и видовые пары // Русский язык в научном освещении. 2005. № 9.
- Шевелева 1991 – *М.Н. Шевелева*. Значение и употребление производных имперфективных основ в книжно-литературном языке средневековой Руси XV–XVI вв. // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола. М., 1991.
- Шевелева 2010 – *М.Н. Шевелева*. Вторичные имперфективы с суффиксами *-ыва-/-ива-* в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2.

- Янда 1997 – Л. Янда. Русские глагольные приставки. Семантика и грамматика // М.А. Кронгауз, Д. Пайар (ред.). Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Babby 1997 – L.H. Babby. Nominalization in Russian // W. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova, D. Zec (eds). Formal approaches to Slavic linguistics, The Cornell meeting 1995. Ann Arbor, 1997.
- Babko-Malaya 1999 – O. Babko-Malaya. Zero morphology: A study of aspect, argument structure, and case. Ph. D. dissertation. Rutgers university, 1999.
- Beliakov, Guiraud-Weber 1997 – V. Beliakov, M. Guiraud-Weber. О некоторых свойствах вторичных глагольных приставок // Russian linguistics. 1997. V. 21. № 2.
- Carnie 2008 – A. Carnie. Constituent structure. Oxford, 2008.
- Coats 1974 – H.S. Coats. On the alternation j/v in Russian // D.J. Koubourlis (ed.). Topics in Slavic phonology. Cambridge (Mass.), 1974.
- Feinberg 1980 – L.E. Feinberg. The morphology of Russian imperfective derivation // The Slavic and East European journal. 1980. V. 24. № 2.
- Filip, Carlson 1997 – H. Filip, G. Carlson. Sui generis genericity // Penn working papers in linguistics. V. 4. Philadelphia, 1997.
- Filip 2005 – H. Filip. Measures and indefinites // G.N. Carlson, F.J. Pelletier (eds). Reference and quantification: The Partee effect (Festschrift for Barbara Hall Partee). Stanford, 2005.
- Flier 1972 – M.S. Flier. On the source of derived imperfectives in Russian // D.S. Worth (ed.). The Slavic word. The Hague, 1972.
- Flier 1975 – M.S. Flier. Remarks on Russian verbal prefixation // Slavic and East European journal. 1975. V. 19. № 2.
- Flier 1985 – M.S. Flier. The scope of prefixal delimitation in Russian // M.S. Flier, A. Timberlake (eds). The scope of Slavic aspect. UCLA Slavic studies. V. 12. Columbus, 1985.
- Matushansky 2008 – O. Matushansky. Deriving the Russian secondary imperfective. Ms. Paris, 2008.
- Matushansky 2009 – O. Matushansky. On the featural composition of the Russian back yer // G. Zbtatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup (eds). Studies in formal Slavic phonology, morphology, syntax, semantics and information structure. Proceedings of FDSL 7. Frankfurt am Main, 2009.
- Ramchand 2004 – G. Ramchand. Time and the event: The semantics of Russian prefixes // Nordlyd. 2004. V. 32. № 2. Special issue on Slavic prefixes.
- Rappaport 2001 – G.C. Rappaport. The geometry of the Polish nominal phrase: Problems, progress, and prospects // P. Banski, A. Przepiorkowski (eds). Generative linguistics in Poland: Syntax and morphosyntax. Warsaw, 2001.
- Roberts 2001 – I. Roberts. Head movement // M. Baltin, C. Collins (eds). Handbook of syntactic theory. Oxford, 2001.
- Romanova 2004 – E. Romanova. Superlexical vs. lexical prefixes // Nordlyd. 2004. V. 32. № 2. Special issue on Slavic prefixes.
- Romanova 2006 – E. Romanova. Constructing perfectivity in Russian. Ph. D. dissertation. Tromsø, 2006.
- Svenonius 2004 – P. Svenonius. Slavic prefixes inside and outside VP // Nordlyd. 2004. V. 32. № 2. Special issue on Slavic prefixes.
- Svenonius 2008 – P. Svenonius. Russian prefixes are phrasal // Formal description of Slavic languages. The Fifth conference. Bern, 2008.
- Žaucer 2009 – R. Žaucer. A VP-internal / Resultative analysis of 4 ‘VP-External’ uses of Slavic verbal prefixes. Ph. D. dissertation. University of Ottawa, 2009.

Сведения об авторе:

Сергей Георгиевич Татевосов

МГУ им. М.В. Ломоносова

tatevosov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 5.06.2012

© 2013 г. Е.А. ГРИШИНА

УКАЗАНИЯ ГОЛОВОЙ КАК СИСТЕМА*

В статье на материале Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) описывается система русских указательных жестов, осуществляемых различными движениями головы (жесты *голова вперед*, *боковой кивок*, *поворот головы* и *указание подбородком*). Статья является продолжением исследования системы русских указательных жестов. На основе статистической обработки корпусного материала определяются основные лингвистические (референциальные и прагматические) факторы, влияющие на выбор жеста говорящим. Кроме того, в статье проводится сопоставление систем ручных и головных указательных жестов.

Ключевые слова: указательные жесты, указания головой, указания рукой, русская жестикуляция, жестикуляционная лингвистика, мультимодальность, корпусная лингвистика, устная речь

The paper describes the Russian system of head pointing. The author analyzes the data of the Multimodal Russian Corpus (MURCO) from the statistical point of view, and singles out the main semantic, pragmatic, and referential factors, which affect the selection of the type of head pointing as a co-speech gesture. The gestures *head forward*, *tilt*, *nod*, and *chin pointing* seem to be the most frequent types of head pointing in Russian. The author also analyzes the relations between head and hand pointing, and the main types of syntactical gestural constructions.

Keywords: pointing, head movements, Russian gesticulation, deictic gestures, co-speech gestures, multimodality, corpus linguistic, spoken interaction

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа является продолжением исследования русской дейктической жестикуляции, первые результаты которой были изложены в работах [Гришина 2012а; 2012б], описывающих систему русских ручных указательных жестов. Данная статья посвящена исследованию головных указательных жестов, характерных для русской жестикуляционной системы.

Тот факт, что в европейской, в том числе в русской, культуре жестикуляционные указания осуществляются не только рукой (руками), но и головой, хорошо известен – как из нашего повседневного опыта, так и из научной литературы (психологической, нейролингвистической, психолингвистической) – и не требует каких бы то ни было дополнительных доказательств. При этом наблюдается значительная асимметрия в степени исследованности ручных и головных указательных жестов. Если указания рукой были проанализированы в ряде работ достаточно систематически (прежде всего следует упомянуть работы [Kendon, Versante 2003; Kendon 2004; Wilkins 2003], для русского языка [Крейдлих 2007; 2008; Гришина 2012а; 2012б; 2012в]), то указания головой до сих пор рассматриваются в литературе лишь спорадически и лишь как подмножество всех движений головы, сопровождающих устное высказывание, а не как самосто-

* Исследование проведено при поддержке программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика», программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», а также грантов РФФИ № 10-06-00151 и 11-06-00030.

ятельная система (с содержательной стороны здесь следует прежде всего упомянуть [McClave 2000; Calbris 2008; 2011]).

Ж. Кальбрис в [Calbris 2008] высказывается по этому поводу достаточно определенно: по ее мнению, за исключением жестов согласия (кивок) и отрицания (качание головой из стороны в сторону), остальные жесты головы исследователями игнорируются. С нашей точки зрения, это слишком решительное заявление. Существуют замечательные работы, которые анализируют движения головы, не выражающие ни согласия, ни отрицания (и при этом не являющиеся дейктическими). Так, большое число исследований посвящено изучению движений головы как выражения обратной связи между говорящим и слушающим (feedbacks или backchannel movements); как маркеров синтаксических границ внутри высказывания; как способов обозначения границ реплики (turn-taking); как ритмических средств организации речи и др.¹ Некоторые из этих многочисленных функций движений головы, очевидно, восходят к базовым движениям головы, обозначающим подтверждение / отрицание, и являются их, так сказать, грамматикализованными вариантами²; другие же не связаны напрямую с семой подтверждения / отрицания. Дейктические жесты головы, очевидно, относятся ко второй группе (их связь с идеей подтверждения / отрицания весьма сомнительна), однако они, как считает Ж. Кальбрис, на данный момент находятся вне мейнстрима в изучении жестикуляции. В нашей статье мы сделаем попытку восполнить этот пробел.

Ввиду вышесказанного, здесь мы не можем опереться на исследования предшественников, поскольку ни одного целостного описания системы головных указательных жестов, насколько нам известно, не существует. Это в значительной степени предопределяет методику нашей работы.

Из Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) мы отобрали 520 случаев дейктических движений головы. Большую часть составляют контексты, в которых головной указательный жест синхронизирован с основными русскими указательными лексемами (*вон, вот, здесь, там, тот, тут, это, тот*), однако в рассмотрение включены также контексты, в которых головным указательным жестам соответствуют другие лексические единицы (например, *туда, отсюда* и др.), а в 58 случаях вообще не соответствует никакая дейктическая лексема, т.е. в этих контекстах жестикуляционный дейксис является лексически свободным.

Мы исходили из предположения, что сочетание жестикуляционного дейксиса и указательной лексемы синхронизированы в семантическом отношении, т.е. что дейктическая интенция говорящего выражается одновременно в выборе лексического и жестикуляционного дейксиса, или, что то же, что в устном высказывании семантика дейктической лексемы и сопровождающего ее жестикуляционного дейксиса большей частью совпадают. Отобранные нами примеры из МУРКО были проанализированы по некоторому набору референциальных, прагматических и социологических параметров, уже апробированных нами при анализе ручных указательных жестов, см. [Гришина 2012a]. Мы исходили из предположения, что значения лексических дейксисов в целом известны. Соответственно, если мы наблюдаем тяготение того или иного жестикуляционного дейксиса к некоторому лексическому дейксису, мы можем предположить, что лексический и жестикуляционный дейксис передают одно и то же значение (в широком смысле этого слова). Таким образом, привязка жестикуляционного дейксиса к лексическому позволяет нам толковать значение жестикуляционного дейксиса.

---

¹ См., например, следующие работы (и библиографию при них) [Argyle 1969; Birdwhistell 1970; Yngve 1970; Dittmann 1972; Duncan 1972; Kendon 1972; Argyle, Cook 1976; Goodwin 1980; 1981; Calbris 1983; Hadar et al. 1983; 1985; Goodwin, Goodwin 1987; Maynard 1987; Schegloff 1987; Heritage 1989; Bernieri, Rosenthal 1991; Ywano et al. 1996; Kendon 2002; Cerrato 2005; Heylen 2005; 2006; Adolphs, Carter 2007; Ishi et al. 2008; Lee et al. 2009; Battersby, Healey 2010; Boholm, Allwood 2010; Ohashi 2010; Paggio, Navaretta 2010; 2011; 2012; Poggi et al. 2010; Whitehead 2011].

² О том факте, что взгляд, как и движения головы, может грамматикализоваться и превращаться из полнозначного жеста в служебный, см. [Гришина 2011; Grishina 2013]. О том, что движения головы могут быть дубликатами движения взгляда, и наоборот, см. в работе [Duncan 1972].

Примечание. Исходное предположение (на основе которого нами был проведен ранее анализ ручных указательных жестов, см. [Там же]) априори кажется неочевидным: лексическая и жестикоуляционная дейктические системы могут быть – теоретически – независимыми друг от друга. Однако в случае независимости этих систем при статистическом анализе большого количества примеров нам бы не удалось обнаружить никакой корреляции жестикоуляционных и лексических жестов, поскольку разнонаправленные связи между дейксисами разных уровней на больших объемах материала компенсировали бы друг друга. Однако, как показывает наше исследование (см. цитированные выше работы, а также материал, приведенный в данной статье), в действительности мы наблюдаем совсем иную картину: распределения жестикоуляционных дейксисов, синхронизированных с лексическими дейксисами, в высшей степени неравномерны и асимметричны: определенные конфигурации указующей руки или типы головных движений отчетливо тяготеют к определенным группам лексических дейксисов. С нашей точки зрения, это означает, что отношения между лексическими и жестикоуляционными дейксисами не являются случайными, свободными, а именно: жестикоуляционный дейксис имеет семантические характеристики, совпадающие с семантическими характеристиками того лексического дейксиса, к которому он тяготеет.

Отметим, что на выбор говорящим того или иного жестикоуляционного дейксиса может влиять сразу несколько разнонаправленных факторов. Соответственно, степень «привязки» жестикоуляционного дейксиса к лексическому может определяться только статистически. Для того чтобы узнать, насколько статистически значимо то или иное распределение жестикоуляционных дейксисов между лексическими дейксисами, мы использовали критерий χ -квадрат: в случае, если статистические распределения значительно отличались от средних (ожидаемых в случае, если бы данный параметр не был бы значим для данного жеста), мы считали, что данный параметр существен для различения головных указательных жестов и мы, следовательно, можем приписывать им то или иное значение и сферу функционирования. Более подробные пояснения см. ниже (табл. 4).

Далее, после исчисления и описания русских указаний головой и их значений, мы предполагаем кратко обрисовать соотношение ручных и головных указательных жестов в русской дейктической системе, а также сделать несколько замечаний о сочетаемостных закономерностях жестикоуляционных дейксисов разных уровней (ручных и головных).

1. ИНВЕНТАРЬ РУССКИХ ГОЛОВНЫХ УКАЗАТЕЛЬНЫХ ЖЕСТОВ

Головные указательные жесты отличаются от ручных указательных жестов по крайней мере в двух отношениях.

Во-первых, зона осуществления ручных указательных жестов физически ничем не ограничена, т.е. не существует физиологических ограничений для ориентации указующей руки в пространстве. В стандартном случае рука направлена к объекту указания. В случае, если указание является когнитивным (объектно-свободным), т.е. направлено на объект, который по той или иной причине не зафиксирован в пространстве, направление указания подчиняется некоторым смысловым, но опять-таки не физиологическим ограничениям, см. [Гришина 2013]. Напротив, указания головой физиологически ограничены, что связано а) с малой подвижностью головы относительно корпуса и б) со слабой физиологической дифференцированностью головы по сравнению с рукой: рука располагает в качестве органов указания ладонью вместе с пальцами, указательным пальцем (изредка также средним пальцем, мизинцем, сочетанием указательного и среднего пальцев), большим пальцем; голова же не имеет такого разнообразия в выборе органа указания.

Во-вторых, в основе указаний головой не лежит ни одного естественного способа прикоснуться к предмету. Как мы показали в работе [Гришина 2012а], указания открытой ладонью и указательным пальцем восходят к тому или иному типу касаний (*постукивать* или *скрести пальцем*, *демонстрировать предмет в открытой ладони*, *положить руку на предмет* и др.). В отличие от этих двух указательных жестов, указание

большим пальцем, например, не имеет соответствия в классе касаний, т. е. нет никакого естественного способа прикоснуться к объекту указания большим пальцем. Это приводит к ряду смысловых следствий, которые отличают указание большим пальцем от указания указательным пальцем / открытой ладонью. В частности, указание большим пальцем используется говорящим, когда конкретная локализация объекта указания в пространстве для говорящего не важна (см. [Kendon 2004: 218–222], а также [Гришина 2012г]; более подробно об этом – ниже, в разделе 3). Можно ожидать аналогичных смысловых следствий и для головных дейксисов.

Анализ нашего материала показал, что оба названных отличия головных указательных жестов от ручных (физиологическая ограниченность и отсутствие соответствия среди естественных касаний) влияют на семантику головных указательных жестов.

В связи с физиологическими ограничениями для систематизации головных указательных жестов, как выяснилось, важно различать зоны их осуществления (этот параметр оказался практически не значимым для ручных указательных жестов – только для указания большим пальцем отмечено тяготение к указанию за спину говорящему). Мы различаем три основные зоны:

1) зона видимости (объект зрительно доступен говорящему, но может быть недоступен слушающему);

2) невидимая зона (объект зрительно недоступен говорящему);

3) зона коммуникации (пространство между говорящим и слушающим (в случае их стандартного расположения друг напротив друга); объект зрительно доступен и говорящему, и слушающему); зона коммуникации является частью зоны видимости.

Таким образом, прототипическое расположение зон при акте указания головой таково (см. рис. 1).

Рис. 1

Кроме того, для функционирования головных жестов оказалось важным различие видов движений головы относительно оси, совпадающей с вертикальной осью тела говорящего. Здесь мы различаем три вида движений: вращение, смещение и отклонение.

При **вращении** голова поворачивается относительно вертикальной оси, проходящей через тело и голову говорящего, на угол, максимально приближенный к 90° (см. рис. 2).

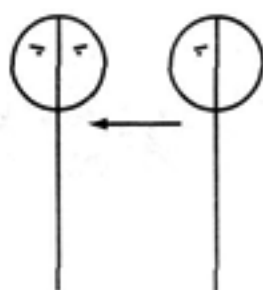

Рис. 2. Вращение

Когда указательный жест осуществляется вращением головы, в структуре головы специально не отмечается никакая точка (зона) и органом указания является профиль говорящего целиком. Такой тип указания, не подразумевающий вычленения в структуре головы какой бы то ни было специальной дейктической зоны, мы будем называть

диффузным. Аналогом диффузного головного указания в системе ручных указательных жестов является указание открытой ладонью, в котором также не вычленяется для указания какой-то единственный палец, а указующим органом является ладонь и все пальцы одновременно. На рис. 3 можно видеть пример диффузного указательного жеста, в основе которого лежит вращение: жест поворот головы осуществляется вращением головы вокруг вертикальной оси, при этом профиль говорящего максимально приближается к плоскости, которая задается плечом.

Рис. 3. Поворот головы

Формально осуществляясь в зоне видимости (ввиду физиологических ограничений на вращение головы), жест *поворот головы* реально отсылает к невидимой зоне, расположенной за спиной говорящего. Эта отсылка происходит именно благодаря максимальному приближению профиля говорящего к плоскости, отделяющей зону видимости от невидимой зоны и проходящей через плоскость тела говорящего.

При **смещении** голова как целое смещается относительно оси, которая проходит через тело говорящего (см. рис. 4).

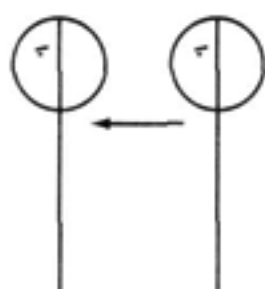

Рис. 4. Смещение

Это дейктическое движение головы также является диффузным, поскольку в ходе его осуществления не происходит вычленения какой-то специальной указующей зоны, а указательный жест производится лицом говорящего как нерасчлененным целым: далее такой диффузный указательный жест, основанный на смещении, мы будем называть жестом *голова вперед*. Жест *голова вперед* осуществляется в зоне видимости, включая зону коммуникации (см. рис. 5).

Рис. 5. Голова вперед (в зоне видимости)

При этом следует отметить, что когда жест *голова вперед* производится внутри зоны коммуникации, то он не может осуществляться в направлении вверх (по физиологическим причинам; если объект указания находится вверху, то в этом случае указание *головой вперед* вынужденным образом принимает вид *указания подбородком*, см. ниже). Кроме того, жест *голова вперед* в зоне коммуникации не может быть направлен на собеседника, поскольку в этом случае он трансформируется из указательного жеста

в регулирующий (побудительный) жест или в жест, подчеркивающий эмфазу³. Вследствие изложенного, дейктический жест *голова вперед*, осуществляемый в зоне коммуникации, обычно направлен вниз (см. рис. 6).

Рис. 6. Голова вперед (внутри зоны коммуникации)

Кроме того, следует специально подчеркнуть, что в случае осуществления жеста *голова вперед* внутри зоны коммуникации объект указания вынужденно является неодушевленным: поскольку данный жест по понятным причинам не направлен на говорящего и по изложенной в предыдущем абзаце причине не направлен на слушающего, то он в обязательном порядке показывает на объект, не являющийся ни говорящим, ни слушающим, но при этом находящийся внутри зоны коммуникации. Такой объект может быть только неодушевленным⁴.

При **отклонении** сфера головы движется относительно центра этой сферы (см. рис. 7).

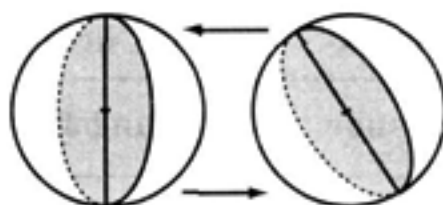

Рис. 7. Отклонение

В случае отклонения у головы отмечаются два полюса, две специальные дейктические зоны – темя или подбородок, – перемещение которых задает некоторую дистанцию между основной вертикальной осью тела и конечной точкой указания. Указательные движения головы, возникающие в результате отклонения, мы будем называть **полярными** и противопоставлять их описанным выше **диффузным** указаниям.

В случае, если полюсом при отклонении является темя, мы имеем дело с указательным жестом **наклон головы** (или **боковой кивок**), см. рис. 8. Этот жест осуществляется наклоном головы к плечу в плоскости, которая задается плечом.

Рис. 8. Наклон головы (боковой кивок)

Однако если объект находится за спиной говорящего, то темя говорящего в ударной фазе жеста может немного отклоняться за спину, точнее, за плечо⁵. Данный жест не может физиологически осуществляться в зоне видимости: он осуществляется либо на

³ О том, что значение указательных жестов, осуществляемых в зоне коммуникации и направленных на собеседника, трансформируется в недейктическое значение, мы писали в [Гришина 2012a].

⁴ Или одушевленным, но трактуемым как предмет речи, а не как участник коммуникации, а соответственно, неодушевленным с коммуникативной точки зрения.

⁵ Изредка (настолько редко, что мы не включали эти случаи в рассмотрение) боковой кивок осуществляется строго назад, т.е. говорящий с помощью темени кивает на что-то, расположенное прямо за его спиной.

границе двух зон (в плоскости, которую задает плечо говорящего), либо в самом начале невидимой зоны (при отклонении темени за плечо). В этом отношении жест *поворот головы* и *наклон головы* сходны друг с другом, и далее мы считаем, что оба эти жеста осуществляются в невидимой зоне.

Полярный жест, основанный на отклонении, полюсом которого является подбородок, физиологически может осуществляться только в зоне видимости (см. рис. 9).

Рис. 9. Указание подбородком

Указание подбородком в зоне коммуникации трансформируется в регулирующий жест (точно так же, как и указание *голова вперед*), поэтому не может рассматриваться как дейктическое жестикуляционное средство. Кроме того, существует физиологическое ограничение на указание подбородком вниз. Таким образом, указание подбородком осуществляется в зоне видимости (за исключением зоны коммуникации); кроме того, возможно указание подбородком вверх (в том числе и над зоной коммуникации).

Сказанное выше можно подытожить в табл. 1.

Таблица 1

Тип движения / Зона осуществления	Вращение	Смещение	Отклонение
	диффузное	диффузное	полярное
Зона видимости	–	<i>голова вперед</i>	<i>указание подбородком</i>
Зона коммуникации			–
Невидимая зона	<i>поворот головы</i>	–	<i>наклон головы</i>

В более общем виде, различая только зону видимости и невидимую зону, мы можем сказать, что головные указательные жесты симметрично распределены между этими двумя зонами: в каждой из зон мы имеем одно диффузное и одно полярное указание (табл. 2):

Таблица 2

Тип указания / Зона осуществления	Диффузное	Полярное
	Зона видимости	<i>голова вперед</i>
Невидимая зона	<i>поворот головы</i>	<i>наклон головы (боковой кивок)</i>

Таков инвентарь головных указательных жестов, обнаруженных нами на русском материале⁶. Подчеркнем, что если жесты *голова вперед*, *поворот головы* и *боковой кивок* рассматривались, хотя и кратко, в качестве дейктических жестов в работах [McClave 2000; Calbris 2008; 2011], то об указании *подбородком* нам не удалось найти никаких упоминаний – ни как о дейктическом, ни как о регулирующем жесте. Это немного неожиданно, поскольку, по нашим данным, *указание подбородком* – самое частое дейктическое движение головы (см. табл. 3).

⁶ Анализ материала показывает, что иногда в дейктическом значении используется *кивок назад* (темя говорящего указывает на объект, расположенный у говорящего за спиной). Однако этот жест чрезвычайно редок, поэтому в данной работе мы его не учитывали.

Название жеста	Абсолютная частота	Относительная частота
Голова вперед	29	6%
Боковой кивок	102	20%
Поворот головы	86	17%
Указание подбородком	303	58%

В заключение раздела следует прояснить еще один важный момент. Напомним, что на рис. 1 мы отобразили структуру пространства, существенную для головного акта указания. Может сложиться впечатление, что в акте указания головой жесты *наклон* и *поворот головы* могут быть обращены только на объекты, расположенные сбоку или позади говорящего, а жесты *голова вперед* и *указание подбородком* – только на объекты, расположенные перед говорящим или сбоку от него. Следовательно, на первый взгляд кажется, что в одном и том же акте коммуникации говорящий не может при указании на один и тот же объект использовать все четыре возможности. Так, на рис. 10 изображена ситуация, в которой на объект А говорящий может указать только жестами *голова вперед* и *указание подбородком*, а на объект Б – только с помощью *наклона* или *поворота головы*.

Рис. 10

Реальная ситуация несколько сложнее. Говорящий может развести между собой зону коммуникации и зону видимости. Для этого при стабильном положении слушающего говорящий поворачивается в сторону объекта указания, перемещая, соответственно, вместе с собой и зону видимости (зона коммуникации при этом остается на прежнем месте, см. рис. 11).

Рис. 11

Понятно, что при возможности такой трансформации на один и тот же объект Б можно указать с помощью всех четырех жестов: при использовании жестов *наклон* и *поворот головы* коммуникативная ситуация сохраняет свой прототипический вид, а при

указании *голова вперед* или *подбородок* происходит трансформация прототипической ситуации и расподобление зон коммуникации и видимости. Основной принцип, однако, остается неизменным: для того чтобы говорящий мог указать на первоначально не видимый ему объект с помощью смещения головы вперед или с помощью подбородка, он должен ввести объект в зону видимости. И наоборот, чтобы указать на первоначально видимый объект с помощью наклона или поворота головы, говорящий должен вывести их из зоны видимости (рис. 12).

Рис. 12

2. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР ГОЛОВНОГО УКАЗАТЕЛЬНОГО ЖЕСТА

2.1. Прототипическая структура коммуникативного пространства

Исходя из сказанного выше, мы можем ожидать, что на выбор головного указания влияет, прежде всего, структура коммуникативного пространства, т.е. расположение объектов указания относительно говорящего в прототипическом акте указания.

В зоне видимости, помимо говорящего и слушающего:

- располагаются объекты указания,
- протекает сама ситуация коммуникации.

В невидимой зоне:

- отсутствуют говорящий и слушающий,
- располагаются объекты указания,
- протекают ситуации, не являющиеся ситуацией коммуникации.

Объекты указания в зоне видимости и в невидимой зоне отличаются тем, что

– объект указания в зоне видимости известен говорящему в двух отношениях: говорящий (постольку, поскольку он видит данный объект) знает и о существовании объекта, и о месте его локализации;

– объект указания в невидимой зоне известен говорящему только в одном отношении: говорящий знает лишь о существовании данного объекта; ввиду того, что объект находится в невидимой зоне, точная локализация объекта в пространстве в момент речи говорящему неизвестна.

Тем самым при указании на объект в зоне видимости говорящий указывает на данный конкретный объект как на реально существующее и точно локализованное материальное тело, в то время как при указании на объект в невидимой зоне говорящий указывает не на реальный объект, а на свое мыслительное представление об этом объекте.

2.1.1. Объектно-связанные и когнитивные указания

Если это так, то мы можем ожидать несимметричное распределение между головными указательными жестами объектно-связанных и объектно-свободных (когнитивных) указаний (подробнее об этих типах указаний см. [Гришина 2013]). **Объектно-**

связанными мы называем указания на объект, локализация которого в пространстве говорящему известна: даже если объект не находится в зоне видимости говорящего, в случае объектно-связанного указания говорящему известно, по крайней мере, направление на данный объект. Указательный жест в стандартном случае является объектно-связанным, см. пример (1).

(1) Речевой ряд	– <i>Где твой подземный ход? Показывай.</i>	– <i>Туда</i>	<i>нельзя ходить. Это и есть подземный ход.</i>
Жестовый ряд		поворот головы	

Н. Калинин, А. Рыбаков. Кортник, 1973

Напротив, **когнитивные (объектно-свободные)** указания направлены на объекты, локализация которых в пространстве либо принципиально неизвестна, либо принципиально не важна, см. пример (2).

(2) Речевой ряд	– <i>А вы знаете, что здесь сейчас произошло? – Знаю. Я все знаю. Где бы кто бы</i>	<i>с кем бы.</i>	<i>Так ли сяк ли, о том ли о сём ли. Мне все известно.</i>
Жестовый ряд		боковой кивок	

Н. Кошеверова и др. Каин XVIII, 1963

Проанализируем распределение головных указательных жестов по этому параметру. Данные приведены в табл. 4.

Таблица 4

Тип указания / Жесты	Когнитивные	Объектно-связанные	Δ_N	Δ_E
<i>голова вперед</i>	5	24	–0,66	–0,19
<i>наклон головы</i>	49	53	–0,03	0,44
<i>поворот головы</i>	37	49	–0,14	0,33
<i>указание подбородком</i>	48	255	–0,69	–0,22
$\chi^2 = 54,98, p \leq 6,93 \cdot 10^{-12}$, параметры связаны, распределения достоверны				

Примечание. В таблице использованы понятия нормированной дельты (Δ_N) и экстраполированной дельты (Δ_E). Они введены для того, чтобы выразить с помощью чисел направление расхождения двух сравниваемых параметров. Δ_N вычисляется по формуле

$$(Y_1 - Y_2) / (Y_1 + Y_2),$$

где Y_1 и Y_2 – две соседние ячейки, например, *голова вперед* + ‘когнитивное указание’ = 5 (Y_1), *голова вперед* + ‘объектно-связанное указание’ = 24 (Y_2); $\Delta_N = (5 - 24) / (5 + 24) = -0,66$.

Экстраполированная дельта Δ_E выравнивает данные, которые слишком различаются между собой количественно: примеров на вариант ‘когнитивное указание’ – 139, примеров на вариант ‘объектно-связанное указание’ – 381, т. е. почти в три раза больше; экстраполированная дельта предполагает, что мы расширяем наш исходный корпус и доводим количество примеров на вариант ‘когнитивное указание’ до 381, тем самым выравнивая данные в столбцах; экстраполяция предполагает, что увеличение корпуса приведет к тому, что все новые примеры на вариант ‘когнитивное указание’ распределятся в исходной пропорции 5/49/37/48; естественно, чем больше исходный корпус, тем надежнее экстраполяция.

Экстраполированная дельта

$$\Delta_E = \Delta_N - \Delta_T,$$

где $\Delta_T = (\sum_1 - \sum_2) / (\sum_1 + \sum_2)$, а $\sum_1$ и $\sum_2$ – суммы первого и второго столбцов; для столбца ‘когнитивное указание’ это 139, для столбца ‘объектно-связанное указание’ 381, соответственно, $\Delta_T = (139 - 381) / (139 + 381) = -0,47$; следовательно, Δ_E для первой строки $\Delta_E = -0,66 - (-0,47) = -0,19$.

Направление влияния того или иного фактора показано знаком при дельте (минус показывает, что для данного жеста характерен параметр во втором столбце, т.е. $\Delta_E = -0,19$ означает, что жест *голова вперед* чаще является объектно-связанным указанием).

Табл. 4 демонстрирует нам, что жесты, осуществляемые в зоне видимости (*голова вперед* и *указание подбородком*), чаще являются объектно-связанными, а жесты, осуществляемые в невидимой зоне (*наклон* и *поворот головы*), чаще употребляются в случае когнитивных указаний. Это полностью соответствует нашему предположению, что при осуществлении жестов, направленных в невидимую зону, говорящий указывает не на реальный объект, а на свое представление об этом объекте, т.е. указания, направленные в невидимую зону, – это указания на понятия, мыслительные конструкты, абстракции, а указания, осуществляемые в зоне видимости, – указания на реальные материальные объекты.

Вернемся еще раз к табл. 4. Помимо общего распределения типов указаний между разными жестами, из нее можно извлечь еще один ряд данных, а именно: в какой степени данный тип головного указания (*голова вперед*, *наклон* и *поворот головы*, *указание подбородком*) важен для различения объектно-связанных и когнитивных указаний. В нижней строке таблицы мы видим значение $p \leq 6,93 \cdot 10^{-12}$, которое обозначает вероятность того, что распределение данных в таблице случайно, т.е. в реальности не имеет никакого отношения к связи между типом жеста и типом указания. Как видим, вероятность такого события (случайность, а не закономерность распределения данных в табл. 4) очень мала. Проведем следующий эксперимент: будем изымать из табл. 4 по очереди каждый тип жеста (т.е. каждую из четырех строк) и смотреть, как будет при этом меняться значение p . Если значение p будет значимо увеличиваться, мы сможем считать, что изъятый жест в достаточной степени существен для исходного распределения. Напротив, если значение p будет при изъятии той или иной строки значимо уменьшаться, то мы будем считать, что изъятая строка является дефектным фактором и для нее исследуемый параметр незначим. Такое же решение (незначимость параметра) мы будем принимать в случае, если значение p существенно не изменится.

Мы не будем приводить конкретные расчеты, приведем сразу результирующую табл. 5.

Таблица 5

Изъятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора
<i>голова вперед</i>	6,93 · 10 ⁻¹²	1,08 · 10 ⁻¹²	дефектный фактор
<i>наклон головы</i>		2,53 · 10 ⁻⁷	значимый фактор
<i>поворот головы</i>		5,79 · 10 ⁻¹¹	значимый фактор
<i>указание подбородком</i>		0,01	максимально значимый фактор

Если подытожить данные табл. 4–5, можно утверждать, что *указание подбородком*, *наклон головы* и *поворот головы* тесно связаны с параметром связанности указания с объектом; при этом *указание подбородком* используется в случае объектно-связанных указаний, а *наклон* и *поворот головы* – в случае когнитивных, объектно-свободных указаний.

2.1.2. Предметные и абстрактные указания

К аналогичным выводам нас приводит и другой ряд данных. Будем различать **предметные указания**, при осуществлении которых объектом указания является единичный материальный объект, находящийся в зоне видимости и доступный для прикосновения (пример (3)), и **абстрактные указания**, объектом указания которых является такой же единичный материальный объект, к которому в принципе можно было бы прикоснуться, но а) либо находящийся вне зоны видимости говорящего / не существующий в реальности в данный момент (пример (4)), б) либо находящийся в зоне видимости, но настолько далеко, что прикосновение к нему в момент указания совершенно нереально (5).

(3)	Речевой ряд	<i>Ты не нахваливай!</i>	<i>Резина-то</i>	<i>вся истрепалась.</i>
	Жестовый ряд		указание подбородком на колесо тележки, находящейся близко к собеседникам	

Н. Калинин, А. Рыбаков. Кортик, 1973

(4)	Речевой ряд	<i>– Для того, чтобы защищаться. – От кого?</i>	<i>От того,</i>	<i>кто на вас нападет.</i>
	Жестовый ряд		боковой кивок (наклон головы) – указание на отсутствующий в реальности (соответственно, невидимый) объект	

Н. Кошеверова и др. Каин XVIII, 1963

(5)	Речевой ряд	<i>Да ты не расстраивайся. Один жить не буду. Женюсь опять.</i>	<i>Вон</i>	<i>на Верке женюсь.</i>
	Жестовый ряд		указание подбородком на проходящую вдалеке женщину	

И. Добролюбов, А. Дударев. Белые Росы, 1983

Данные по абстрактным и предметным указаниям приводятся в табл. 6.

Таблица 6

Тип объекта	Абстрактный	Материальный	Δ_N	Δ_E
Жесты				
<i>голова вперед</i>	–	1	–1	–0,63
<i>наклон головы</i>	10	9	0,05	0,42
<i>поворот головы</i>	10	8	0,11	0,48
<i>указание подбородком</i>	21	71	–0,54	–0,17
$\chi^2 = 12,42, p \leq .0061$, параметры связаны, распределения достоверны				

Изъятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора
<i>голова вперед</i>	.0061	.0026	дефектный фактор
<i>наклон головы</i>		.015	значимый фактор
<i>поворот головы</i>		.025	значимый фактор
<i>указание подбородком</i>		.5563	максимально значимый фактор

Как видим, указания *подбородком*, *поворотом головы* и *боковым кивком* связаны с параметром абстрактности объекта указания; при этом *указание подбородком* используется для материальных объектов, а *поворот* и *наклон головы* – для абстрактных (потенциальных, невидимых или недостижимых для прикосновения).

2.1.3. Одушевленность объекта указания

Преыдущее изложение подготовило нас к тому, что выбор указательного жеста зависит от типа объекта указания. Еще одна характеристика объекта указания, которая может оказаться существенной, – это его одушевленность. В табл. 7 приведены соответствующие данные.

Таблица 7

Жесты / Тип объекта	Тип объекта		Δ_N	Δ_E
	Неодушевленный	Одушевленный		
<i>голова вперед</i>	5	1	0,71	0,93
<i>наклон головы</i>	6	28	-0,65	-0,43
<i>поворот головы</i>	7	22	-0,52	-0,30
<i>указание подбородком</i>	81	104	-0,13	0,09
$\chi^2 = 18,70, p \leq .0003$, параметры связаны, распределения достоверны				
Изъятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора	
<i>голова вперед</i>	.0003	.0063	значимый фактор	
<i>наклон головы</i>		.0088	максимально значимый фактор	
<i>поворот головы</i>		.0004	незначимый фактор	
<i>указание подбородком</i>		.0006	незначимый фактор	

Мы видим, что параметр одушевленности значим для головных указательных жестов, и при этом жест *голова вперед* сильнее связан с неодушевленными объектами, а *наклон головы* – с одушевленными.

2.1.4. Множественность объекта указания

Проанализируем такой фактор, как число указываемых с помощью данного жеста объектов. Примеры единичного объекта – (3)–(5), пример объекта-совокупности – (6).

(6) Речевой ряд	<i>Вот</i>	<i>твой противник, флот турецкий.</i>
Жестовый ряд	указание подбородком	

М. Ромм, А. Штейн. Адмирал Ушаков, 1953

Уточним, что рассматривались в данной связи только объекты, в отношении которых противопоставление единичности и множественности осмысленно. Данные приведены в табл. 8.

Таблица 8

Тип объекта	Единичный объект	Совокупность	ΔN	ΔE
Жесты				
<i>голова вперед</i>	7	–	1	0,40
<i>наклон головы</i>	13	9	0,18	–0,42
<i>поворот головы</i>	11	4	0,47	–0,13
<i>указание подбородком</i>	84	16	0,68	0,08
$\chi^2 = 4,13, p \leq .0276$, параметры связаны, распределения достоверны				
Изъятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора	
<i>голова вперед</i>	.0276	.03	незначимый фактор	
<i>наклон головы</i>		.281	максимально значимый фактор	
<i>поворот головы</i>		.0114	дефектный фактор	
<i>указание подбородком</i>		.113	значимый фактор	

Мы видим, что параметр множественности значим для головных указаний; при этом *наклон головы* тяготеет к обозначению совокупностей, а *указание подбородком* – к обозначению единичных объектов. Для жестов *голова вперед* и *поворот головы* данный параметр незначим.

2.1.5. Промежуточные итоги: видимость объекта

Приведенные выше данные можно систематизировать следующим образом (табл. 9, рис. 13).

Рис. 13. Типы объектов указания и структура коммуникативного пространства

Таблица 9

Параметр Тип жеста	Связанность указания	Абстрактность	Одушевленность	Множественность
<i>голова вперед</i>			неодушевленный объект	
<i>наклон головы</i>	когнитивное указание	абстрактные объекты	одушевленный объект	совокупность
<i>поворот головы</i>				
<i>указание подбородком</i>	объектно- связанное указание	материальные объекты		единичный объект

Мы видим, что распределение головных указательных жестов между типами объектов указания в значительной степени определяется структурой коммуникативного пространства.

1) Внутри зоны видимости присутствуют только неодушевленные объекты указания, в отличие от невидимой зоны. Это предположительно можно объяснить тем, что любой одушевленный объект, входящий в зону видимости, имеет тенденцию рассматриваться как участник ситуации коммуникации (которая прототипически протекает в зоне видимости), т. е. как говорящий или как слушающий. Поскольку, как мы писали выше, указательные жесты, направленные на слушающего, автоматически теряют свой дейктический статус и превращаются в регулирующие или ритмические (т.е. подчеркивающие эмфазу) жесты, то, естественно, внутри зоны коммуникации в прототипическом случае все объекты указания являются неодушевленными. Это ограничение несущественно для невидимой зоны, в связи с этим жесты, обращенные в невидимую зону, могут быть легко обращены и на одушевленный объект.

2) Невидимость объекта указания в зоне, не доступной для взгляда говорящего, приводит к тому, что в этой зоне располагаются абстрактные объекты – т.е. объекты, на которые говорящий указывает не как на вещественные предметы, а как на имена и понятия этих объектов. Напротив, в зоне видимости располагаются материальные объекты указания, к которым говорящий и слушающий могут прикоснуться.

3) С параметром абстрактности объекта указания связан и тот факт, что в зоне видимости располагаются единичные объекты, а в невидимой зоне – совокупности: с точки зрения возможности прикосновения совокупность, множество объектов – более абстрактное явление, чем единичный материальный объект.

Подытожить сказанное выше о влиянии структуры коммуникативного пространства на выбор головного дейксиса можно в табл. 10.

Таблица 10

Полярность Зона	Зона видимости	Невидимая зона
<i>Полярный жест</i>	<i>указание подбородком</i> : объектно-связанное указание на материальный единичный объект	<i>Боковой кивок</i> : когнитивное указание на абстрактный объект (в том числе лицо), на совокупность объектов
<i>Диффузный жест</i>	<i>голова вперед</i> : указание на неодушевленный объект	<i>Поворот головы</i> : когнитивное указание на абстрактный объект

2.2. Полярность указания

2.2.1. Головные указательные жесты и лексические дейксисы

В предыдущем разделе мы показали, как на выбор головного указательного жеста влияет расположение объекта внутри зоны видимости или невидимой зоны. Одновременно было показано, что на выбор указательного жеста может оказывать влияние и полярность указания. В этом разделе мы продолжим анализ влияния полярности на выбор жеста.

Обратимся к табл. 11, в которой показано, как связаны головные указательные жесты с лексическими дейксисами. Формат подачи данных следующий: перед слэшем приводятся реальные данные по нашему корпусу, после слэша – среднее (ожидаемое) число. Полужирным шрифтом выделены ячейки, где реальное количество зафиксированных жестов существенно больше ожидаемого, курсивом – где реальное количество существенно меньше ожидаемого. Поскольку некоторые лексические и жестикуляционные дейксисы плохо сочетаются друг с другом (т. е. соответствующие сочетания встречаются редко и, естественно, возникает угроза недостоверных распределений), мы провели ряд укрупнений: в одну строку попадают данные:

- 1) по частицам *вот, вон*,
- 2) по наречиям *здесь, тут*,
- 3) по наречию *там* и местоимению *тот*.

Таблица 11⁷

Жесты Лексические дейксисы	Голова вперед	Наклон головы	Поворот головы	Указание подбородком
<i>вот, вон</i>	6/7,24	5/15,73	6/14,79	101/80,24
<i>здесь, тут</i>	12/3,43	7/7,47	13/7,02	24/38,08
<i>там, тот</i>	1/3,37	20/7,33	5/6,89	29/37,4
<i>это</i>	2/3,43	6/7,33	4/6,89	43/38,08
<i>этот</i>	2/5,58	12/12,13	19/11,04	58/61,88
$\chi^2 = 86,23, p \leq .001$, параметры связаны, распределения достоверны				

Условимся считать, что существенным является отклонение реальных данных от ожидаемых, если значение χ^2 для данной ячейки в два или более раз больше единицы. Обозначим отклонение в большую сторону с помощью +, отклонение в меньшую сторону с помощью –, незначимость параметра – через 0. Тогда табл. 11 принимает следующий вид (см. табл. 12).

⁷ Отдельного обсуждения требует вопрос, в какую группу дейксисов включать словосочетания с безударными частицами *вот / вон* (*вот этот, вон там* и пр.): их можно считать вместе с одиночными частицами *вот/вон*, а можно – среди соответствующих дейксисов (*этот, там* и пр.). Мы приняли решение считать эти словосочетания вместе с одиночными частицами *вот / вон* (логика этого решения будет ясна из последующего изложения). Специально отметим, что даже если бы мы приняли противоположное решение, полученные распределения принципиально не изменились бы.

Жесты Лексические дейксисы	Голова вперед	Наклон головы	Поворот головы	Указание подбородком
<i>вот, вон</i>	0	–	–	+ ($\chi^2=5,4$)
<i>здесь, тут</i>	+ ($\chi^2=21,36$)	0	+ ($\chi^2=5,1$)	–
<i>там, тот</i>	0	+ ($\chi^2=21,9$)	0	0
<i>это</i>	0	0	0	0
<i>этот</i>	–	0	+ ($\chi^2=5,06$)	0

Мы видим, что для указания подбородком определяющей является синхронизация с частицами *вот, вон*, сочетание с другими дейктическими словами для указания подбородком не характерны. Напротив, для остальных указаний головой не характерна синхронизация с частицами *вот, вон*. По данному параметру указание подбородком противопоставлено всем остальным указаниям головой, осуществляемым как в зоне видимости, так и вне ее. Ср. примеры (7)–(8).

(7) Речевой ряд	<i>Сделаем все уютно.</i>	<i>Вот,</i>	<i>Нюся, специалистка</i>
Жестовый ряд		указание подбородком на третьего собеседника, до сих пор не участвовавшего в беседе	

К. Худяков, А. Гребнев. Успех, 1984

(8) Речевой ряд	<i>Вон</i>	<i>у Бричкиной. Такая же конституция, как у нас у всех, а все при всем.</i>
Жестовый ряд	указание подбородком на собеседника, которого приводят в качестве примера, подтверждающего предшествующее высказывание	

С. Ростоцкий, Б. Васильев. А зори здесь тихие..., 1972

Внутри группы *голова вперед*, *наклон головы* и *поворот головы* мы видим противопоставление жеста *наклон головы* (боковой кивок), который синхронизирован с дальними дейксисами *там, тот* (см. пример (9)), жестам *голова вперед*, *поворот головы*, которые синхронизированы с ближними дейксисами *здесь, тут* и *этот* (см. примеры (10)–(11)).

(9) Речевой ряд	<i>– А где он? – Он</i>	<i>там</i>	<i>остался, за тем поворотом.</i>
Жестовый ряд		боковой кивок	

Е. Шерстобитов. Акваланги на дне, 1966

(10) Речевой ряд	<i>Родился я значит</i>	<i>тут.</i>	<i>Женился тоже тут. Ну... работал...</i>
Жестовый ряд		жест <i>голова вперед</i>	

И. Добролюбов, А. Дударев. Белые Росы, 1984

(11) Речевой ряд	– <i>А где моя дочь? Где Инесса? – Она</i>	здесь.	<i>Она... она хочет войти, но боится вашего гнева.</i>
Жестовый ряд		поворот головы	

М. Григорьев, Р. Шеридан. Дуэнья, 1979

2.2.2. Близость и дальность указания

Предыдущий раздел подготовил нас к тому, что головные указания различают прагматически близкие и далекие объекты. Будем считать **близкими** указаниями жесты, синхронизированные с лексическими дейксисами *вот, здесь, тут, это* (в контекстах идентификации), *этот*, а дальними – синхронизированные с дейксисами *вон, там, тот*, см. табл. 13.

Таблица 13

Тип объекта	Бликий	Дальний	Δ_N	Δ_E
Жесты				
<i>голова вперед</i>	21	2	0,83	0,45
<i>наклон головы</i>	26	23	0,06	-0,32
<i>поворот головы</i>	38	9	0,62	0,24
<i>указание подбородком</i>	173	82	0,36	-0,02
$\chi^2 = 14,41, p \leq .0024$, параметры связаны, распределения достоверны				
Изыятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора	
<i>голова вперед</i>	.0024	.0143	значимый фактор	
<i>наклон головы</i>		.0175	максимально значимый фактор	
<i>поворот головы</i>		.005	значимый фактор	
<i>указание подбородком</i>		.0007	дефектный фактор	

Видим, что для жестов *наклон головы, голова вперед* и *поворот головы* данный параметр является существенным, для *указания подбородком* – несущественным. При этом жесты *голова вперед* и *поворот головы* указывают на близкие объекты, а *наклон головы* – на дальние.

Кажется очевидным, что противопоставление близких и дальних головных указаний базируется на противопоставлении диффузных (*голова вперед* и *поворот головы*) и полярных (*наклон головы*) жестов. В принципе, в качестве дальнего жеста должно было бы в таком случае выступать и *указание подбородком*, но здесь мы сталкиваемся с «компенсирующим» влиянием на значение жеста зоны его осуществления. Осуществление указания подбородком в зоне видимости «гасит» его полярность и одновременно ведет к появлению у жеста *указание подбородком* совершенно особого значения в системе головных жестов (см. об этом ниже). Что касается жеста *голова вперед*, то здесь, наоборот, нахождение объекта в зоне видимости в сочетании с диффузностью жеста усиливает компонент близости в его значении. И наоборот, осуществление диффузного жеста *поворот головы* в невидимой зоне ослабляет компонент близости в его значении.

Мотивация для распределения близких и дальних дейксисов между диффузными и полярными жестами связана с отсутствием или наличием в движении жеста *расстояния*, *дистанции* между исходным положением головы и самой дальней точкой, которую занимает голова в ударной фазе жеста. В полярных жестах полюс (в случае *бокового кивка* – темя) прочерчивает линию, задающую расстояние между исходной и конечной позицией головы. Что касается диффузных жестов, то вследствие отсутствия в них полюса в них отсутствует и орган, которым аналогичная линия могла бы быть прочерчена, а следовательно, отсутствует и сама линия, и основанная на ней метафора дистанции или расстояния.

2.2.3. Указательные жесты и речевые акты

Полярность головного указания влияет не только на способность жеста передавать прагматическую дистанцию до объекта указания, но и на степень связи данного указательного жеста с иллокутивной силой включающего его высказывания.

Напомним, что для ручных указаний актуально противопоставление императива (указание пальцем) утверждению и вопросу (указание открытой ладонью; см. [Гришина 2012а]). По нашим данным, головные указания не противопоставляют императив вопросу и утверждению (соответствующие таблицы приводить не будем).

При этом, однако, анализ русского жестикуляционного автодейксиса в [Гришина 2012в] показал, что значимым для различения разных типов дейктических жестов может быть сводный параметр – противопоставление *провокационных высказываний*, требующих немедленной реакции слушающего (вопросов и императивов в совокупности), – *нейтральным* (утверждениям). Проверим, значим ли этот фактор для головных указательных жестов (табл. 14).

Таблица 14

Тип речевого акта Жесты	Провокации	Утверждение	Δ_N	Δ_E
<i>голова вперед</i>	3	21	-0,75	-0,42
<i>наклон головы</i>	30	44	-0,2	0,13
<i>поворот головы</i>	13	43	-0,54	-0,20
<i>указание подбородком</i>	100	184	-0,29	0,04
$\chi^2 = 9,45, p \leq .0239$, параметры связаны, распределения достоверны				
Изъятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора	
<i>голова вперед</i>	.0239	.1101	максимально значимый фактор	
<i>наклон головы</i>		.023	значимый фактор	
<i>поворот головы</i>		.0417	значимый фактор	
<i>указание подбородком</i>		.0131	дефектный фактор	

Мы видим, что из четырех типов жестов для данного распределения значимыми являются три: жест *голова вперед*, *наклон* и *поворот головы*. При этом *наклон головы* связан с провоцирующими высказываниями, а *голова вперед* и *поворот головы* – с утверждениями. Распределение полностью совпадает с распределением жестов между

близкими и дальними лексическими дейксисами: *голова вперед* и *поворот головы* тяготеют к близким дейксисам и к утверждениям, а *наклон головы* – к дальним дейксисам и провоцирующим высказываниям (*указание подбородком* в обоих случаях является дефектным фактором).

То, что такое совпадение не случайно, подтверждает аналогичный анализ, проведенный на материале ручных указательных жестов (здесь мы не будем приводить соответствующие данные, их можно почерпнуть из работ [Гришина 2012а; 2012б]): диффузное указание открытой ладонью тяготеет к близким дейксисам и утверждениям, а полярное указание пальцем (указательным и большим) – к дальним дейксисам и провоцирующим высказываниям.

Таким образом, для обеих дейктических систем соблюдается важное соотношение: диффузные жесты (*голова вперед*, *поворот головы*, *указание открытой ладонью*) тяготеют к утверждениям, а полярные жесты (*наклон головы*, *указание пальцем*) – к провоцирующим высказываниям (исключение – *указание подбородком*, для которого этот параметр незначим).

Объясняется это, по-видимому, одним и тем же: тем, что в полярный жест входит движение от исходного местоположения к конечному. В случае синхронизации с дальними дейксисами это движение передает идею дистанции, а следовательно, расстояния. Поскольку такое движение отсутствует в диффузных жестах, то диффузные жесты передают идею отсутствия расстояния, т. е. близости.

Что касается полярных жестов в провоцирующих высказываниях, то компонент 'дистанция' в них метафорически переосмысливается. Движение полюса от исходной точки к конечной метафорически направляет слушающего вдоль вектора, связывающего эти две точки. Таким образом, провоцирующие высказывания актуализируют в дейктическом жесте недейктический, регулирующий компонент 'иди!', и именно этот императивный компонент синхронизируется с провоцирующим (императивным) компонентом в прагматической структуре высказывания ('делай!' для императива и 'отвечай!' для вопроса).

2.2.4. Активация объекта

Вернемся еще раз к табл. 11–12, в которых приведены данные о синхронизации головных жестов и указательных лексем. Как мы уже говорили выше, указание подбородком, согласно этим данным, синхронизировано с частицами *вот*, *вон*.

Как мы уже писали в [Гришина 2012а], частицы *вот*, *вон* характеризуются тем, что привлекают внимание слушающего к объекту, который уже находится в зоне внимания говорящего. Иными словами, частицы *вот*, *вон* активируют объект указания для слушающего и тем самым вводят объект в общую зону внимания говорящего и слушающего, в отличие от местоимений *это*, *этот* и *тот*, которые анафорически отсылают к объекту, упомянутому в предтексте или каким-то иным образом актуализированному ранее.

Если это так, то мы можем предположить, что одним из параметров, отличающих *указание подбородком* от остальных головных дейктических жестов, является параметр активации объекта. Чтобы проверить это предположение, проанализируем имеющийся в нашем распоряжении материал с названной точки зрения, ориентируясь уже не только на синхронизацию дейктического жеста с лексическими дейксисами *вот*, *вон*, но и на анализ каждой конкретной ситуации, отраженной в высказывании. В результате такого анализа, например, в подмножество активирующих указаний войдут примеры (12)–(13), в которых частицы *вон* / *вот* отсутствуют, однако объект, с которым синхронизирован головной указательный жест, вводится в поле внимания слушающего впервые.

(12)	Речевой ряд	<i>А этот</i>	<i>старый господин – ваш родственник, да?</i>
	Жестовый ряд	подходит ближе к стене, на которой висит портрет, показывает на портрет подбородком; ранее беседа касалась другой темы	

М. Казаков, А. Хмелик. Безымянная звезда, 1979

(13)	Речевой ряд	<i>– Для того, чтобы защищаться. – От кого?</i>	<i>– От того,</i>	<i>кто на вас нападет.</i>
	Жестовый ряд		<i>боковой кивок; фраза является ответом на вопрос и вводит в поле внимания говорящего объект, который не упоминался ранее</i>	

Н. Кошеверова и др. Каин XVIII, 1963

Аналогичен приведенным пример (14), в котором вообще нет указательной лексемы, а головное указание (*поворот головы*) вводит в поле внимания слушающего ответ на вопрос:

(14)	Речевой ряд	<i>– Что это?</i>	<i>– Мудрецкая.</i>
	Жестовый ряд		поворот головы

А. Роу и др. Огонь, вода и... медные трубы, 1967

Анафорические указания, отсылающие к объекту, введенному в зону внимания слушающего до наступления жестикуляционного события, можно проиллюстрировать примерами (15)–(16).

(15)	Речевой ряд	<i>– А кто она такая, эта Елена Николаевна? – Мама. – Ваша? – Нет.</i>	<i>– А та,</i>	<i>в ванне? – Тетя.</i>
	Жестовый ряд		<i>боковой кивок в сторону ванной, в которой находится женщина, речь о которой уже была ранее</i>	

А. Коренев и др. Вас вызывает Таймыр, 1970

(16)	Речевой ряд	<i>Я живу в гостинице Атлантика.</i>	<i>Это</i>	<i>недалеко здесь.</i>
	Жестовый ряд		<i>указание подбородком в сторону гостиницы, которая была упомянута только что</i>	

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1969

Данные по контекстам, активирующим объект указания, и по контекстам, упоминающим объект анафорически, отражены в табл. 15.

Тип упоминания	Активация	Анафора	Δ_N	Δ_E
Жесты				
<i>голова вперед</i>	11	19	-0,27	-0,41
<i>наклон головы</i>	31	44	-0,17	-0,31
<i>поворот головы</i>	18	38	-0,36	-0,50
<i>указание подбородком</i>	194	90	0,37	0,22
$\chi^2 = 41,53, p \leq 5,05 \cdot 10^{-9}$, параметры связаны, распределения достоверны				
Изъятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора	
<i>голова вперед</i>	$5,05 \cdot 10^{-9}$	$1,25 \cdot 10^{-8}$	значимый фактор	
<i>наклон головы</i>		$6,34 \cdot 10^{-8}$	значимый фактор	
<i>поворот головы</i>		$2,33 \cdot 10^{-6}$	значимый фактор	
<i>указание подбородком</i>		.5588	максимально значимый фактор	

Табл. 15 показывает, что тенденции, отраженные в табл. 11–12, сохранились и при расширении данных, т.е. при выходе за пределы группы жестикуляционных дейксисов, выровненных с частицами *вот/вон*. Во-первых, параметр ‘активация объекта’ существен для всех четырех головных указательных жестов. Во-вторых, жесты *голова вперед*, *наклон головы* и *поворот головы* противопоставляются *указанию подбородком* как анафорические жесты – активирующему. В-третьих, в наименьшей степени анафорическое употребление свойственно жесту *голова вперед*, а в наибольшей – жесту *поворот головы*.

Таким образом, полярный жест в зоне видимости (*указание подбородком*) осуществляет активацию объекта указания, т.е. переводит объект из сферы внимания говорящего в сферу внимания одновременно говорящего и слушающего (иными словами, указание подбородком переводит объект указания из зоны видимости в зону коммуникации). Замена одного из параметров (т. е. невидимая зона и/или диффузный жест) приводит к анафоричности жеста. И это кажется естественным: полярность жеста прочерчивает вектор между субъектом и объектом указания и тем самым обеспечивает точное указание на активируемый объект, а осуществление жеста в зоне видимости обозначает нахождение объекта указания в зоне внимания говорящего. Напротив, диффузный жест не указывает на объект точно, а нахождение объекта в невидимой зоне не гарантирует его актуальность для говорящего. Сочетание же обоих дефектных факторов (диффузность и невидимость) приводит к тому, что именно жест *поворот головы* имеет максимальный уровень анафоричности.

2.2.5. Контрастность указания

Помимо первичной активации объекта указания, описанной в предыдущем разделе, возможен еще один тип активации. Эта активация, которую мы в дальнейшем будем называть эмфазой, базируется на том же принципе: говорящий специально вычленяет некоторый объект указания, к которому привлекает внимание слушающего. Однако в случае эмфазы объект указания функционирует не во внешнем по отношению к высказыванию мире, а внутри высказывания: говорящий в своем высказывании специальными средствами подчеркивает некоторый компонент, достойный, по мнению говорящего, особого внимания слушающего. Языковыми средствами вычленения эмфатической

зоны высказывания мы в дальнейшем будем считать изолированное употребление лексического дейксиса (в этом случае он автоматически является полноударным самостоятельным высказыванием; пример (17)); интонационную эмфазу любой природы (пример (18)); специальные выделительные конструкции (с частицами *то*, *вот*, *вон*, *а*; примеры (19)–(21)).

(17)	Речевой ряд	– <i>Здесь логово леопарда. – Где?</i>	– <i>Вот!</i>
	Жестовый ряд		указание подбородком

К. Шахназаров, А. Бородянский. Курьер, 1987

(18)	Речевой ряд	<i>И здесь</i>	<i>были, и на поляне были!</i>
	Жестовый ряд	голова вперед	

Л. Гайдай, В. Бахнов. Спортлото-82, 1982

(19)	Речевой ряд	<i>А ненормальная-то эта</i>	<i>одни пятерочки из школы приносит!</i>
	Жестовый ряд	поворот головы	

О. Бондарев, Э. Смирнов. Мачеха, 1973

(20)	Речевой ряд	<i>Вот все что здесь происходит</i>	<i>вот все это</i>	<i>гнусная клевета.</i>
	Жестовый ряд		поворот головы	

М. Жаров и др. Анискин и Фантомас, 1973

(21)	Речевой ряд	<i>Странно. Кажется, что я помню каждую вилку и тарелку.</i>	<i>И вот эту</i>	<i>вазу.</i>
	Жестовый ряд		указание подбородком	

Я. Лапшин и др. Приваловские миллионы, 1972

Остальные конструкции, включающие в себя указательные жесты, мы будем считать нейтральными (примеры нейтральных конструкций см. выше, в частности, (1), (2)). Рассмотрим, как распределяются головные указательные жесты между эмфазами и нейтральными конструкциями (табл. 16).

Таблица 16

Жесты	Тип конструкции		Δ_N	Δ_E
	Эмфаза	Нейтральная		
<i>голова вперед</i>	16	1	0,88	0,79
<i>наклон головы</i>	22	14	0,22	0,13
<i>поворот головы</i>	7	32	-0,64	-0,73
<i>указание подбородком</i>	112	84	0,14	0,05
$\chi^2 = 22,11, p \leq 3,28 \cdot 10^{-7}$, параметры связаны, распределения достоверны				

Изъятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора
<i>голова вперед</i>	$3,28 \cdot 10^{-7}$	$2,26 \cdot 10^{-5}$	значимый фактор
<i>наклон головы</i>		$1,05 \cdot 10^{-7}$	дефектный фактор
<i>поворот головы</i>		.0114	максимально значимый фактор
<i>указание подбородком</i>		$1,85 \cdot 10^{-7}$	дефектный фактор

Можно видеть, что противопоставление эмфазы и нейтральных конструкций является значимым фактором для жестов *голова вперед* и *поворот головы*, и при этом жест *голова вперед* предпочитает контрастные, а *поворот головы* – нейтральные конструкции.

Таким образом, мы видим, что в зоне в и д и м о с т и *указание подбородком* (полярный жест) активирует, т.е. вводит в зону внимания слушающего, материальный предмет, находящийся в зоне видимости говорящего. Напротив, жест *голова вперед* активирует часть высказывания, т.е. выступает как одно из мультимодальных средств коммуникативного членения фразы. Осуществляемое высказывание находится в зоне коммуникации, а следовательно, использование для эмфатического выделения какой-то части этого высказывания диффузного жеста, ориентированного на территорию, вплотную «прилегающую» к говорящему, вполне обосновано.

Что касается жеста *поворот головы*, то он одновременно и обращен в н е в и д и м у ю зону, и является диффузным, т.е. не вычленяет в этой невидимой зоне никакой конкретной точки. Таким образом, и по параметру 'полярность', и по параметру 'видимость' жест *поворот головы* является немаркированным, и использование такого абсолютно немаркированного жеста для обозначения нейтральных конструкций с иконической точки зрения вполне оправдано.

2.2.6. Промежуточные итоги: полярность указания

Приведенные выше данные можно систематизировать следующим образом (табл. 17, рис. 14).

Таблица 17

Параметр Тип жеста	Расстояние до объекта	Тип речевого акта	Активация объекта	Контрастность
<i>голова вперед</i>	близкий объект	утверждение	анафорический жест	эмфаза
<i>наклон головы</i>	дальний объект	провоцирующие высказывания	анафорический жест	
<i>поворот головы</i>	близкий объект	утверждение	анафорический жест	нейтральные конструкции
<i>указание подбородком</i>			активирующий жест	

Рис. 14. Тип указательного жеста и полярность указания

Итак, мы видим следующее.

1) *Указание подбородком* имеет уникальное значение: с его помощью говорящий вводит в рассмотрение новый объект. Ни один из остальных головных указательных жестов не обладает таким свойством – все они относятся большей частью к предупомнутым объектам (или к объектам, которые были введены ранее в зону внимания слушающего какими-то неречевыми средствами, например, ситуационными).

2) Жест *наклон головы* обращен на далеко расположенный предупомнутый объект и вследствие своей связи с далеко расположенными объектами имеет тенденцию к употреблению в провоцирующих высказываниях.

3) Два диффузных жеста, *голова вперед* и *поворот головы*, имеют одно и то же значение (они относятся к близко расположенному предупомнутому объекту и используются в основном в утверждениях). Единственный признак, который их различает, – тяготение к контрастным или к нейтральным конструкциям: жест *голова вперед* является, по сравнению с жестом *поворот головы*, активирующим жестом и вводит в зону внимания слушающего ту или иную смысловую зону высказывания; жест *поворот головы* является абсолютно немаркированным и как таковой используется в нейтральных конструкциях.

Здесь нужно сделать одно замечание. Как указано в работе [Calbris 2008: 110–111], говорящий часто подчеркивает движением головы вперед контрастные конструкции (т. е. конструкции, подразумевающие противопоставление или имеющие интонационное и акцентное выделение), причем эта закономерность не имеет никакой связи с дейксисом, т. е. жест головы выполняет сугубо ритмическую, а не дейктическую функцию (с формальной точки зрения отсутствие у жеста *голова вперед* дейктического значения определяется по направленности этого жеста на слушающего, а не на объект указания). Наша база данных, основанная на глубоко аннотированной части МУРКО, демонстрирует те же закономерности; см. примеры (22)–(23).

(22)	Речевой ряд	<i>Может, к нам зайдём?</i>	<i>С женой</i>	<i>познакомлю.</i>
	Жестовый ряд		жест <i>голова вперед</i> , направлен на слушающего, подчеркивает интонационный центр фразы	

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1969

(23) Речевой ряд	<i>Ваше величество, российские лошади взыску- ют вашей милости. Не дайте попруть (пауза)</i>	<i>п а ж и т и</i>	<i>скотопитательных угодий!</i>
Жестовый ряд		жест <i>голова вперед</i> , на- правлен на слушающего, подчеркивает акцентно выделенное слово	

А. Сурикова и др. Чокнутые, 1991

Таким образом, можно констатировать, что жест *голова вперед* практически всегда связан с эмфазой – и в дейктическом, и в недейктическом употреблении. Табл. 16 показывает, что из 17 случаев, когда говорящий использует жест *голова вперед* в дейктическом значении, 16 раз этот жест синхронизирован с эмфазой. Эта же закономерность имеет место, когда дейктический жест *голова вперед* лексически свободен, т.е. в сопровождающей речи нет ни одной дейктической лексемы: жест в этом случае синхронизи- рован с акцентным и интонационным центром фразы; см. пример (24).

(24) Речевой ряд	<i>Я считаю</i>	<i>главное</i>	<i>это поглядеть мир.</i>
Жестовый ряд		жест <i>голова вперед</i> , на- правлен на слушающего	

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1969

Тенденция выравнивания дейктического жеста *голова вперед* с акцентным и инто- национным центром фразы проявляется также в случаях, когда во фразе есть соответ- ствующий лексический дейксис, но он, как это часто бывает с дейктическими слова- ми, употребляется как клитика, т.е. акцентологически примыкает к предыдущему или последующему фонетическому слову: в таком случае дейктический жест *голова вперед* также смещается к интонационному центру фразы и отдалается от связанного с ним лексического дейксиса (25).

(25) Речевой ряд	<i>Тебе же врачи запретили!</i>	<i>Что ты</i>	<i>здесь (клитика, примыкает к предшествую- щему фонети- ческому слову)</i>	<i>ходишь?</i>
Жестовый ряд		жест <i>голова вперед</i> , направлен на близле- жащую территорию, в сторону от слу- шающего		

Ю. Егоров, Е. Долматовский. Добровольцы, 1958

Остальные дейктические жесты обладают относительной самостоятельностью – они могут употребляться синхронно как с контрастными, так и с нейтральными кон- струкциями (см. табл. 16).

Таким образом, мы можем предположить, что ритмическое (недейктическое) упо- требление жеста *голова вперед* (см. примеры (22)–(24)) восходит к его дейктическому употреблению: в случае, если жест *голова вперед* направлен на слушающего, он теряет свое дейктическое значение, но сохраняет свою связь с эмфазой, что позволяет исполь- зовать этот жест как жестикуляционное воплощение акцентного и интонационного вы- деления (т. е. как средство коммуникативного членения фразы).

Подытожить сказанное выше о влиянии полярности жеста на выбор головного дейксиса можно в табл. 18.

Таблица 18

Зона \ Полярность	Полярный жест	Диффузный жест
Зона видимости	Указание подбородком: активация видимого объекта (привлечение к нему внимания слушающего)	Голова вперед: анафорическое контрастное указание на близкий объект; тяготение к утверждениям
Невидимая зона	Боковой кивок: анафорическое указание на дальний объект; тяготение к провоцирующим речевым актам	Поворот головы: анафорическое указание на близкий объект; тяготение к утверждениям и нейтральным конструкциям

3. ГОЛОВНЫЕ И РУЧНЫЕ УКАЗАТЕЛЬНЫЕ ЖЕСТЫ

Естественный вопрос, который возникает, – как соотносятся между собой ручные и головные указания? Используя приведенные выше данные и материалы работ [Гришина 2012а; 2012б; 2012г], сравним, какие параметры оказываются существенными для обеих дейктических систем (табл. 19).

Таблица 19⁸

Тип жеста \ Параметр	Указание рукой		Указание головой
	с учетом большого пальца 1	без учета большого пальца 2	
1. Корреляция с контрастными / нейтральными конструкциями	+ (4,06 · 10 ⁻¹⁵)	+ (4,78 · 10 ⁻¹⁵)	+ (3,28 · 10 ⁻⁷)
2. Расстояние до объекта указания	+ (1,06 · 10 ⁻¹⁵)	+ (5,47 · 10 ⁻¹⁵)	+ (.0024)
3. Противопоставление провоцирующих высказываний и утверждений	+ (3,15 · 10 ⁻⁶)	+ (7,18 · 10 ⁻⁶)	+ (.0239)
4. Множественность объекта указания	– (.08)	+ (.027)	+ (.028)
5. Одушевленность объекта указания	+ (2,76 · 10 ⁻¹⁰)	+ (.0002)	+ (.0003)
6. Противопоставление императива–утверждения	+ (1,54 · 10 ⁻⁹)	+ (1,54 · 10 ⁻⁹)	– (.1273)
7. Противопоставление <i>здесь</i> и <i>тут</i>	0	+ (.005)	– (.9)

⁸ В скобках рядом с + (параметр значим) и – (параметр незначим) проставлено соответствующее значение параметра *p*.

Тип жеста Параметр	Указание рукой		Указание головой 3
	с учетом большого пальца 1	без учета большого пальца 2	
8. Противопоставление крупного и мелкого объекта	0	+ (.019)	– (.81)
9. Противопоставление императива–вопроса	+ (.0001)	+ (3,32 · 10 ⁻⁵)	– (.0573)
10. Противопоставление <i>вот-</i> и <i>это-</i> идентификаций	– (.051)	+ (.0147)	– (.33)
11. Осведомленность объекта указания о том, что на него указывают	+ (1,61 · 10 ⁻⁵)	+ (4,27 · 10 ⁻⁶)	– (.3)
12. Активация объекта	+ (1,66 · 10 ⁻¹¹)	+ (.0013)	+ (5,05 · 10 ⁻⁹)
13. Связанность указания с объектом	+ (4,4 · 10 ⁻⁹)	+ (9,85 · 10 ⁻⁹)	+ (6,93 · 10 ⁻¹²)
14. Абстрактность объекта	+ (.0018)	– (.57)	+ (.0096)
15. Пол говорящего	+ (.0036)	– (.7)	– (.55)

При сравнении столбцов 2–3 мы видим, что противопоставление дейктических ручных жестов, конкретнее – указаний открытой ладонью и указательным пальцем (т.е. без учета данных по указанию большим пальцем), и головных указательных жестов вписывается в две основные схемы: схему ‘отражение’ и схему ‘распределение’.

При схеме ‘отражение’ одна из систем дублирует свойства другой: при дублировании соответствующее значение p возрастает, т.е. данный признак для дублирующей системы является не таким показательным, как для основной, а сама система как бы отражает на ином уровне свойства основной системы.

Мы видим из табл. 19, что по значительной части признаков (1–5) система головных указательных жестов является дублером системы ручных указательных жестов. При этом падение степени проявленности того или иного признака при переключении между системами может составлять порядки, а может – только разы. Так, совершенно очевидно, что параметры ‘контрастная–нейтральная конструкция’, ‘расстояние до объекта указания’, противопоставление провоцирующих высказываний и утверждений осуществляются прежде всего и в основном с помощью ручных указаний, а головные указательные жесты используются для выражения этих противопоставлений лишь как дублеры. Аналогичным образом параметр связанности указания с объектом, т.е. противопоставление объектно-связанных и объектно-свободных (когнитивных) указаний (строка 13), а также параметр активации объекта, т.е. введения объекта в зону внимания слушающего (строка 12), гораздо ярче проявляют себя в системе головных указаний, а ручные указания отражают эти противопоставления лишь как дублеры⁹.

⁹ Как видим, все перечисленные выше параметры являются субъективными, т.е. относятся к субъективной трактовке говорящим его высказывания. Объективные же параметры (противопоставление одушевленных и неодушевленных, а также единичных и множественных объектов указания) отличаются в обеих дейктических системах не на порядки, а в разы, и в целом как факторы, влияющие на выбор указательного жеста, довольно слабо проявлены в обеих системах. Это подтверждает наше наблюдение, сделанное в работе [Гришина 2012а], о том, что чем субъективнее некий фактор, тем сильнее он влияет на выбор конфигурации указующей руки. Как видим, эта же закономерность наблюдается и в системе головных указательных жестов.

При схеме **‘распределение’** те или иные противопоставления выражены только в одной из систем. Так, мы видим, что тонкие семантические различия в иллокутивной силе высказывания (императив vs. вопрос и утверждение, строки 6, 9), различие близких по значению лексико-синтаксических конструкций (*вот-* и *это-*идентификации, строка 10), лексем (*здесь* и *тут*, строка 7), градуальные различия объектов указания (крупные и мелкие, строка 8), а также субъективные характеристики лиц, которые являются объектами указания (видит или не видит лицо, что на него указывают, строка 11), отражаются в жестикуляции только в системе ручных указаний. По-видимому, это связано с высокой степенью дифференцированности указующей руки по сравнению с головой как дейктическим органом, о чем мы упоминали в начале статьи (указующая рука предоставляет говорящему выбор не только между органом указания – пальцем и открытой ладонью, – но и между разными ориентациями в пространстве собственно ладони). С другой стороны, головные указания уникальным образом отражают противопоставление абстрактного (мысленного) и материального объекта (строка 14), что, скорее всего, связано с неразрывной связью головы как дейктического органа с зоной осуществления жеста (зона видимости vs. невидимая зона).

Таким образом, противопоставление ручных указаний (без большого пальца) и головных указаний позволяет нам высказать предположение, что системы ручных и головных указаний являются независимыми. В случае если мы имеем дело со схемой **‘отражение’**, дублирующая система выражает значения, преимущественно свойственные основной системе, и используется тогда, когда основная система в данной точке конкретного высказывания отвлечена на иные, недейктические действия. В случае же схемы **‘распределение’** каждая из дейктических систем выражает свойственные только ей значения, соответственно, жестикуляционное сопровождение высказывания осуществляется одновременно «на двух этажах», каждый из которых отвечает за свой пласт дейктических значений.

Что произойдет, если мы добавим к анализу столбец 1, т.е. рассмотрим ручные указательные жесты с учетом указания **б о л ь ш и м п а л ь ц е м**? Оставим в стороне те случаи, когда добавление к ручным указаниям указания большим пальцем сохраняет или усиливает ту схему, которая имеется в противопоставлении указательный палец/открытая ладонь vs. голова. Это касается строк 1–6, 9, 11, 13: по этим параметрам добавление данных по большому пальцу ничего не меняет в схеме **‘отражение’**. Оставим также в стороне строки 7–8, поскольку по противопоставлению *здесь–тут* и мелкого–крупного объектов в нашей базе данных, касающейся указаний большим пальцем, слишком мало примеров, а также строку 15, согласно которой единственный указательный жест, который имеет гендерную характеристику, – это указание большим пальцем (о том, что указание большим пальцем является мужским жестом, см. [Гришина 2012г]).

Итак, заслуживают рассмотрения строки 4 (множественность), 10 (*вот-* и *это-*идентификации), 12 (активация объекта) и 14 (абстрактность объекта). Наиболее простым случаем является строка 10. В [Гришина 2012а] мы показали, что предпочтительная связь *вот-*идентификаций с указанием открытой ладонью, а *это-*идентификаций – с указательным пальцем связана в значительной степени с параметром ориентации ладони в пространстве. Но указание большим пальцем никак не связано с параметром ориентации ладони в пространстве, поскольку ориентация ладони при осуществлении этого дейктического жеста является вынужденной, а вынужденная, не определяемая свободным выбором ориентация ладони, очевидно, не может быть семиотически нагруженной. Как следствие, добавление данных по большому пальцу в систему ручных указаний разрушает последнюю, что и демонстрирует строка 10 табл. 19.

Но указание большим пальцем имеет еще два свойства, которые отличают его от указаний открытой ладонью и указательным пальцем. Как мы показали в работе [Гришина 2012г], в связи с особым положением большого пальца среди остальных пальцев, одним из основных значений указания большим пальцем является выведение объекта указания за пределы зоны коммуникации. И поскольку самой «семиотически далекой» от зоны коммуникации зоной является невидимая зона, мы можем наблюдать отчетливое тяготение указания большим пальцем к невидимой зоне (за спиной говорящего). Кроме

того, указание большим пальцем – единственное из ручных указаний, которое не имеет в своей основе никакого естественного способа прикоснуться к предмету. Напомним, что именно такое свойство характерно для всех головных указательных жестов. Вследствие сказанного, мы можем ожидать, что по параметрам множественность, абстрактность и активация объекта указание большим пальцем будет вести себя сходно с теми или иными головными указаниями. Проверим это предположение. Табл. 20 демонстрирует, как ведут себя жесты по параметру ‘множественность объекта’.

Таблица 20

Тип объекта Жесты	Единичный	Множественный	Δ_N	Δ_E
<i>голова вперед</i>	7	–	1	0,28
<i>наклон головы</i>	24	9	0,45	–0,27
<i>поворот головы</i>	25	4	0,72	0,00
<i>указание подбородком</i>	169	16	0,83	0,10
<i>большой палец</i>	43	14	0,51	–0,21
$\chi^2 = 15,81, p \leq .0032$, параметры связаны, распределения достоверны				
Изыятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора	
<i>голова вперед</i>	.0032	.0024	незначимый фактор	
<i>наклон головы</i>		.0101	значимый фактор	
<i>поворот головы</i>		.0012	дефектный фактор	
<i>указание подбородком</i>		.2708	максимально значимый фактор	
<i>большой палец</i>		.0137	значимый фактор	

Как видим, в смешанной системе, включающей в себя указание большим пальцем, для жестов *указание подбородком*, *большим пальцем* и *боковым кивком* параметр множественности оказывается значимым (причем значимость связи этого параметра именно с этим составом жестов существенно выше, чем только для головных жестов, – значение $p \leq .0032$ vs. $\leq .0403$), и при этом *указание подбородком* по-прежнему связано с единичными объектами, а *наклон головы* и *большой палец* – с совокупностями. Как видим, указание большим пальцем в отношении параметра множественности ведет себя так же, как полярный жест, обращенный в невидимую зону, – *боковой кивок*.

Табл. 21 показывает, как ведет себя указание большим пальцем в отношении параметра ‘абстрактность объекта указания’ (строка 14 табл. 19).

Таблица 21

Тип объекта Жесты	Абстрактный	Предметный	Δ_N	Δ_E
<i>голова вперед</i>	–	1	–1	–0,72
<i>наклон головы</i>	10	9	0,05	0,34
<i>поворот головы</i>	10	8	0,11	0,39
<i>указание подбородком</i>	21	71	–0,54	–0,26
<i>большой палец</i>	26	31	–0,09	0,20
$\chi^2 = 15,08, p \leq .0045$, параметры связаны, распределения достоверны				

Изыятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора
<i>голова вперед</i>	.0045	.0023	дефектный фактор
<i>наклон головы</i>		.0051	незначимый фактор
<i>поворот головы</i>		.0072	значимый фактор
<i>указание подбородком</i>		.6548	максимально значимый фактор
<i>большой палец</i>		.0061	значимый фактор

Видим, что и здесь включение указания большим пальцем в систему указания головой немного улучшает контрастность противопоставления ($p \leq .0045$ vs. $\leq .0096$). При этом *указание подбородком* по-прежнему сохраняет свое предметное (материальное) значение, а указание большим пальцем и диффузное указание, обращенное в невидимую зону (*поворот головы*), передают идею абстрактности (нереальности или отсутствия в зоне видимости) объекта указания. Замечательно, что остальные ручные указания, в основе которых лежит идея прикосновения к материальному объекту (ладонь и указательный палец), противопоставляются указанию большим пальцем как материальные указания абстрактному (см. табл. 22).

Таблица 22

Жесты \ Тип объекта	Тип объекта		Δ_N	Δ_E
	Абстрактный	Материальный		
<i>большой палец</i>	26	31	-0,09	0,39
<i>открытая ладонь</i>	55	164	-0,50	0,02
<i>указательный палец</i>	56	189	-0,54	-0,07

$\chi^2 = 12,63, p \leq .0018$, параметры связаны, распределения достоверны

Наконец, рассмотрим последний параметр 'активация объекта указания' (строка 12 табл. 19). Отметим, что если в предыдущих двух случаях (множественность объекта и его абстрактность) значение имели такие факторы, как а) тяготение указания большим пальцем к невидимой зоне и б) отсутствие в повседневной практике людей естественного способа прикоснуться (с дейктической целью) к объекту указания с помощью большого пальца, то в случае параметра 'активация' на первый план выступает, по-видимому, именно второе свойство указания большим пальцем.

Действительно, именно потому, что большой палец не имеет соответствия в классе касаний, он может в качестве дейктического жеста выступать в случаях, когда точное расположение объекта указания для говорящего неважно (см. об этом [Kendon 2004: 218–222]). Но если это так, то указание большим пальцем может исполнять две противоположные функции. Во-первых, как продемонстрировал А. Кендон в упомянутой работе, указание большим пальцем может выступать как анафорический жест, т.е. отсылать к объекту, который уже был ранее введен в поле внимания слушающего (речевыми или жестикуляционными средствами). Во-вторых, как показано в нашей работе [Гришина 2012г], неважность точного местоположения объекта указания может иметь строго обратное значение: говорящий может указывать на объект указания не для того, чтобы обозначить его точное расположение, т.е. не для того, чтобы осуществить собственно дейктическую функцию указательного жеста, а лишь для того, чтобы активировать объект указания в зоне внимания слушающего, сообщив с помощью указания большим пальцем не о расположении объекта в пространстве, а о его существовании в реальности. Имея в виду сказанное, посмотрим, как распределяются соответствующие данные между жестами (табл. 23).

Тип объекта Жесты	Активация объекта	Анафорическое упоминание	Δ_N	Δ_E
<i>голова вперед</i>	11	19	-0,28	-0,47
<i>наклон головы</i>	31	45	-0,18	-0,39
<i>поворот головы</i>	18	38	-0,36	-0,56
<i>указание подбородком</i>	194	89	0,37	0,16
<i>большой палец</i>	72	23	0,52	0,31
$\chi^2 = 55,23, p \leq 2,9 \cdot 10^{-11}$, параметры связаны, распределения достоверны				
Изъятая группа жестов	Базовое значение p	Экспериментальное значение p	Значимость фактора	
<i>голова вперед</i>	$2,9 \cdot 10^{-11}$	$1,75 \cdot 10^{-10}$	значимый фактор	
<i>наклон головы</i>		$3,27 \cdot 10^{-9}$	значимый фактор	
<i>поворот головы</i>		$9,14 \cdot 10^{-8}$	максимально значимый фактор	
<i>указание подбородком</i>		$4,68 \cdot 10^{-8}$	значимый фактор	
<i>большой палец</i>		$2,78 \cdot 10^{-9}$	значимый фактор	

Мы видим, что указание большим пальцем выступает как полный аналог указания подбородком: оба жеста ориентированы на активацию объекта указания в поле внимания слушающего, в то время как остальные жесты головы (*голова вперед*, *наклон головы* и *поворот головы*) сопровождают указание на объект, упомянутый в предтексте или введенный в предситуации. Обратим внимание на то, что указания подбородком и большим пальцем дополняют друг друга: если указание подбородком ориентировано на активацию в зоне внимания слушающего единичного материального объекта, то с помощью большого пальца активируются абстрактные объекты (и совокупности как разновидности последних).

Описанные взаимоотношения между жестами разных уровней (ручными и указательными) показывают, что при всей самостоятельности двух систем они тесно связаны и могут делегировать друг другу выполнение тех или иных функций, если в этом возникает необходимость, что обеспечивает гибкость и надежность функционирования дейктической жестикуляционной системы.

В заключение раздела приведем данные о том, какие значения (из предложенного выше списка параметров) предпочитают те или иные дейктические жесты – ручные и головные (табл. 24).

Табл. 24 демонстрирует, что максимальное совпадение по выполняемым дейктическим функциям существует между 1) *поворотом головы* и указанием *открытой ладонью* и 2) между *указанием подбородком* и *указанием пальцем* (нет ни одного параметра, по которому эти жесты принимали бы противоположные значения). Близок к указанию открытой ладонью также жест *голова вперед* (эти жесты различаются только по параметру ‘контрастные–нейтральные конструкции’). *Наклон головы* занимает промежуточное положение – по параметрам ‘связанность указания’ и ‘активация объекта указания’ он совпадает с указанием открытой ладонью, а по параметрам ‘расстояние до объекта’ и ‘тип речевого акта’ – с указанием пальцем.

Таблица 24

Жест Параметр	Голова вперед	Наклон головы	Поворот головы	Указание подбородком	Большой палец	Указание открытой ладонью	Указательный палец
Связанность указаний	0	когнитивное указание		объектно-связанное указание		когнитивное указание	объектно-связанное указание
Абстрактность указания	0	абстрактное указание		предметное указание	абстрактное указание	предметное указание	
Одушевленность объекта	неодушевленный объект	одушевленный объект	0	0	одушевленный объект	0	неодушевленный объект
Множественность объекта указания	0	совокупность	0	единичный объект	совокупность	0	0
Расстояние до объекта	близкий объект	дальний объект	близкий объект	0	дальний объект	близкий объект	дальний объект
Тип речевого акта	утверждение	провоцирующий речевой акт	утверждение	0	провоцирующий речевой акт	утверждение	провоцирующий речевой акт
Активация объекта указания	анафорический жест			активирующий жест		анафорический жест	0
Контрастные и нейтральные конструкции	контрастные конструкции	0	нейтральные конструкции	0	0	нейтральные конструкции	контрастные конструкции

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЖЕСТИКУЛЯЦИОННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

В качестве заключения мы хотели бы разобрать несколько примеров, которые иллюстрируют две основные жестикуляционные конструкции, сочетающие головные и ручные указательные жесты, обращенные на один и тот же объект указания.

В первой конструкции, которую мы называем **дейктической лигатурой**, головной и ручной указательный жест совмещены во времени и синхронизированы с одной и той же точкой в высказывании. Синхронизация с одной и той же точкой в высказывании обоих жестов заключается в том, что в дейктической лигатуре второй жест начинается, когда первый жест еще не закончился, т.е. фаза ретракции первого жеста еще не завершена, но уже начинается подготовительная стадия второго жеста. Таким образом, между жестами внутри дейктической лигатуры нет жестикуляционной паузы, см. примеры (26)–(29).

(26)	Речевой ряд	<i>Дело в том, что я, так же, как и вы, только</i>	<i>сейчас</i>	<i>вот сегодня узнал об этом...</i>
	Жестовый ряд		дейктическая лигатура жеста <i>голова вперед</i> и указания открытой ладонью (движение сверху вниз)	
	Подробно	<i>сей</i>	<i>час</i>	(пауза)
		приготовительная стадия жеста <i>голова вперед</i>	ударная часть жеста <i>голова вперед</i>	послеударное удержание
			приготовительная стадия жеста открытой ладонью	ударная часть жеста открытой ладонью, ретракция жеста

Ю. Мамин, В. Вардунас. Фонтан, 1989

(27)	Речевой ряд	<i>Вон Сансанчу</i>			<i>и ордер дали!</i>
	Жестовый ряд	дейктическая лигатура жеста <i>наклон головы</i> и указания большим пальцем			
	Подробно	<i>во</i>	<i>нсан</i>	<i>са</i>	<i>нчу</i>
		начало подготовительной стадии жеста <i>наклон головы</i>	приготовительная стадия жеста <i>наклон головы</i>	ударная часть жеста <i>наклон головы</i>	ретракция жеста <i>наклон головы</i>
			начало и подготовительная стадия указания большим пальцем	ударная часть указания большим пальцем	ретракция указания большим пальцем

Ю. Чулюкин, Б. Бедный. Девчата, 1961

(28) Речевой ряд	<i>Послушай, Хасан, ты не видел</i>		<i>тут парень не проходил?</i>		
Жестовый ряд			дейктическая лигатура жеста <i>поворот головы</i> и указания открытой ладонью		
Подробно	<i>тут</i>	<i>па</i>	<i>реньне</i>	<i>прохо</i>	<i>дил</i>
	начало и приготовительная стадия жеста <i>поворот головы</i>	ударная часть жеста <i>поворот головы</i>	ретракция жеста <i>поворот головы</i> , начало жеста открытой ладонью	приготовительная стадия жеста открытой ладонью	ударная часть жеста открытой ладонью

В. Чеботарев и др. Человек-амфибия, 1962

(29) Речевой ряд	<i>Вы не могли бы прокатиться со мной на этом</i>							<i>самолете?</i>
Жестовый ряд	дейктическая лигатура указание подбородком, указание указательным пальцем, указание подбородком							
Подробно	<i>вы</i>	<i>немог</i>	<i>ли</i>	<i>быпро-</i> <i>кати</i>	<i>ца</i>	<i>со</i>	<i>мной</i>	<i>наэтом</i>
	начало указания подбородком	приготовительная стадия указания подбородком	ударная часть указания подбородком	ретракция указания подбородком	ретракция указания подбородком	начало указания подбородком	ударная часть указания подбородком	ретракция указания подбородком
			начало указания пальцем	ударная часть указания пальцем	ретракция указания пальцем			

Г. Данелия, Г. Шпаликов. Я шагаю по Москве, 1963

Во второй конструкции, которую мы называем **дейктической последовательностью**, головной и ручной указательный жест относятся к двум последовательным фразам, но имеют один и тот же референт. Это обозначает, что между дейктическими жестами в случае последовательности имеется жестикуляционная и/или временная пауза, т.е. первый жест последовательности успевает совершить полный цикл, прежде чем начнется второй жест, см. примеры (30)–(35).

(30)	Речевой ряд	<i>Зато вон сколько рыбы наловили.</i>	<i>Вон видишь</i>	<i>сколько у меня!</i>
	Жестовый ряд	демонстрация: подъем вверх улова (полный цикл жеста)	указание на улов подбородком (полный цикл жеста)	

Н. Калинин, А. Рыбаков. Кортик, 1973

(31)	Речевой ряд	<i>Видишь то место?</i>	<i>Вон</i>	<i>пожарный щит.</i>
	Жестовый ряд	указание открытой ладонью (полный цикл жеста)	указание подбородком (полный цикл жеста)	

Ю. Чулюкин, Б. Бедный. Девчата, 1961

(32)	Речевой ряд	<i>Вон он стоит</i>	<i>даже себя виноватым не считает.</i>	<i>Разве</i>	<i>вы не видите?</i>
	Жестовый ряд		указание открытой ладонью (полный цикл)	указание подбородком (полный цикл)	

А. Митта и др. Друг мой, Колька!, 1961

(33)	Речевой ряд	<i>Ай да старички!</i>	<i>Вот это</i>	<i>я понимаю!</i>
	Жестовый ряд	указание указательным пальцем (полный цикл)	указание подбородком (полный цикл)	

А. Птушко, В. Лифшиц. Сказка о потерянном времени, 1964

(34)	Речевой ряд	<i>– Где господин капитан первого ранга Ушаков?</i>	<i>– На стрельбище.</i>	<i>Вон!</i>
	Жестовый ряд		указание жестом поворот головы (полный цикл)	указание указательным пальцем (полный цикл)

М. Ромм, А. Штейн. Адмирал Ушаков, 1953

(35)	Речевой ряд	<i>– А ты?</i>	<i>Да вот,</i>	<i>Чистого загнал.</i>
	Жестовый ряд		указание подбородком на голубя в клетке (полный цикл)	указание открытой ладонью на этого же голубя (полный цикл)

А. Митта и др. Друг мой, Колька!, 1961

Дейктическая лигатура (примеры (26)–(29)) достаточно неплохо зафиксирована на материале нашего корпуса (30 примеров). Дейктических последовательностей кореферентных разноуровневых (ручных и головных) жестов существенно меньше – только шесть (все они приведены выше). В качестве кореферентных могут выступать также сочетания разных головных указаний (примеры (36)–(40)).

(36)	Речевой ряд	– Чего у тебя в ручке-то?	– Дубина какая-то...	– Так вот эта дубина	и есть слега.
	Жестовый ряд	указание головой вперед на объект		повторное указание головой вперед на тот же объект	

С. Росточкий, Б. Васильев. А зори здесь тихие..., 1972

(37)	Речевой ряд	– А где он? – Он	там	остался.	За тем поворотом.
	Жестовый ряд		указание боковым кивком в сторону поворота		указание поворот головы в том же направлении

Е. Шерстобитов. Акваланги на дне, 1966

(38)	Речевой ряд	Мы ее	в двух шагах от забора	выкопали.
	Жестовый ряд		указание боковым кивком в сторону входной двери	указание поворот головы на тот же объект

А. Рогожкин. Операция «С Новым годом!», 1996

(39)	Речевой ряд	Виктор Николаевич!	Вы что,	читать	не умеете?
	Жестовый ряд		указание боковым кивком на табличку	указание подбородком на тот же объект	

Л. Гайдай и др. Бриллиантовая рука, 1968

(40)	Речевой ряд	Товарищи. У кого есть какие	вопросы...	к Борщеву?
	Жестовый ряд		указание подбородком на Борщева	указание боковым кивком на тот же объект

Г. Данелия, А. Бородянский. Афоня, 1975

Всего сочетаний головных жестов в виде дейктических последовательностей также немного – всего пять контекстов на весь корпус. Естественно, 11 примеров не дают нам возможности проводить статистический анализ. Единственное, что можно сказать определенно, имеющиеся примеры не позволяют нам утверждать, что какие-то последовательности жестов *з а п р е щ е н ы*: есть примеры и на дистанционный повтор головного жеста (36), и на последовательности боковой кивок–поворот головы (37)–(38), боковой кивок–указание подбородком (39), указание подбородком–боковой кивок (40).

Точно так же встречаются разные последовательности ручных и головных жестов: демонстрация–указание подбородком (30), указание открытой ладонью–указание подбородком (31)–(32), указание указательным пальцем–подбородком (33), поворот головы–указание подбородком (34), указание подбородком–открытая ладонь (35)¹⁰. Таким образом, подборка примеров на дейктические последовательности, т.е. на сочетания кореферентных жестов полного цикла осуществления со смысловой, синтаксической или жестикуляционной паузой между жестами, подводит нас к мысли, что в этом случае возможны любые комбинации указательных жестов.

Совершенно иная картина наблюдается при осуществлении дейктических лигатур. Во всех 30 случаях, когда мы имеем дело с дейктической лигатурой, головной жест начинается осуществляться раньше ручного указательного жеста, и при этом головной указательный жест может быть любым. Статистика сочетаний следующая (табл. 25).

Таблица 25

Головной жест	Ручной жест	Абсолютное количество	Относительное количество
боковой кивок	большой палец	3	10 %
боковой кивок	указание указательным пальцем	2	7 %
боковой кивок	открытая ладонь	3	10 %
голова вперед	открытая ладонь	2	7 %
голова вперед	указательный палец	1	3 %
поворот головы	открытая ладонь	2	7 %
поворот головы	большой палец	1	3 %
поворот головы	открытая ладонь	2	7 %
поворот головы	указательный палец	1	3 %
указание подбородком	открытая ладонь	3	10 %
указание подбородком	указательный палец	3	10 %
остальное: в руке находится какой-либо спойлер, или рука не попадает в кадр, т.е. мы не можем точно определить тип ручного жеста		7	23 %

Как видим, никаких отчетливых предпочтений в сочетаемости заметить не удастся, однако соблюдаются две важные закономерности:

1. Головное и ручное указание не должны противоречить друг другу с точки зрения зоны осуществления, а именно:

– все головные указания могут сочетаться с указанием открытой ладонью или указательным пальцем, поскольку, как мы говорили выше, эти ручные указательные жесты свободно размещаются как в зоне видимости, так и в невидимой зоне;

– указание большим пальцем предпочтительно сочетается с указаниями в невидимую зону (*боковой кивок* и *поворот головы*) и не сочетается с указаниями в зону видимости (*голова вперед* и *указание подбородком*);

¹⁰ Мы не увидели сочетаний указания большим пальцем с каким-либо иным указанием и сочетания поворот головы–боковой кивок, но при таком небольшом количестве примеров мы не можем утверждать с уверенностью, что эти сочетания в принципе невозможны.

– при этом сочетание указания большим пальцем и головных жестов, обращенных в зону видимости, теоретически вполне возможно (как мы показали в работе [Гришина 2012г], вполне реальны указания большим пальцем вперед и вбок, т.е. в зоне видимости); однако сочетание головных жестов в зоне видимости с указанием большим пальцем, обращенным назад, в составе дейктических лигатур чрезвычайно проблематично, поскольку между двумя жестами в этом случае должно произойти переключение зон, что автоматически приведет к разрушению лигатуры и к ее превращению в простую дейктическую последовательность.

2. В составе дейктических лигатур головное указание всегда предшествует ручному указанию, что принципиально отличает дейктические лигатуры от дейктических последовательностей.

Таким образом, дейктические лигатуры должны рассматриваться как единое дейктическое событие, в котором головной жест

1) задает степень абстрактности указания (объект указания находится в общей зоне видимости говорящего и слушающего – жесты *голова вперед* и *указание подбородком*, или в невидимой зоне – жесты *поворот головы* и *боковой кивок*);

2) задает более тонкие различия между объектами указания внутри данной зоны (выбор между жестом *голова вперед* и *указанием подбородком* для видимой зоны и между жестом *поворот головы* и *боковой кивок* – для невидимой).

А затем ручное указание проводит дальнейшую тонкую референциальную и прагматическую калибровку объекта указания в уже обозначенной головными указаниями зоне.

Это хорошо согласуется с разной степенью абстракции головных и ручных указательных жестов, которая может быть описана следующей шкалой:

абстрактные указания в невидимой зоне возможность помыслить объект мысль	→	предметные указания в зоне видимости возможность увидеть объект зрение	→	ручные указания возможность коснуться объекта касание
--	---	--	---	--

Таким образом, головные указания в дейктических лигатурах, благодаря своей способности уникальным образом различать степень абстрактности объекта указания, представляют говорящему возможность постепенно подводить адресата к объекту указания, первоначально ориентируя его в дейктическом пространстве и лишь после этого характеризуя объект с точки зрения его точного местоположения, референциальных свойств и с точки зрения прагматических намерений самого говорящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гришина 2011 – Е.А. Гришина. Зажмуренные глаза: жестикация, пунктуация, акцентуация // Филология. 2011. № 2.
- Гришина 2012а – Е.А. Гришина. Указания рукой как система // Вопросы языкознания. 2012. № 3.
- Гришина 2012б – Е.А. Гришина. *Здесь и тут*: корпусной и жестикационный анализ полных синонимов // Русский язык в научном освещении. 2012. № 23 (1).
- Гришина 2012в – Е.А. Гришина. Автодейксис: основные типы и значения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2012» (Бекасово, 4–8 мая 2012 г.). М., 2012. (полный вариант статьи <http://ruslang.academia.edu/ElenaGrishina/Papers/1686842/>)
- Гришина 2012г – Е.А. Гришина. Указания большим пальцем: основные лингвистические функции // *Poljarnyj vestnik / Полярный вестник*. 2012. V. 15.
- Гришина 2013 – Е.А. Гришина. Темпоральные дейктические жесты // Известия РАН. Отделение литературы и языка. 2013. Т. 72. № 1.
- Крейдли 2007 – Г.Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге Па. Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и

- интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). М., 2007.
- Крейдлин 2008 – Г.Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге Па. Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конф. «Диалог'2008» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). М., 2008.
- Adolphs, Carter 2007 – S. Adolphs, R. Carter. Beyond the word. New challenges in analyzing corpora of spoken English // European journal of English studies. 2007. V. 11. № 2.
- Argyle 1969 – M. Argyle. Social interaction. New York, 1969.
- Argyle, Cook 1976 – M. Argyle, M. Cook. Gaze and mutual gaze. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1976.
- Battersby, Healey 2010 – S. Battersby, P. Healey. Using head movement to detect listener responses during multi-party dialogue // M. Kipp et al. (eds). Multimodal corpora: advances in capturing, coding and analyzing multimodality. Workshop proceedings (18 May 2010). Valetta, 2010.
- Bernieri, Rosenthal 1991 – F.J. Bernieri, R. Rosenthal. Interpersonal coordination: Behavior matching and interactional synchrony. Cambridge, 1991.
- Birdwhistell 1970 – R. Birdwhistell. Kinesics and context. Philadelphia (PA), 1970.
- Boholm, Allwood 2010 – M. Boholm, J. Allwood. Repeated head movements, their function and relation to speech // M. Kipp et al. (eds). Multimodal corpora: advances in capturing, coding and analyzing multimodality. Workshop proceedings (18 May 2010). Valetta, 2010.
- Calbris 1983 – G. Calbris. Contribution à une analyse sémiologique de la mimique faciale et gestuelle française dans ses rapports avec la communication verbale. 4 vol. (1. Expérimentation, 2. Taxinomie, 3. Synthèse, 4. Annexe illustrative). Thèse d'État. Paris, 1983. <http://catalogue.bibliotheque.msh-paris.fr>
- Calbris 2008 – G. Calbris. La tête de Nicolas Sarkozy, ou les fonctions des gestes de la tête durant l'énonciation // Mots. Le langage du politique. 2008. № 86.
- Calbris 2011 – G. Calbris. Elements of meaning in gesture. Amsterdam; Philadelphia, 2011.
- Cerrato 2005 – L. Cerrato. Linguistic functions of head nods // J. Allwood et al. (eds). Papers from the second Nordic conference on multimodal communication. Göteborg, 2005.
- Dittmann 1972 – A. Dittmann. The body movement-speech rhythm relationship as a cue to speech encoding // A.W. Siegman, B. Pope (eds). Studies in dyadic communication. Emsford; New York, 1972.
- Duncan 1972 – S. Duncan. Some signals and rules for taking speaking turns in conversations // Journal of personality and social psychology. 1972. V. 23.
- Goodwin 1980 – M.H. Goodwin. Processes of mutual monitoring implicated in the production of description sequences // Sociological inquiry. 1980. V. 50.
- Goodwin 1981 – Ch. Goodwin. Conversational organization. New York, 1981.
- Goodwin, Goodwin 1987 – M.H. Goodwin, Ch. Goodwin. Concurrent operations on talk: Notes on the interactive organization of assessments // IPRA papers in pragmatics. 1987. № 1.
- Grishina 2013 – E. Grishina. Eye behavior in Russian spoken interaction and its correlation with affirmation and negation // Proceedings of international workshop 'Approaches to Slavic interaction'. Potsdam, 2013.
- Hadar et al. 1983 – U. Hadar, T.J. Steiner, F. Clifford Rose, E.C. Grant. Kinematics of head movements accompanying speech during conversation // Human movement science. 1983. № 2.
- Hadar et al. 1985 – U. Hadar, T.J. Steiner, F. Clifford Rose. Head movement during listening turns in conversation // Journal of nonverbal behavior. 1985. № 9.
- Heritage 1989 – J. Heritage. Current developments in conversation analysis. Philadelphia, 1989.
- Heylen 2005 – D. Heylen. Challenges ahead: head movements and other social acts during conversations // Joint symposium on virtual social agents. Hatfield, 2005.
- Heylen 2006 – D. Heylen. Head gestures, gaze and the principles of conversational structure // International journal of humanoid robotics. 2006. V. 3. № 3.
- Ishi et al. 2008 – C.T. Ishi, H. Ishiguro, N. Hagita. Analysis of inter- and intra-speaker variability of head motions during spoken dialogue // R. Göcke et al. (eds). Tangalooma wild dolphin resort, Moreton Island, Queensland. Proceedings of International conference on auditory-visual speech processing 2008 (AVSP-2008). 2008. http://www.isca-speech.org/archive_open/avsp08
- Kendon 1972 – A. Kendon. Some relationships between body motion and speech: an analysis of an example. New York, 1972.
- Kendon 2002 – A. Kendon. Some uses of the head shake // Gesture. 2002. V. 2. № 2.
- Kendon 2004 – A. Kendon. Gesture: Visible action as utterance. Cambridge (Mass.), 2004.

- Kendon, Versante 2003 – *A. Kendon, L. Versante*. Pointing by hand in «Neapolitan» // S. Kita (ed.). *Pointing: Where language, culture, and cognition meet*. Mahwah (NJ), 2003.
- Lee et al. 2009 – *J. Lee, H. Prendinger, A. Neviarouskaya, S. Marsella*. Learning models of speaker head nods with affective information // *Affective computing and intelligent interaction and workshops. ACHI 2009. 3rd International conference (10–12 Sept. 2009)*. Amsterdam, 2009.
- Maynard 1987 – *S. Maynard*. Interactional functions of a nonverbal sign: Head movements in Japanese dyadic casual conversation // *Journal of pragmatics*. 1987. № 11.
- McClave 2000 – *E.Z. McClave*. Linguistic functions of head movements in the context of speech // *Journal of pragmatics*. 2000. V. 32.
- Ohashi 2010 – *J. Ohashi*. Balancing obligations: Bowing and linguistic features in thanking in Japanese // *Journal of politeness research*. 2010. № 6.
- Paggio, Navaretta 2010 – *P. Paggio, C. Navaretta*. Feedback in head gestures and speech // M. Kipp et al. (eds). *Multimodal corpora: advances in capturing, coding and analyzing multimodality. Workshop proceedings (18 May 2010)*. Valetta, 2010.
- Paggio, Navaretta 2011 – *P. Paggio, C. Navaretta*. Head movements, facial expressions and feedback in Danish first encounters interactions: A culture-specific analysis // C. Stephanidis (ed.). *Universal access in human-computer interaction. P. II. Lecture notes in computer science. № 6766*. 2011.
- Paggio, Navaretta 2012 – *P. Paggio, C. Navaretta*. Classifying the feedback function of head movements and face expressions // J. Edlund et al. (eds). *Multimodal corpora: How should multimodal corpora deal with the situation? Workshop proceedings (22 May 2012)*. Istanbul, 2012.
- Poggi et al. 2010 – *I. Poggi, F. D'Errico, L. Vincze*. Types of nods. The polysemy of a social signal // *Language resources and evaluation. International conference (LREC'2010)*. Valetta, 2010 http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/pdf/596_Paper.pdf
- Schegloff 1987 – *E. Schegloff*. Analyzing single episode of interaction: An exercise in conversation analysis // *Social psychology quarterly*. 1987. V. 50.
- Whitehead 2011 – *K.A. Whitehead*. Some uses of head nods in «third position» in talk-in-interaction // *Gesture*. 2011. V. 11. № 2.
- Wilkins 2003 – *D.P. Wilkins*. Why pointing with the index finger is not a universal (in sociocultural and semiotic terms) // S. Kita (ed.). *Pointing: Where language, culture, and cognition meet*. Mahwah (NJ), 2003.
- Yngve 1970 – *V. Yngve*. On getting a word in edgewise // *Papers from the 6th regional meeting of the Chicago linguistic society*. Chicago, 1970.
- Ywano et al. 1996 – *Y. Iwano, S. Kageyama, E. Morikawa, S. Nakazato, K. Shirai*. Analysis of head movements and its role in spoken dialogue // *International conference on spoken language processing*. Philadelphia, 1996.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Гришина
 Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
 rudi2007@yandex.ru
 Статья поступила в редакцию 14.08.2012

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

P. Samvelian. Grammaire des prédicats complexes: Les constructions nom-verbe. Paris: Lavoisier, 2012. 330 p.

Сложные глаголы персидского языка (одного из основных представителей югозападно-иранской подгруппы иранских языков) не раз привлекали внимание не только иранистов, но и типологов. Из работ, выполненных в рамках типологического подхода, можно упомянуть более десятка объемных статей и несколько диссертаций. Тем не менее на момент выхода рецензируемой работы исследование П. Самвелян является единственной известной мне опубликованной монографией, целиком посвященной проблеме сложных глаголов в персидском языке и ориентированной на широкий круг читателей, в том числе на исследователя, не знакомого с персидским языком. Среди достоинств работы нужно отметить скрупулезное рассмотрение фактов персидского языка, богатый языковой материал и хорошую осведомленность автора о разных подходах к описанию сложных глаголов.

В персидском языке существует лишь несколько сотен активно употребляющихся простых глаголов, остальная глагольная лексика представлена составными или сложными глаголами (далее СГ), под которыми понимаются несвободные сочетания простого глагола и имени (например, *kâr kardan* ‘работа’ + ‘делать’ = ‘работать’¹). Новые глаголы в современном языке образуются только по модели сложных глаголов (ср. *imeyl zadan* ‘имейл’ + ‘бить’ = ‘посылать имейл’).

При развитии дифференцированном маркировании объекта в персидском возможны случаи контактного с глаголом употребления неоформленного имени (прямого или косвенного дополнения). Последнее создает трудности для определения СГ и установления

границы между СГ, с одной стороны, и словосочетанием неоформленного имени и простого глагола – с другой. Ср. два примера ниже, где (1) традиционно считается СГ, а (2) – сочетанием неоформленного имени и простого глагола.

(1) *kâr mikon-am* (работа делать.НАСТ-1ед) ‘Я работаю’².

(2) *sib mixor-am* (яблоко есть.НАСТ-1ед) ‘Я ем яблоки’.

В доступной литературе до сих пор нет окончательного ответа, позволяющего однозначно включить те или иные сочетания в класс СГ или в класс свободных сочетаний неоформленного дополнения и глагола.

Другой актуальной проблемой СГ является исследование их семантики. Приведем пример. Персидский глагол *zadan* может употребляться как независимо, так и в составе СГ. При независимом употреблении основным значением *zadan* является ‘бить’. При образовании СГ *zadan* сочетается с огромным количеством имен; словари обычно не выделяют каких-либо значений у этого глагола в составе СГ. Тем не менее можно заметить, что нередко при образовании СГ *zadan* сочетается с именами, входящими в один семантический класс. Например, *zadan* сочетается со многими названиями музыкальных инструментов. Однако не всегда ясно, является ли продуктивной модель

² В рецензии приняты следующие сокращения:

акк – показатель сильнореферентного прямого дополнения; ед – единственное; изф – изафет; имп – императив; мн – множественное; наст – настоящее; нр – показатель неопределенной референтности; предл – предлог; прош – прошедшее; сг – сложный глагол.

¹ Примеры, цитируемые в рецензии, по большей части взяты из моей работы [Выдрин 2006].

СГ «название музыкального инструмента М + *zadan*» = ‘играть на М’. Можно ли к любому названию музыкального инструмента добавить *zadan* и образовать СГ со значением ‘играть на инструменте’? Если да, то какие еще модели с этим глаголом можно выделить?

В существующей литературе по персидским СГ можно выделить два основных направления. Первое направление, фразеологическое, представлено по большей части в отечественных работах. Согласно этому подходу СГ рассматриваются как устойчивые фразеологические единицы (например, [Рубинчик 1981]), а сочетания неформленного имени и простого глагола считаются семантически композиционными и свободно образующимися сочетаниями. Основной предмет исследования – определить степень фразеологичности разных СГ и максимально полно отразить их в словаре. Принимая во внимание то, что СГ в персидском языке – единственная продуктивная модель пополнения глагольной лексики, главными недостатками фразеологического подхода являются неизбежная неполнота отражения СГ в словарях и принципиальная невозможность завершить описание семантики СГ. Как бы оперативнее ни фиксировались сторонниками этого подхода новые СГ, часть неологизмов все равно будет оставаться за рамками словарей; какими бы полными ни были списки СГ, они никогда не перестанут пополняться (если СГ не потеряют своей монополярной продуктивности).

Второе направление фокусируется на исследовании морфосинтаксических особенностей персидских СГ, а также на поиске релевантных признаков, дающих возможность провести четкую границу между СГ и сочетаниями <неформленное имя + простой глагол>. Такой подход преобладает в зарубежных исследованиях и обычно затрагивает не только сами СГ, но и целый ряд других вопросов персидской грамматики (энклитика *-ra* и другие именные показатели, проблема выделения прямого дополнения, акцентология, отдельные аспекты синтаксиса и т.д.). Недостатком этого подхода является игнорирование механизмов формирования семантики СГ.

Новизна монографии П. Самвельян заключается как раз в том, что она не только скрупулезно рассматривает грамматические особенности СГ и сравнивает их с особенностями свободных сочетаний неформленного имени при простом глаголе, но и значительную часть своего исследования посвящает описанию семантики СГ. Ниже я кратко остановлюсь на содержании рецензируемой монографии.

Во введении СГ определяются как «глагольные выражения, состоящие из глагола, как правило, не имеющего конкретного значения,

и неглагольного элемента, и функционирующие как один семантический предикат» (с. 15). В отличие от сочетания неформленного имени и простого глагола у СГ глагольная и именная составляющие «функционируют как единое целое» (с. 18). Основной задачей первых двух глав исследования П. Самвельян является поиск релевантных критериев, позволяющих провести границу между СГ и неформленным именем с простым глаголом.

В первой главе («Слова или синтагмы») дается обзор морфосинтаксических свойств персидских СГ, на основании которых делается вывод о том, что они не являются цельными словами, а представляют собой «синтаксические группы, образованные из нескольких слов» (с. 53). П. Самвельян предлагает называть СГ «фразовыми лексемами» (*lexèmes syntagmatiques / phrasal lexemes*), похожими, например, на франц. *rendre hommage* ‘воздавать должное’, *mettre en scène* ‘ставить [спектакль, фильм]’ и др.

Во второй главе («Синтаксические свойства СГ») после подробного рассмотрения синтаксических особенностей СГ показывается, что именная компонента СГ демонстрирует те же свойства, что морфологически неформленный объект при простом глаголе. Предлагается считать, что именная компонента СГ является синтаксической зависимой глагола в той же степени, что и неформленный объект по отношению к простому глаголу.

В третьей главе («Композициональность сложных глаголов») рассматривается композиционный подход к описанию СГ, согласно которому постулируется, что семантико-синтаксические свойства СГ определяются суммой свойств именной и глагольной компонент; при этом свойства, которые, например, имя N и простой глагол V «вкладывают» в СГ «NV» постоянны и не изменяются, например, если имя N формирует СГ с любым другим простым глаголом или если простой глагол V формирует СГ с любым другим именем.

В частности, сторонники такого подхода считают, что простой глагол *dâštan* (основное значение ‘иметь’) всегда употребляется только в стативных СГ (с. 129); согласно данным П. Самвельян, это неверно: *dâštan* может также использоваться в СГ, имеющих другие акциональные характеристики. П. Самвельян убедительно показывает, что невозможно распределить семантико-синтаксические свойства СГ между именной и глагольной компонентами; и в целом композиционный подход сталкивается с рядом неразрешимых проблем, которые делают нерациональным его применение для адекватного исследования персидских СГ.

В четвертой главе («К конструкционному подходу») предлагается рассматривать СГ как самостоятельные конструкции. Наиболее частотные конструкции становятся прототипами и формируют продуктивные модели, по которым образуются новые СГ. Например, СГ *namak zadan* («соль бить») ‘солить’ образует

- (3) *file-hâ=ye mâhi=râ namak be-zan-id*
 филе-мн=изф рыба=акк соль имп-бить-2мн
 ‘Посолите рыбное филе’ (с. 245).

Упомянутая модель является открытой, кроме слова *namak*, в ней возможно употребление названий любых других приправ, например: *felfel zadan* («перец бить») ‘перчить’, *serke zadan* («уксус бить») ‘приправлять уксусом’, *za’farân zadan* («шафран бить») ‘добавлять шафран’ и т.д. (с. 245). Предполагается, что при появлении любой новой, экзотической приправы N для выражения значения ‘приправлять N’ будет образован СГ с глаголом *zadan*.

Предложенный подход лишен недостатков фразеологического направления и не только способен экономно описать семантику большинства СГ, но и обладает предсказательной силой.

В пятой главе («Изучение одного случая: предикаты, образующиеся с помощью *zadan* ‘бить’») на основе подхода, предложенного в предыдущей главе, детально описывается семантика глагола *zadan*, рассматриваются как его независимые значения, так и участие *zadan* в многочисленных семантических моделях СГ.

Работа завершается списком литературы и двумя алфавитными указателями СГ, структурированными по глагольной и именной компонентам.

- (4) *pedar=am har ruz ruznâme_i mixar-ad*
 отец-1ед каждый день газета покупать.наст-3ед
va ân=râ mixân-ad
 и тот-акк читать.наст-3ед
 ‘Мой отец каждый день покупает газету и читает ее’ (*Âmuzesh=e zabân=e fârsi be qeyr=e fârsizabânâ. Doktor Ziyâ’ Tâj ad-Din. 1382, 2003/2004, p. 27*).

- (5) **man dišab [qazâ_i xord-am]_{cr} va kam=i*
 я прошлая.ночь еда есть.прош-1ед и мало=нр
az ân=râ-ham be gorbe dâd-am
 предл тот-акк-также предл кошка давать.прош-1ед
 Ожидаемый перевод: ‘Я вчера ночью поел и немного своей еды также дал кошке’.

Нужно также отметить, что переходные СГ демонстрируют большую синтаксическую спаянность, чем непереходные СГ (например, практически не допускают разрыва именной и

модель N0 N1 N *zadan* с абстрактным значением ‘приправлять чем-нибудь, добавлять что-нибудь в еду’, где N0 – агенс, N1 – место (может употребляться с предлогом *be* или с энклитикой *râ*, или в качестве неоформленного имени), N – тема (именная часть СГ). Например:

Возвращаясь к двум главным проблемам персидских СГ, обозначенным в начале рецензии, нужно отметить, что исследование П. Самвельян, во-первых, показывает, что сочетания неоформленного объекта и глагола морфосинтаксически не отличаются от СГ, а во-вторых, П. Самвельян предлагает новый, конструкционный принцип описания семантики СГ, обладающий предсказательной силой и являющийся более экономичным, чем принцип, предложенный в рамках фразеологического подхода.

Рецензируемая монография не лишена некоторых недостатков и неточностей.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что автор приходит к выводу об отсутствии какой-либо границы между неоформленным именем и именной частью СГ. Как кажется, эта граница все-таки существует. Критерием ее определения может быть способность неоформленного объекта быть антецедентом анафорического местоимения (именная компонента СГ лишена этого свойства); ср. (4), где неоформленное прямое дополнение может быть антецедентом анафорического местоимения и (5), где именная компонента СГ лишена этого свойства.

глагольной компонент). Этот факт можно было бы интерпретировать в пользу того, что в персидском языке все-таки есть обширный класс СГ, который синтаксически отличается от со-

четания неоформленного объекта и простого глагола. Однако в рецензируемой работе принята, на мой взгляд, менее удачная интерпретация переходных СГ, как предикатов, имеющих типологически странное явление – «двойное дополнение» – прямое дополнение и дополнение-именную часть СГ (с. 50–51; 62–65).

При стирании границы между сочетаниями неоформленного имени и глагола vs. СГ, которое проводится в первой и второй главах, до конца неясно, как сам автор работы определяет предмет исследования, обозначенный в названии монографии, и рассуждает в последующих главах о сложных глаголах персидского языка. Как кажется, работа стала бы более последовательной, если бы П. Самвельян эксплицитно отказалась от термина СГ и в последних главах своей книги рассуждала бы только о конструкциях с неоформленным дополнением, употребленным контактно с глаголом.

В работе не поясняются источники цитируемых примеров. П. Самвельян отмечает лишь, что примеры получены от носителей языка, а также из прессы, художественной литературы и Интернета; упоминается также корпус текстов, размеры которого и качество самих текстов не уточняются (например, с. 225). Особенно ощущается необходимость пояснить способ сбора примеров, когда автор эксплицирует частотность тех или иных СГ и опирается на статистический метод определения прототипов семантических моделей, использующихся при формировании значений СГ.

Энклитические местоимения в персидском могут быть референтами не только прямых дополнений, как утверждает в исследовании П. Самвельян (с. 40), но и косвенных дополнений. Ср.: *xod=râ taslim=aš kard-am* (сам=акк подчинение=3ед делать.прош-1ед) 'Я подчинился ему'.

Встречаются случаи нарушения логики построения аргументации. Например, на с. 36–40 обсуждаются случаи образования отглагольных дериватов от СГ с помощью показателей *-i*, *-ande* и *-an*. Далее поясняется, что дериват на *-ande* может образовываться и от сочетаний <неоформленное имя + простой глагол> и делается вывод о том, что способность СГ образовывать отглагольные дериваты не позволяет считать их «морфологическими словами» (другими словами, это свойство присутствует также и у сочетаний <неоформленное имя + простой глагол>, которые представляют собой свободные сочетания слов). При этом автор рецензируемой монографии не оговаривает, возможно ли образование отглагольных дериватов от сочетаний <неоформленное имя + простой глагол> с помощью двух других показателей – *-i* и *-an*.

В отдельных разделах нет должной дискуссии. В частности, на с. 128–129 автор отмечает, что именная часть СГ (как правило, непереходных. – А. В.) может маркироваться *râ* (энклитика, показатель сильнореферентного прямого дополнения в современном персидском языке, см., например, [Выдрин 2006] и там же обзор литературы). Было бы не лишним пояснить, что в данном случае на самом деле не именная компонента обладает свойством маркироваться показателем прямого дополнения, а СГ распадается на прямое дополнение, маркированное *râ*, и простой переходный глагол. Как кажется, такое свойство персидских СГ сильно напоминает глагольно-именную инкорпорацию, при которой инкорпорированные неререферентные синтаксически зависимые имена могут при определенных условиях вновь обрести независимость и разрушить глагольно-именную инкорпорацию на дополнение и простой глагол (см., например, [Mithun 1984; 1986], а также литературу, в которой предлагается рассматривать персидские СГ как частный случай инкорпорации [Dabir-Moghaddam 1995; Ahadi 2000]). Отметим, что некоторые переходные СГ персидского языка также обладают свойством распадаться на прямое дополнение и глагол, ср.: *Maryam=râ dust dâr-am* (Марьям=акк друг иметь.наст-1ед) 'Я люблю Марьям' и *dust=i=râ dâr-am* (друг=нр=акк иметь.наст-1ед) 'У меня есть один друг'.

Не учтены некоторые работы, непосредственно относящиеся к теме исследования, в частности, статья [Gâzogâni 1996], где был предложен сходный подход к описанию семантики СГ. При обсуждении порядка слов в персидском не упоминается [Karimi 1994]. В разделе, посвященном номинализации (с. 69–72), не отмечаются такие работы, как [Dabir Moghaddam 1997; Ahadi 2000]. Нет ссылок на восьмитомный толковый персидско-персидский словарь Сухан [Anvari 2002–2003], где, например, у глагола *zadan*, рассмотрению семантики которого в рецензируемой монографии посвящена отдельная глава, уже выделен ряд упоминающихся в работе П. Самвельян значений.

В списке сокращений отсутствуют некоторые аббревиатуры, например CVS (construction à verbe support). Встречаются опечатки в номерах примеров, см. в частности, на с. 183, где под примером (49а) подразумевается (24а) и на с. 197, где под примером (57) очевидно имеется в виду пример (40).

Перечисленные недостатки не умаляют значимости рецензируемой монографии как для иранистики, так и для типологии. В работе максимально полно на сегодняшний день рассматриваются морфосинтаксические особенности СГ и предлагается система описания их семан-

тики. Выработанный в монографии П. Самвельян подход к описанию значений СГ с большой долей вероятности может быть применим к исследованию семантики СГ в ряде других языков разной генетической принадлежности. Работа П. Самвельян безусловно будет интересна не только иранистам, но и специалистам по сложным глаголам в других языках, а также лексикографам и типологам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выдрин 2006 – А.П. Выдрин. Прямое дополнение и сложные глаголы в современном персидском языке: грамматический и лексикографический аспекты: Дис. ... маг. востоковедения и африканистики. СПб., 2006. (<http://www.ossetic-studies.org/vydrin/index.php/publications/>)
- Рубинчик 1981 – Ю.А. Рубинчик. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
- Ahadi 2000 – S. Ahadi. Nominalinkorporation im Persischen // Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft. Hf. 4. Göttingen, 2000.
- Anvari 2002–2003 – H. Anvari (ed.). Soxan. Farhang=e bozorg=e soxan. 8 jeld. Tehrân, 2002–2003.
- Dabir-Moghaddam 1995 – M. Dabir-Moghaddam. Fe'l=e morakkab dar zabân=e fârsi (Compound Verbs in Persian) // Majâlle=ye zabânšenâsi. 1995. V. 12. № 1, 2.
- Dabir-Moghaddam 1997 – M. Dabir-Moghaddam. Compound verbs in Persian // Studies in the linguistic sciences. 1997. 27, 2.
- Gâzorâni 1996 – M. Gâzorâni. Tarkibât=e fe'li dar farhanghâ=ye omumi=ye yekzabâne=ye fârsi // Majâlle=ye zabânšenâsi. 1996. V. 13. № 1, 2.
- Karimi 1994 – S. Karimi. Word order variations in contemporary spoken Persian // M. Marashi (ed.). Persian studies in North America: Studies in honor of Mohammad Ali Jazayeri. MD. Bethesda, 1994.
- Mithun 1984 – M. Mithun. The evolution of noun incorporation // Language. 1984. V. 60. 4.
- Mithun 1986 – M. Mithun. On the nature of noun incorporation // Language. 1986. V. 62. 1.

А.П. Выдрин

Сведения об авторе:

Арсений Павлович Выдрин
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
senjacom@gmail.com

G. Dimmendaal. Historical linguistics and the comparative study of African languages. Amsterdam: John Benjamins, 2011. xviii + 421 p.

Публикация монографии известного европейского африканиста Геррита Диммендаля совпала с обострением в последние годы дискуссии в африканском языкознании относительно генетической классификации языков континента. Гипотеза Дж. Гринберга [Greenberg 1963], разделившего все языки континентальной Африки на четыре макросемьи, все чаще подвергается критике, в основном из-за метода, с помощью которого она была выдвинута. Звучат как призывы обосновать классификацию Гринберга с помощью строго сравнительно-исторического метода, так и объяснить сходства языков Африки ареально-типологическими причинами [Güldemann 2011]. В этой ситуации весьма своевременным выглядит решение автора монографии проанализировать принципы и методы сравнительного изучения языков Африки с использованием последних достижений общего языкознания, лингвистической типологии, социолингвистики, исследований языковой конвергенции, а также наиболее актуальных материалов о малоописанных языках Африки, ставших доступными в последние годы.

Ценность монографии в том, что она рассчитана не столько на сложившихся специалистов по африканскому сравнительному языкознанию, сколько на студентов и аспирантов, молодых ученых, изучающих языки Африки. Как верно замечает автор в предисловии (с. ix), сегодняшние молодые африканисты нередко не имеют доступа к актуальной информации о проводимых исследованиях в этой области и вынуждены пользоваться учебниками по компаративистике, основанными на исследованиях языков других семей, без учета особой африканской специфики. Этот тезис применим и к российской научной литературе, в которой пока отсутствуют монографии, посвященные введению в сравнительное изучение африканских языков. Например, в книге неоднократно подчеркивается, что абсолютное большинство африканистов учатся сравнительному языкознанию и анализу диахронических явлений в языке на примерах из индоевропейских, преимущественно даже европейских, языков. Это не может не приводить к формированию «европоцентричного» взгляда на языки

Африки и не искажать толкования тех или иных явлений диахронического развития. Известно, что описания африканских языков с помощью классической индоевропейской модели грамматического анализа в XIX в. и первой половине XX в. во многом оказались ошибочными и привели к неверным выводам, исправлять которые приходится, заново описывая даже хорошо известные языки с помощью современных подходов. Столь же неэффективным оказался и сравнительный анализ языков Африки с помощью традиционных инструментов, не учитывавших ряда важных, специфически африканских механизмов фонологии и морфосинтаксиса, особенно тонологии. Монография Диммендала рассматривает методы сравнительного исследования на примерах из множества африканских языков, что делает ее в этом смысле особенно полезной для начинающих африканистов.

При этом стоит заметить, что автор не свободен от некоторых ареальных предпочтений. Языковой материал, которым он оперирует по ходу работы, относится большей частью к семьям языков Восточной и Южной Африки (семитские, омотские, нилотские, кордофанские языки, языки банту), в то время как удивительное многообразие языков Западной и Центральной Африки учтено в значительно меньшей степени. Между тем некоторые интересные явления (например, портманто-морфы, описываемые на с. 110, или табуирование грамматических форм, упоминаемое на с. 111) наиболее ярко демонстрируются примерами именно из западно- и центральноафриканских языков. И тем не менее по широте охвата языкового материала книгу можно назвать образцовым обзором.

Структура первой части монографии придерживается традиционной схемы: описание фонетических изменений (глава 2) предшествует описанию методов классификации с помощью анализа лексики (глава 3) и морфосинтаксиса (глава 4), за которыми следует анализ семантических переходов (глава 5). Главы 6 и 7 посвящены использованию методик внутренней реконструкции и диалектологии при сравнительном анализе. Важно, что автор уделяет внимание диахронической типологии звуковых переходов, которые он называет «естественными звуковыми изменениями» (с. 24). Помимо разбора «классических» фонетических изменений, особый акцент сделан на изменениях тонов в пределах словоформы и синтаксической группы (с. 35–39), в частности на проблеме возникновения и редукции уровневых тонов – области, пока еще малоизученной в широком контексте (с. 36). При обсуждении диахронических процессов в морфосинтаксисе автор дает прекрасный обзор разновидностей аналогических изменений, происходящих в

рамках парадигматических систем морфологии (с. 101–110). К сожалению, при описании синтаксических систем обойден стороной вопрос о распространенном изменении порядка слов SVO > SOV, о котором много спорят сегодня при реконструкции праязыкового состояния для языков Западной Африки. При анализе хорошо изученного процесса грамматикализации (с. 123 и сл.) автор верно указывает на опасность универсального постулирования односторонности этого процесса (с. 129): в языках Африки существует множество примеров, свидетельствующих об обратном.

Наиболее важной представляется вторая часть монографии, посвященная процессам конвергентного развития языков континента. При том уровне многоязычия африканских сообществ и интенсивных миграций, в условиях которых они существовали на протяжении тысячелетий (а во многих районах существуют и сегодня), диахронические изменения должны пристально изучаться с точки зрения ареальных контактов между языками как близкородственными, так и различного происхождения. Столь тесные контакты приводят к интересным явлениям, весьма нехарактерным для языков других континентов: в частности, на с. 195 описано калькирование системы именных классов, присущей языкам банту, в нилотском языке луо.

Особенное внимание автор уделяет процессам пиджинизации и креолизации языков Африки, играющих роль *lingua franca* между различными сообществами (глава 9). В частности, характерен пример санго, языка межэтнического общения в Центральноафриканской Республике, о естественном или креольском происхождении которого имеются различные мнения (с. 229–230). Автор разумно замечает, что вернее будет говорить о степени креолизации того или иного языка, нежели об априорном разделении языков на естественные и креольские (с. 236).

Важно, что автором не обойдена тема так называемых «смешанных языков», некоторые из которых были обнаружены в Африке: для таких языков иногда постулируют наличие двух генетических предков. В последнее время тема «смешанных языков» обрела своеобразную популярность в языкознании, и вновь, спустя более чем столетие, лингвисты почти слово в слово повторяют тезисы ученых XIX в. Г. Шухардта и Р. Каста [Schuchardt 1884; Cust 1899] о неуниверсальности теории родословного древа. Здесь автор описываемой монографии выходит за пределы африканского континента и, анализируя все известные науке случаи «смешанных языков», делает вывод, что такие языки являются социолектами, возникающими в определенных социальных условиях с целью поиска самоидентификации некото-

рого языкового сообщества, находящегося на пересечении двух этнокультурных традиций (с. 243–245). Они представляют собой промежуточные стадии реструктуризации языка под воздействием процесса креолизации, однако языком-предком для них во всех случаях является только один.

Автор, таким образом, продолжает стоять на позициях младограмматической теории, однако ищет новые объяснения, которые современные социолингвистика, ареальная лингвистика и типология могут дать различным языковым явлениям. Эти объяснения будут актуальны именно для Африки, где этническая и культурная идентичность вовсе не всегда связаны с языком. Многоязычие столь широко распространено, а переход с одного языкового регистра на другой воспринимается столь обыденно, что можно лишь согласиться со словами автора: «язык – как кусок ткани, который можно надеть на себя и снять обратно» (с. 262).

В третьей части книги Диммендаль предлагает целый ряд уточнений к существующей генетической классификации африканских языков. На с. 407–408 приводится обобщающая таблица, суммирующая взгляды автора на состав основных макросемей языков Африки. В частности, из состава нигеро-конголезской макросемьи им выводятся семьи убанги, манде, догон и иджо, а из состава нило-сахарской макросемьи – семьи сонгаи, коман, а также изолированный язык гумуз. Составляющие койсанской макросемьи Гринберга (северные, центральные, южные койсанские языки, а также язык хадза) автор считает генетически независимыми. Эти взгляды во многом отражают современный взгляд на классификацию языков Африки, однако стоит заметить, что в книге они не обосновываются на языковом материале.

Необходимо отметить ряд недостатков и неточностей, содержащихся в монографии. В частности, автор весьма вольно обращается с таксономической терминологией: непонятно,

на каком основании им используются термины «ветвь», «группа» и «семья» языков. На с. 72 и сл. автор явно путает лексикостатистику и глоттохронологию как один из ее методов.

В книге имеется ряд ошибок. Так, форма английского прилагательного сравнительной степени *better* ошибочно названа степенью превосходной (с. 62). Есть ошибки в написании личных имен: на с. 203 это имя лингвиста-индолога М. Эмено, но особенно обидно, что на с. 137 неверно записана фамилия российского африканиста В.А. Виноградова, на работу которого дается ссылка, причем в библиографии эта работа отсутствует. Можно заметить и некоторые ошибки в глоссировании фразовых примеров (например, на с. 235).

Впрочем, эти и некоторые другие досадные недочеты не умаляют значимости работы Геррита Диммендаля для развития сравнительно-исторического изучения языков Африки и для африканского языкознания в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Cust 1899 – R. Cust. *Language: Its I. Birth, II. Development and life, III. Decay and death.* London, 1899.
- Greenberg 1963 – G. Greenberg. *The Languages of Africa.* The Hague; Bloomington, 1963.
- Güldemann 2011 – T. Güldemann. *Towards the synchronic macro-areal profile of Africa* // <http://email.eva.mpg.de/~gueldema/pdf/AfricanMacro-areasH.pdf>
- Schuchardt 1884 – H. Schuchardt. *Slawo-deutsches und Slawo-italienisches.* Graz, 1884.

К.В. Бабаев

Сведения об авторе:

Кирилл Владимирович Бабаев
Институт востоковедения РАН
kbabaev@gmail.com

L. Jusufi. Die zentralgegische Mundartengruppe in Mazedonien. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2011. 229 S. (Albanische Forschungen 30.)

Начало XXI столетия стало неожиданно плодотворным периодом в развитии албанской диалектологии. В 2007–2009 гг. вышел долго ожидавшийся «Диалектологический атлас албанского языка [Gjinari et al. 2007–2008], представляющий собой обобщение достаточно интенсивной и объемной работы албанских диалектологов, проводившейся в основном в 50–80-е годы прошлого столетия¹. Появление в рамках проекта Малого диалектологического атласа балканских языков (о задачах

атласа см. [Соболев 2003: 10–16]) двух диалектологических описаний – соответственно гегского [Юллы, Соболев 2003] и тоскского

¹ Об этом издании, включающем в себя 634 карты по фонетике, морфологии, лексике и в меньшей степени синтаксису и охватывающем 145 пунктов в Албании, Косово, Македонии, Черногории, Сербии, Хорватии, Греции и Италии, см., в частности, [Русаков 2009].

[Юллы, Соболев 2002] говором – обогатило албанистику первыми подробными исследованиями диалектного морфосинтаксиса. Со второй половины 1990-х годов активизировалась диалектологическая работа в Косово и Македонии.

Рецензируемая работа, без всякого сомнения, представляет еще один существенный вклад в диалектологическое изучение албанского языка. Монография Люмние Юсуфи является первым сводным описанием фонетики среднегегских говором² Македонии и наиболее подробным исследованием, посвященным македонским албанским говорам в целом.

Надо заметить сразу, что среднегегские говоры представляют особый интерес для албанской диалектологии, поскольку демонстрируют ряд любопытных явлений (почти исключительно в фонетике), чуждых другим албанским диалектам. Наиболее яркой чертой этих говором является системное изменение большей части ударных гласных, как долгих, так и кратких: гласные верхнего подъема дифтонгируются (/i/ > /aj/, /ej/, /əj/, иногда /e/; /u/ > /ou/, /au/ и др., изменения /u/ происходят только в восточной части среднегегского ареала); /a/ и /o/ продвигаются вперед и дают, соответственно, /ä/ и /ö/ (/o/ иногда переходит в нисходящий дифтонг типа /ou/); /y/ либо переходит в /i/ (а затем и дифтонгируется), либо дает /ö/; в некоторых диалектах (преимущественно восточных) наблюдаются и изменения /e/. Из других диагностических для среднегегских (и только среднегегских) диалектов явлений следует упомянуть фонетически не обусловленный переход $g > gj /ĝ/$ и групп $tj, dj > q /ḳ/, gj /ġ/$ (и дальнейшее развитие их в аффрикаты). В историческом плане считается, что основные осо-

² В вопросе классификации албанских говором я следую схеме, предложенной А.В. Десницкой. Согласно ее классификации, гегские говором делятся на три большие зоны – северногегскую (в свою очередь подразделяющуюся на северозападные и северовосточные гегские говором), среднегегскую и южногегскую [Десницкая 1968]. Эта классификация отличается от аналогичных схем, используемых албанскими диалектологами, лишь не очень значительными деталями. Так, Й. Ѓинари и другие албанские диалектологи (см., к примеру, [Gjinari, Shkurtaj 2009]) подразделяют гегскую зону на северногегскую и южногегскую, а внутри последней выделяют «центральногегский» (среднегегские диалекты, по Десницкой) и «гегский средней Албании» (южногегский). Л. Юсуфи вслед за албанскими диалектологами использует термин «центральногегский» (Zentralgegisch).

бенности среднегегской зоны возникли достаточно рано. Известный албанский диалектолог и автор обобщающих работ по среднегегским говорам Бахри Беци [Besic 1987; 2007] связывал их появление с тем, что основные «среднегегские» области (Мат и Дибра) составляли в первой половине XV столетия ядро княжества Кастриотов. Совпадая с основной зоной вооруженной борьбы Георгия Кастриота (Скандербега) с турками, эта территория подверглась после поражения особенно сильному разорению и опустошению, в частности, демографическому (см., например, [Schmitt 2010: 244]), а затем стала объектом интенсивного османского администрирования. Все это не могло не привести к движению населения. По-видимому, в эти ранние века османского господства – эпоху фрагментаризации албанского этноса и этнических перемещений – могли возникнуть и основные особенности среднегегской диалектной зоны. Албанские диалектологи (см. [Besic 1987]) подразделяют среднегегские говором на западные и восточные – по линии, проходящей чуть западней государственной границы Албании и Македонии.

Монография состоит из четырех основных разделов и приложения на лазерном диске, содержащего аудиозаписи и расшифровки диалектных записей, легших в основу исследования.

Первый раздел «Экстралингвистическая ситуация» (с. 1–31) представляет собой подробный и интересный очерк об албанцах в Македонии. Здесь мы находим сведения об области расселения албанцев³, их хозяйственной деятельности, обслуживающих их образовательных учреждениях, особенностях народной культуры и др. Особый интерес представляет раздел «История расселения», где предварительно сформулированы некоторые важные положения, которые затем подтверждаются основным исследованием. На основании анализа исторических источников (прежде всего, анализа собственных имен в турецких переписях населения), с одной стороны, и передающихся из поколения в поколение сведений о происхождении информантов, почерпнутых из интервью, с другой, Юсуфи приходит к выводу о сравнительно позднем расселении носителей среднегегских диалектов в Македонии⁴. Тем

³ Следует сразу отметить – и это отличает монографию Юсуфи от многих старых албанских диалектологических описаний – высокий уровень иллюстративного материала: в работе помещено 38 карт.

⁴ В Македонии кроме среднегегских говором имеются также сравнительно небольшие зоны распространения северовосточных гегских и южногегских, а также тосских говором.

самым формулируется важный тезис о *переселенческом* характере этих говоров.

Во втором разделе «Состояние исследований» (с. 33–44) автор приводит исчерпывающую информацию об имеющихся работах по албанским говорам Македонии. Обращает на себя внимание достаточно критическое отношение Л. Юсуфи к материалам «Диалектологического атласа албанского языка» в той его части, которая касается пунктов на территории Македонии⁵.

Третий раздел «Анализ языкового материала» (с. 45–164) представляет собой основную исследовательскую часть работы. После краткого теоретического вступления (автор опирается на работы немецких фонологов, прежде всего, Э. Тернеса, продолжающих традиции пражской фонологии) Л. Юсуфи описывает применяемую ей методику, состоящую в сочетании записей свободных интервью у информантов пожилого возраста (всего было записано 62 интервью продолжительностью от 1 мин. 43 сек. до 13 мин. 23 сек., все интервью приводятся в Приложении) и целевых интервью, записанных у молодых информантов и нацеленных на уточнение конкретных фонологических признаков.

Основную часть раздела составляет презентация полученных данных. Семь основных параграфов главы соответствуют регионам Македонии, в которых проживают носители среднегегских говоров. При этом в результате анализа для отдельных регионов постулируется несколько говоров. Всего, таким образом, в рамках среднеггского ареала в Македонии выделяется двадцать различных говоров. Для каждого говора сообщаются сведения о составе вокалической и консонантной системы, об основных фонологических оппозициях и об особенностях фонетической реализации фонем.

В особую группу Юсуфи выделяет малоисследованный говор Дибранской Реки. Автор высказывает (с. 16) предположение о том, что носители всех этих говоров (кроме среднеггских!) являются потомками старожильческого албанского населения на территории Македонии. К сожалению, это, в принципе, интересное предположение не подтверждается убедительной аргументацией.

⁵ Эта критика во многом справедлива: по политическим причинам авторы атласа были лишены возможности проводить полевую работу в Югославии, и материал по большей части югославских пунктов был собран в Албании у информантов – выходцев из соответствующих регионов, что снижало его достоверность.

Четвертый и заключительный раздел монографии носит название «Реконструкция мозаики» (с. 164–216). Он представляет собой интересный, добросовестный и содержательный анализ материала, обсужденного в предыдущем разделе. Л. Юсуфи выделяет 21 релевантный для среднеггских говоров диагностический фонетический признак (8 для консонантизма и 13 для вокализма) и подробно их рассматривает. Реализация каждого признака картографируется и подробно комментируется. В ряде случаев автору удается прийти к чрезвычайно интересным выводам. Это относится, прежде всего, к вокалическим изменениям, в частности к дифтонгизации гласных верхнего подъема. В албанистике традиционно считалось, что в среднеггских говорах имеется высокая вариативность в отношении этого параметра. Действительно, в одних словах дифтонгизация присутствует, в других нет. Л. Юсуфи как будто бы удалось установить позиционную обусловленность процессов дифтонгизации (а также изменений гласных неверхнего подъема). Интересно, что в качестве звука, позиционно обуславливающего / не обуславливающего дифтонгизацию, выступает, прежде всего, *предшествующий* согласный. Так, весьма последовательно во всех говорах дифтонгизация происходит после глухих смычных и не происходит после звонких. Эта интересная ситуация нуждается в верификации на материале среднеггских говоров Албании (в первом приближении эта закономерность прослеживается и там). В принципе дальнейшее углубленное исследование позиционной обусловленности среднеггской дифтонгизации может позволить осветить вопрос о фонетической природе возникновения этого явления. Важным моментом, позволяющим установить относительную хронологию некоторых среднеггских фонетических процессов, является обнаруженная Л. Юсуфи закономерность, согласно которой по крайней мере в некоторых говорах по-разному воздействуют на последующий гласный аффриката /tʃ/, «продолжающая» соответствующую общепалатальную аффрикату, и /tʃ/, возникшая из палатального /k/ (последняя дифтонгизацию никогда не вызывает).

В заключительном параграфе Л. Юсуфи подводит основные итоги работы. Она еще раз указывает на переселенческий характер среднеггских говоров Македонии, подчеркивая, что для периферийных областей албаноязычного ареала этот аспект диалектной истории, отражающийся и на современном состоянии говоров и их взаимоотношениях, чрезвычайно важен. Представляется, однако, что такой подход, в полной мере учитывающий миграцион-

ный фактор, необходимо распространить и на историко-диалектологическое изучение диалектов внутри самой Албании.

Достоинства исследовательских разделов работы Л. Юсуфи явно перевешивают недостатки. Из последних упомяну лишь два⁶.

1) Автор, как уже говорилось, выделяет двадцать среднегегских говоров, бытующих на территории Македонии. Остается, однако, не совсем ясно, в какой степени они выделяются на основании чисто лингвистических, а в какой – на основании географических признаков. Делу мог бы помочь эксплицитный список диагностических признаков этих говоров.

2) В работе рассматривается лишь звуковой строй названных говоров. Конечно, неверно упрекать автора за то, чего в его исследовании нет, но все же читатель вправе ожидать в монографии, называющейся «Среднегегские говоры в Македонии», хотя бы несколько слов об их грамматике и лексике. Положение отчасти спасает наличие приложения – вдумчивый и прилежный читатель сможет обнаружить в диалектных текстах ответы на интересующие его вопросы.

Хочу, однако, в заключение еще раз повторить, что работа Л. Юсуфи вне всякого сомнения является весьма ценным вкладом в современную албанскую диалектологию.

---

⁶ Мне не хотелось бы касаться тут некоторых фонологических моментов. Так, я не уверен, что взаимоотношения «звуков» /i/ и /aj/ можно рассматривать как в полном смысле слова аллофонные: как показывает сама Л. Юсуфи, они все же иногда встречаются в идентичном звуковом окружении (так, дифтонгизация не затрагивает новые слова, заимствования и т.д.). Как представляется, однако, основная ценность рассматриваемой работы заключается не в постановке и решении теоретических проблем, а в анализе конкретного языкового материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Десницкая 1968 – *А.В. Десницкая*. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968.
- Русаков 2009 – *А.Ю. Русаков*. О границах и переходах на лингвистической карте Албании (некоторые размышления над первым томом «Диалектологического атласа албанского языка») // Балканские чтения, 10: Тезисы и материалы. М., 2009.
- Соболев 2003 – *А. Н. Соболев* (ред.). Малый диалектологический атлас балканских языков. Т. 1. München, 2003.
- Юллы, Соболев 2002 – *Дж. Юллы, А.Н. Соболев*. Албанский тоскский говор села Лешня (Краина Скрапар). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg, 2002.
- Юллы, Соболев 2003 – *Дж. Юллы, А.Н. Соболев*. Албанский гегский говор села Мухурр (Краина Дибыр). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. München, 2003.
- Beci 1987 – *B. Beci*. Të folmet qendrore të gegërishtes // Dialektologjia shqiptare V. Tiranë, 1987.
- Beci 2007 – *B. Beci*. Të folmet qendrore të shqipes së veriut. Gegërishtja qendrore dhe grupimi i të folmeve të saj. Tiranë, 2007.
- Gjinari et al. 2007-2008 – *J. Gjinari, B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani*. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. Vëllimi I–II. Napoli, 2007–2008.
- Gjinari, Shkurtaj 2009 – *J. Gjinari, Gj. Shkurtaj*. Dialektologji. Tiranë, 2009.
- Schmitt 2010 – *O.J. Schmitt*. Skanderbeg. Eine Reinterpretation // The living Skanderbeg. The Albanian hero between myth and history. Hamburg, 2010.

А.Ю. Русаков

Сведения об авторе:

Александр Юрьевич Русаков
Институт лингвистических исследований РАН
ayurusakov@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

V Международная конференция по когнитивной науке

19–23 июня 2012 г. в Калининграде прошла V Международная конференция по когнитивной науке. Ее организаторами выступили Межрегиональная ассоциация когнитивных исследований (МАКИ), Центр развития межличностных коммуникаций, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта при поддержке правительства Калининградской области, Института языкознания РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Института психологии РАН и Национального исследовательского центра «Курчатовский институт». Это мероприятие организуется каждые два года, предыдущие конференции прошли в Казани (2004), Санкт-Петербурге (2006), Москве (2008) и Томске (2010).

Заявленной целью конференции была организация форума для представителей наук, исследующих познание и его эволюцию, интеллект, мышление, восприятие, сознание, представление и приобретение знаний, язык как средство познания и коммуникации, мозговые механизмы познания и сложных форм поведения. Еще на этапе отбора тезисов приоритетом V Конференции была объявлена междисциплинарность: отбирались научные сообщения, результаты которых понятны и интересны не только узким специалистам, но и имеют значение для когнитивной науки в целом. Представители самых разных научных направлений – психологи, лингвисты, нейрофизиологи, специалисты по педагогике, искусственному интеллекту, нейронформатике, когнитивной эргономике и компьютерным наукам, философы, антропологи – имели возможность поделиться своими результатами и открытиями.

В конференции приняли участие более 500 ученых из 30 стран. В течение пяти дней было представлено более 100 устных и около 300 стендовых докладов. Тезисы докладов, с которыми можно ознакомиться на сайте конференции www.conf.cogsci.ru, а также на сайте МАКИ www.cogsci.ru, опубликованы в виде внушительного двухтомника.

Приглашенными докладчиками на этой конференции были Дэвид Чалмерс (Австралийский национальный университет), Дэниел Деннетт (Университет им. Тафтса), Киммо Каски (Университет Аальто), Саади Лалу (Институт социальной психологии, Лондон), Талми (Том) Гивон (Университет Орегона), Терренс Дикон (Университет Калифорнии в Беркли). Возможно, то обстоятельство, что конференция проходила в Калининграде (бывшем Кёнигсберге) – городе, неразрывно связанном с именем Иммануила Канта, заставило многих докладчиков обратиться к общефилософским и онтологическим вопросам – о природе сознания и самосознания человека (Д. Чалмерс), о природе языка и его связи с другими биологическими механизмами (Т. Гивон, Т. Дикон), о методах научного познания мира (Д. Деннетт).

На академическом открытии конференции Президент МАКИ Ю.И. Александров (Москва) обратился к основам междисциплинарного подхода. Концептуальным мостом между разными научными дисциплинами он назвал *теорию функциональных систем*, разработанную П.К. Анохиным. Механизмы информационных систем, управляющие развертыванием функциональных систем организмов, нельзя свести к физиологическим, молекулярно-биологическим или психологическим процессам. Суть системного решения заключена в следующем: психические процессы, характеризующие организм и поведенческий акт как целое, и нейрофизиологические процессы, протекающие на уровне отдельных элементов, сопоставимы только через информационные системные процессы, т.е. процессы, организующие элементарные механизмы в функциональную систему. Иначе говоря, психические явления могут быть сопоставлены не с самими локализуемыми элементарными физиологическими явлениями, а только с процессами их организации. При этом психологическое и физиологическое описание поведения и деятельности оказываются частными описа-

ниями одних и тех же системных процессов. Взаимодействие индивидуума со средой, как на уровне нейрона, так и на уровне отдельного человека, описывается как формирование *структуры индивидуального опыта* в процессе обучения и последующих реализаций и реорганизаций этой структуры. Системы разных уровней состоят из различных компонентов, которые дополняют друг друга и взаимодействуют для получения полезного результата; взаимодополнение компонентов было продемонстрировано на межнейронном, межличностном и кросс-культурном уровне. Такой подход позволяет объединить психологические и естественнонаучные стратегии исследования в рамках единой методологии. В докладе обсуждались аспекты применения этого подхода в отношении различных проблем.

Выступление Д. Чалмерса (Австралия) «Сингулярность: философский анализ» («The singularity: A philosophical analysis») было посвящено так называемой технологической сингулярности – быстрому переходу от создания искусственного интеллекта к сверхинтеллекту: автор анализировал доводы в пользу «интеллектуального взрыва» и рассматривал его гипотетические формы, а также вытекающие из него практические и философские проблемы.

Пленарная лекция Д. Деннетта (США) «Свойства сознательного опыта: еще одна странная инверсия» («Properties of conscious experience: Another strange inversion») посвящена «странным инверсиям» рассуждений, при которых то, что традиционно считается причиной, оказывается эффектом. Теория Ч. Дарвина показала, что жизнь могла возникнуть без участия Творца. А. Тьюринг доказал, что вычислительным машинам не нужно понимание арифметики. Д. Юм считал, что наше мнение о причинах событий связано с нашим чувством ожидания, которое мы переносим на предметы внешнего мира. Вопрос, интересующий Деннетта – проецируем ли мы субъективные черты нашего опыта на реальный мир?

Доклад К. Каски (Финляндия) «Социальная сложность: можно ли ее анализировать и моделировать?» («Social complexity: can it be analyzed and modeled?») был посвящен использованию сетевого подхода (Network Theory) в изучении социального взаимодействия между разными людьми. Подобный подход применим в самых разных сферах, в том числе и для описания взаимодействия нейронов мозга. Современные средства коммуникации (в частности, мобильная телефонная связь) предоставляют удобные инструменты для изучения социальных отношений. В модели, представленной К. Каски, учитывалась частота телефонных звонков между каждой парой людей, и эта час-

тота определяла тесноту связи между элементами выстраиваемой модели. Очевидно, что связи между представителями одного сообщества, где много пересекающихся контактов и общих знакомых, будут теснее, чем между разными сообществами. Сильные (более тесные) связи позволяют делать сообщества сплоченнее, а более слабые связи обеспечивают взаимодействие между сообществами и объединяют всю структуру. Таким образом, слабые «межотраслевые» связи представляют собой своеобразную профилактику конфликтов между узкоспециализированными сообществами.

С. Лалу (Великобритания) в информационно насыщенной лекции «Контекст и репрезентация в деятельности: Теория инсталляции» («Context and representations in activity: installation theory»), указав на ограничения традиционных психологических методик, изложил собственные методы изучения сложного поведения человека. Один из них заключается в использовании миниатюрной видеокамеры, которая записывает в течение нескольких часов всё, что видит и слышит субъект исследования. Эти записи затем разбираются вместе с субъектом, который комментирует свое психологическое и физическое состояние во время записи, объясняет мотивы своих поступков и т.д. Использование этого метода привело к созданию трехуровневой модели компонентов, влияющих на нашу повседневную деятельность: контекст, ментальные представления (и другие психические способности субъекта), контроль социальных институтов. В докладе показано, каким образом культурная среда, создавая определенные установки (installations), определяет поведение отдельных индивидуумов. Эволюция этих установок определяется адаптивным выбором между репрезентациями и объектами, контролируемым социальными институтами. В докладе также описано экспериментальное применение модели для создания определенной среды в целях повышения эргономичности работы коллектива.

Т. Гивон (США) обратился к биологическим основам человеческого языка, указав на систематическое сходство диахронического развития языка и биологической эволюции. В докладе «Синтаксическая сложность: развитие в перспективе» («Syntactic complexity: a developmental perspective») он представил развитие синтаксических структур как развитие любой другой сложной системы, где отдельные части выстраиваются в иерархическую структуру узлов и связей между ними. Синтаксическая сложность языка является результатом трех процессов – филогенеза, онтогенеза и диахронического развития языка. Возрастающая сложность в синтаксисе – это

процесс комбинации частей, принадлежащих к разным интонационным контурам, в сложные структуры, попадающие в единый интонационный контур. Теоретические положения своего доклада Т. Гивон проиллюстрировал на примере диахронического развития относительных предложений.

В докладе «Козволюция, деволуция и язык» («Coevolution, devolution and language») известный специалист по эволюционной генетике и нейролингвистике Т. Дикон (США) обратился к спорным вопросам эволюции языка. Возникновение языка связано, по мнению Т. Дикона, с постепенным становлением префронтальных механизмов коры, которые способны подавлять поверхностные перцептивные ассоциации и чисто эмоциональные вокализации, превращая их в контролируемые процессы понятийного обучения и общения посредством понятий. Развитие языка в концепции Т. Дикона осуществляется как бы «сверху вниз», из сферы мышления, а не «снизу вверх», из восприятия. Козволюция мозга заняла два миллиона лет: необходимость совместной социальной деятельности способствовала созданию языка, а языковая среда, в свою очередь, способствовала дальнейшему развитию мозга; каждый раз, когда мозг приспособлялся для работы с языком, язык усложнялся, и это заставляло мозг снова эволюционировать.

Содержательное описание конференции – это задача сродни известной притче про слона, которого ощупывали слепые мудрецы. Ни у одного из участников не было возможности охватить все аспекты этого грандиозного мероприятия – каждый выбирал какую-то часть докладов в зависимости от своих пристрастий и научных интересов и получал соответствующее представление о когнитивной науке (которая не так давно стала называться наукой в единственном числе, до этого были только отдельные направления – когнитивная лингвистика, когнитивная психология и т. д.). Следует отметить, что многие (хотя и не все) докладчики действительно приложили усилия к тому, чтобы сделать свои выступления доступными для неспециалистов, поэтому конференция получилась очень насыщенной и плодотворной в плане налаживания междисциплинарных связей. Все желающие имели возможность получить представление о том, какие методы используют и какие эксперименты проводят коллеги других специальностей, как аналогичные задачи по изучению понимания, познания, внимания и других когнитивных функций решаются методами разных наук.

Многие докладчики высказывали мысль о том, что нужно не только накапливать экспериментальные данные в разных областях, но и

осмыслять их в целом, поставить их на такую теоретическую основу, которая позволила бы выйти на качественно новый уровень понимания когнитивных процессов. В частности, затрагивались вопросы создания такого понятийного аппарата и методологии описания, которые могли бы объединить разные подходы внутри когнитивной науки.

Доклад К.В. Анохина (Москва) под названием «Когнитом – теория реализованных степеней свободы мозга», вызвавший живой интерес участников конференции, был посвящен теоретическому осмыслению огромного количества фактов и экспериментальных данных, накопленных на сегодняшний день в нейронауке о работе мозга. Головной мозг представляет собой комплекс тесно взаимосвязанных распределенных нейронных систем, динамические взаимодействия внутри и между которыми и составляют суть его функций. Искомая теория мозга должна объяснить происхождение таких систем в филогенезе, эмбриональном развитии и при обучении, связав их с функциями мозга у взрослого организма. Она должна разработать специфический язык, описывающий таксономию распределенных систем мозга, устройство внутрисистемных и межсистемных связей на макро- и микроуровнях и принципы их участия в динамической организации поведения. Необходимо также выявление структурного субстрата клеточных механизмов высших функций мозга, включая те, которые лежат в основе восприятия, памяти, мышления и сознания. Теорией, которая с самого начала разрабатывалась для решения всех перечисленных задач, является *теория функциональных систем*. Она предполагает, что взаимодействие организмов с окружающим миром и поддержание баланса их внутренней среды осуществляется репертуаром из сформированных в фило- и онтогенезе специализированных функциональных систем. Автором была представлена расширенная версия теории, включающая также эпифункциональные системы.

А.А. Кибрик (Москва) в исследовании «Недискретные эффекты в языке или Критика чистого разума 2» обратился к проблеме, с которой в той или иной степени сталкиваются все лингвисты, работающие с реальным языковым материалом – невозможности дискретной классификации языковых единиц на всех уровнях, начиная от фонологии и заканчивая дискурсом. Это явление выражается как в синтагматической нечленимости сочетаний отдельных элементов, так и в отсутствии четких границ между парадигматическими классами, типами и категориями. Недискретность и континуальность являются неотъемлемым свойством языка, а не проявляются на его периферии

как отдельные исключения из правил. Основной причиной того, что традиционно язык описывается в дискретных категориях, можно назвать то, что наука изначально была направлена на изучение внешних явлений физического мира, гораздо больше тяготеющих к дискретности, в то время как при изучении языка и других когнитивных явлений нельзя забывать, что наблюдатель одновременно оказывается и объектом наблюдения. В качестве одного из решений автор предлагает использовать для описания языка *фокальную структуру*, родственную понятию прототипа Э. Рош или радиальных структур Дж. Лакова: вычленяются прототипические и менее прототипические элементы и связи между ними.

М.А. Холодная (Москва) в докладе «Концептуальные структуры как психический носитель понятийных способностей» представила к обсуждению вопросы, связанные с понятийной идентификацией и способностью к категориальному обобщению. Данные вопросы рассматривались в контексте как психологического, так и лингвистического подходов. Основу акта понятийного отражения составляют «концептуальные структуры», или «концепты». На первый план выходит экспериенциальный подход: изучение механизмов естественной категоризации и концептуализации с учетом индивидуального опыта носителя языка. Важным является различие терминов «понятие» и «концепт». Понятие – это внешняя субъекту единица знания, которая может быть им усвоена. Концепт – это ментальная структура «внутри» индивидуального ментального опыта, соотношенная с определенным элементом символической системы (прежде всего словесным знаком) и выступающая в качестве психического носителя понятия.

Разбиение докладов на секции было нетривиальной задачей для организаторов конференции ввиду междисциплинарного характера докладов и большого разброса тем. Секции, вошедшие в программу конференции, лишь с некоторой долей условности можно отнести к традиционным научным дисциплинам – нейрофизиологии («Нарушения когнитивных функций», «Когнитивная нейронаука»), психологии («Когнитивное развитие», «Эмоции и познание», «Восприятие и внимание», «Интеллект и творчество», «История и теория когнитивной науки: психологические аспекты», «Научение и память»), лингвистике («История и теория когнитивной науки: лингвистические аспекты», «Когнитивная сложность», «Пространство и время»), психолингвистике («Кросс-культурные исследования», «Семантика и когнитивные структуры», «Фило- и онтогенез языковых структур», «Коммуникация

и понимание»), культурологии («Искусство и познание»), философии («История и теория когнитивной науки: философские и технологические аспекты»). Не всегда по названию доклада (и названию секции, на которой он был представлен) можно было с уверенностью определить, к какой области он относится, и даже на каком языке он будет звучать (многие выступавшие при наличии подавляющего большинства русскоязычных слушателей в аудитории предпочитали делать сообщение по-русски). Однако поскольку временные рамки выступлений соблюдались неукоснительно с точностью до минуты, а команда синхронных переводчиков работала слаженно и профессионально, эти факторы не создавали больших сложностей для участников конференции: всегда имелась возможность выбора не только секции, но и конкретного доклада.

Невозможно объективно решить, какие из сотни интересных и содержательных выступлений на конференции были наиболее значительными и важными, поэтому выбор упоминаемых докладов (в основном связанных с лингвистической тематикой) зависел от личных впечатлений авторов этой статьи.

В лингвистических материалах затрагивались разные аспекты полисемии. Так, вопрос производных значений слов, которые не хранятся в памяти носителя языка и не входят в лексикон языка, а порождаются говорящим для описания конкретного объекта-референта и реконструируются слушающим, воспринявшим его фразу и описываемую ею референтную ситуацию, обсуждался в выступлении А.Д. Кошелева (Москва) «Концептуально-смысловая модель образования лексической полисемии».

В докладе Т.В. Черниговской, А.В. Дубасовой и Е.И. Риехакайнен (Санкт-Петербург) «Лексическая неоднозначность и организация ментального лексикона» были представлены результаты ряда экспериментальных исследований, посвященных устному и письменному восприятию лексически неоднозначных фрагментов речевого сигнала. В частности, было показано, что различные факторы отвечают за разные стадии обработки и влияют на восприятие с разной степенью интенсивности.

В лингвистическо-математическом исследовании Г.Е. Крейдлина и Г.Б. Шабата (Москва) «Когнитивные операции над текстами», представленном на секции «Когнитивная сложность», рассматривались четыре когнитивные операции над математическими текстами: специализация, десигнация, универсализация и экзистенциализация. Особое внимание авторы уделяли случаям, интересным с мате-

матической, лингвистической и когнитивной точек зрения. По мнению авторов, понимание этих когнитивных операций составляет суть понимания как математических, так и нематематических текстов.

Естественным результатом исследований в когнитивном ключе явилось привлечение лингвистами данных психологии, а психологами – лингвистических данных. Доклад Н.А. Слюсарь (Санкт-Петербург/Нидерланды) и А.М. Пунченко (Санкт-Петербург) «В поиске индивидуальных грамматик: как разные носители русского языка оценивают предложения с притяжательными местоимениями» был посвящен результатам исследования, продемонстрировавшим значительное разнообразие индивидуальных грамматических моделей, которые не могут объясняться лишь степенью приверженности к литературной норме. Результаты исследования обсуждались в рамках генеративизма.

В центре внимания выступления С.А. Пашевой (Курск) и Т.Ю. Сазоновой (США) «Сенсомоторные репрезентации в ментальном лексиконе» оказались связи между языком, восприятием и действием. Авторы продемонстрировали, что сенсомоторная информация является неотъемлемым компонентом лексической семантики – как для объектов, так и для действий, а степень участия данной информации зависит от глубины семантической обработки.

А.А. Котов (Москва) в докладе «Анализ коммуникативных стимулов в корпусе эмоциональных диалогов» рассказал о разработках в области моделирования эмоционального поведения с учетом эмоциональных стимулов, стратегий вежливости и различных способов выражения конкурирующих реакций на основании корпуса, включающего вербальные и невербальные (жестовые и мимические) проявления эмоций и различные сценарии коммуникативного поведения. В корпусе описаны линейные последовательности (паттерны) вербальных и невербальных действий, с учетом действий собеседника и возможности влияния на него, а также предусматриваются возможности выбора одной из конкурирующих коммуникативных стратегий или совмещение (например, отказ от невербального выражения агрессии в конфликтной ситуации может компенсироваться иронией в речевом компоненте).

Вопросы фило- и онтогенеза языковых структур рассматривались в самых разных аспектах – происхождение языка, усвоение, формирование речевых и коммуникативных навыков. В выступлении С.А. Бурак (Москва) «Роль эффекта Болдуина в происхождении человеческого языка» обсуждалось влияние

на происхождение языка так называемого эффекта Болдуина – эволюционного механизма, в ходе которого каждое эволюционное событие начинается с вариативного поведения организмов, а заканчивается закреплением в генах тех особенностей, которые способствуют оптимальной реализации наиболее адаптивного поведенческого варианта. По мнению автора, данный эффект мог сыграть значительную роль в формировании языковой способности.

В.В. Бочкарев и В.Д. Соловьев (Казань) в исследовании «Новые данные по скорости изменения языков» впервые представили данные по скорости изменения всего лексикона, а не только его ядра. Полученные авторами результаты в целом подтвердили гипотезу о постоянстве скорости языковых изменений и, соответственно, о большей роли в эволюции языка внутренних когнитивных механизмов по сравнению с внешними социокультурными факторами.

В докладе Т.Н. Ушаковой и С.С. Беловой (Москва) «Когнитивно-коммуникативные предпосылки раннего речевого развития» анализировались три линии раннего развития ребенка: а) голосовых звуков, б) интонации вокализаций, в) когнитивно-мотивационной сферы; в результате анализа авторы пришли к выводу о том, что в основе приобретения ребенком первых имитируемых слов лежит «поведенческий вербальный паттерн» – дифференцированное голосовое (первоначально интонационное) реагирование ребенка в ответ на разные психические состояния.

В выступлении В.В. Казаковской (Санкт-Петербург) «Отрицательный инпут: данные русской спонтанной речи» обсуждались прагматические, коммуникативные и структурные характеристики реплик-реакций русскоязычного взрослого на ошибочные и «неполные» глагольные высказывания ребенка раннего возраста. Результаты, в частности, показали, что, вопреки тезису о «лингвистической бедности» обращенной к ребенку речи взрослого, реакции взрослых предоставляют ребенку достаточные позитивные и негативные свидетельства для развития различных компонентов коммуникативной компетенции ребенка.

Заметную долю традиционно занимали доклады, посвященные различным нарушениям мозговых функций, в том числе языковых способностей и связанных с ними других когнитивных способностей. Материал выступления «Электрофизиология языковой деятельности: доказательство существования двойного разделения моторной и сенсорной афазии», представленный О.В. Драгой, С.В. Алиантовой и А.Н. Юрченко (Москва), посвящен

исследованию нарушения понимания речи у больных с моторным и динамическим типами афазии. Известно, что у больных с моторной афазией основные проблемы связаны с морфосинтаксическим уровнем языка, в то время как больные с сенсорной афазией испытывают трудности на лексико-семантическом уровне. Эксперимент с участием здоровых испытуемых и больных с данными типами афазии предоставил электрофизиологические свидетельства того, что присутствует явление двойного разделения моторной и сенсорной афазии.

Р. Гренивольд, Р. Бастиансе, М. Хюскес (Нидерланды) в докладе «Прямая речь в афатическом дискурсе» («Direct speech in aphasic discourse») сравнивают употребление прямой речи в речи здоровых говорящих и больных с различными типами афазии. Здоровые говорящие употребляют прямую речь реже, чем больные с афазией. Исследователи объясняют это тем фактом, что использование прямой речи для передачи действий, мыслей и речи третьих лиц является стратегическим приемом, позволяющим избежать употребления нечастотных слов и сложных грамматических конструкций. Как правило, больные с афазией Брока не используют вводный глагол при прямой речи, в то время как больные с аномией употребляют вводные глаголы.

Группа исследователей под руководством Т.В. Ахутиной (Е.В. Печенкова, Р.М. Власова, В.Е. Сеницын) (Москва) представила доклад «Мозговые механизмы актуализации имен существительных и глаголов по данным афазиологии и нейровизуализации», в котором показала, что мозговая организация употребления слов скорее зависит не от части речи (глагол или существительное), а от способа актуализации слова (по синтагматическим или по парадигматическим связям) и может быть различной для одних и тех же частей речи при различных способах их актуализации. Использование синтагматических связей изучалось в задании на завершение предложения, парадигматические связи исследовались с помощью ассоциативного ряда. Данная работа позволила сделать вывод, что актуализация названий предметов и действий предполагает активацию одних и тех же лобно-височных отделов, но вовлечение синтаксических процессов (актуализация синтагматических связей) вызывает дополнительную активацию левой нижней лобной извилины.

Пространство и время как базовые факторы, определяющие рамки нашего существования и, соответственно, оказывающие огромное влияние на когнитивные механизмы человека, конечно, не были обойдены вниманием: им на конференции была посвящена отдельная секция. М.Б. Бергельсон (Москва) представи-

ла результаты работы группы исследователей (М.Б. Бергельсон, О.В. Драгой, Е.А. Искра, Е. Маннова, А. Скворцов и А. Статников, Москва) в докладе, посвященном когнитивным нарушениям при обработке пространственных значений («What is normal when we are impaired: cognitive effects in processing space»). «Пространственный фактор» задействован в самых разных задачах, включая обработку визуальных стимулов и языковых конструкций (предложных, сравнительных, инструментальных, временных и т.п.). Было показано, что необратимые конструкции (*мальчик кладет мяч в коробку*) обрабатываются значительно лучше, чем обратимые (*мальчик кладет корзинку в коробку*), поскольку позволяют учитывать знания о мире. Кроме того, конструкции, описывающие повседневную наблюдаемую реальность (предложные, инструментальные и временные), более доступны, чем использующие абстрактные метафоры движения и положения в пространстве (принадлежность и сравнение). Что касается разных типов нарушений, то пациенты с сенсорной (акустико-мнестической) и моторной афазией при обработке обратимых конструкций сделали больше ошибок, но число ошибок в необратимых конструкциях также превышало норму, так что их пропорции в обратимых и необратимых конструкциях у этих пациентов оказались такими же, как у здоровых людей. Пациенты с семантической афазией делали специфические пространственные ошибки, встречаясь с обратимыми конструкциями, но их результаты не отличались от результатов здоровых людей при обработке необратимых конструкций.

Л. Бос, Л. Стов и Р. Бастиансе (Нидерланды) представили доклад «Как мозг обрабатывает глаголы настоящего времени, которые относятся к прошлому» («How the brain processes Present Tense verbs that refer to the past»). Согласно ранее проведенным исследованиям, у пациентов с афазией затруднено порождение и восприятие глаголов в прошедшем времени по сравнению с глаголами настоящего времени. Гипотеза дискурсивного связывания прошедшего времени объясняет данный факт тем, что для понимания глаголов прошедшего времени необходимо связать их с каким-либо событием в дискурсе. В докладе описан эксперимент, который доказал, что здоровые испытуемые и больные афазией одинаково обрабатывают глаголы прошедшего времени и глаголы настоящего времени, относящиеся к прошлому, при этом пациенты с афазией иным образом обрабатывают глаголы настоящего времени, относящиеся к настоящему.

М.Н. Конова (Калининград) в выступлении «Концептуальные метафоры времени

в английском и русском языках» («Conceptual metaphors of Time in English and Russian») рассмотрела изменение метафор, связанных с концептом времени, в русском и английском языках. В Средневековье время понималось как «дар Божий» (христианская модель времени). Изменение ценностей в обществе привело к экономической модели времени, где время понимается как ресурс. В русском языке употребление данной модели известно с XVIII в., но особое распространение данная метафора приобрела в последние 15–17 лет. Во второй половине XX в. возникла третья, техноцентрическая модель времени, в которой время осмысливается как виртуальная сущность.

Методы семантического анализа и лингвистической типологии также дают чрезвычайно интересный материал для размышления о том, как устроено человеческое мышление. Так, в докладе группы московских исследователей (Т.И. Резникова, Е.В. Рахилина и др.) «Тонкий запах, нежный вкус: о лингвистической иерархии перцептивных каналов» на материале разработанной ими базы данных по семантическим переходам было показано, что нарушения шкалы сенсорных модальностей, т. е. иерархии: зрение > слух > осязание > вкус / обоняние, носят гораздо более массовый характер, чем предполагалось ранее. Исследователи делают вывод, что разные типы восприятия в сознании человека находятся в тесном взаимодействии и взаимопроникновении, а не представляют собой жесткую иерархию.

Во время конференции прошли три чрезвычайно насыщенные информацией стендовые секции – жанр, позволяющий получить информацию не в форме монолога, а в процессе живого общения, дающий возможность при желании погрузиться в совершенно новые области знания и получить ответы на свои вопросы непосредственно в момент их возникновения. Стендовых докладов было в три раза больше устных, а разнообразие тем сильно превышало когнитивные возможности человека за отведенное время получить сколько-нибудь полное представление о том, что происходит. Качество и содержательность стендовых докладов были ничуть не ниже большинства представленных на устных секциях (с материалами можно ознакомиться на сайте конференции <http://conf.cogsci.ru>).

Последний день конференции был полностью посвящен более специализированным по темам воркшопам, участники которых уже не отбирались оргкомитетом, а приглашались непосредственно их руководителями: Ярбусовский воркшоп «Активное зрение, познание и коммуникация» (ведущие Б.М. Величковский, Й. Хелмерт, С. Паннаш), «Нейрокогнитивные механизмы языкового поведения чело-

века» (А. Мячиков, К. Шиперс, Ю. Штыров), «Электронные корпуса звучащей речи как инструмент изучения когнитивных механизмов речепорождения» (В.И. Подлеская), «Высшие когнитивные функции животных» (М.А. Ванчатова, З.А. Зорина), «Когнитивное компьютерное моделирование» (Г.С. Осипов, А.И. Панов), «Особенности активности мозга в норме и при различных видах психической патологии» (В.Б. Стрелец), «Принятие решений» (И.Г. Скотникова, Ю.Е. Шелепин). Кроме этого был проведен отдельный симпозиум «Когнитивное развитие дошкольников и проблемы подготовки детей к школе» (М.М. Безруких).

В сфере интересов докладчиков воркшопа по электронным корпусам оказались вопросы сегментирования и подробного транскрибирования речи, описания и классификации полученных единиц.

В выступлении Э. Крести и М. Монеглия (Италия) «Взаимоотношения между информационным паттерном и синтаксисом в рамках теории “язык – действие”» («The relationship between information patterning and syntax in the frame of the language into act theory») на материале нескольких языков (итальянского, французского и бразильского португальского) показано, что теоретические предположения относительно типов и структуры разных высказываний вполне подтверждаются.

В докладе «Просодические и сегментные единицы: взгляд с точки зрения разговорного иврита» Ш. Изрээль (Израиль) («Prosodic and segmental units: a view from spoken Israeli Hebrew») приведены свидетельства из современного иврита, подтверждающие наблюдения о том, что базовой единицей звучащей речи является некоторая структура, выделяемая в первую очередь на основании просодии. Разные исследователи называют ее по-разному: просодическая группа (Ш. Изрээль), клауза (У. Чейф), высказывание (Э. Крести, М. Монеглия), элементарная дискурсивная единица (А.А. Кибрик, В.И. Подлеская) и т.д. Одна из важных особенностей этой единицы, которая выявилась в результате многочисленных корпусных исследований, является то, что интонационное деление совпадает с синтаксическим всего в половине случаев, хотя именно простое предложение является прототипической интонационной единицей разговорной речи. Интонационные единицы объединяются в более сложные структуры аналогично тому, как сложное предложение состоит из простых. Такая интонационная структура, которая заканчивается финальным падением высоты тона, названа «парагон». Ранее в докладе, представленном на секции «Кросс-культурные исследо-

вания», австрийские исследователи Г. Фенк-Оцлон и А. Фенк в докладе «Темп речи в разных языках» («Differences in the intrinsic tempo of languages») показали, что средняя продолжительность интонационной единицы в разных языках приблизительно одинаковая (около 2 сек.). Такая единица включает в среднем 7 слогов, от 5 сложных, состоящих из нескольких фонем, до 11 простых, образованных только двумя фонемами. При этом длительность слогов различалась в соответствии со средним числом фонем в слоге (чем сложнее слог, тем больше времени требуется для его произнесения).

В выступлении Н.А. Коротаяева (Москва) «Транскрипция устного русского дискурса: три уровня сложности», опиравшемся на корпус «рассказов о сновидениях», были подробно описаны разные подходы к транскрипции устного дискурса с точки зрения требуемой детальности представления данных. Минимальный уровень детализации предполагает только разбиение транскрипции на интонационные единицы и специальные обозначения для незаконченных единиц. На втором уровне добавляются знаки пунктуации, отражающие финальность или незаконченность интонационной единицы и ее роль в локальной структуре, также отмечаются прерванные или незавершенные фрагменты. Детальное описание устной речи включает заполненные и незаполненные паузы с указанием их продолжительности, фразовые акценты и направление изменения основного тона, удлинение гласных, придыхание и другие особенности артикуляции, изменение скорости и громкости речи. Такую транскрипцию можно считать полной (с той оговоркой, что никакая запись не может на самом деле полностью отражать все особенности речи). Учитывая трудоемкость создания полной транскрипции, а также трудности, которые могут возникнуть при ее прочтении, в каждом конкретном случае исследователи могут выбирать нужный уровень детализации в соответствии с целями и задачами своей работы.

А.О. Литвиненко (Москва) в докладе «Стратегии передачи прямой речи в устном русском нарративе» показала, что при необходимости передать чужую речь рассказчик сталкивается с двумя противоречащими друг другу задачами: как можно лучше встроить цитату в собственный дискурс и передать цитату как можно ближе к «оригиналу». Первая цель выражается в использовании стратегии, называемой «косвенная речь» (в которой присутствует союз «что» и обычный для нарратива интона-

ционный контур), вторая ведет к встраиванию в монолог прямой речи (которая сохраняет все характеристики цитируемого материала, в том числе глагольные показатели). Между этими двумя полюсами находится так называемая полупрямая речь, в которой сохраняется типичная для прямой речи передача глагольных форм, но появляются маркеры приблизительности («там»), а интонационный контур ближе к тому, который используется в косвенной речи. А.О. Литвиненко показала, что чем более важный и центральный эпизод в нарративе, тем более характерно использование в нем косвенной речи. Также есть различия в использовании описанных стратегий при передаче речи и мысли, а также между детьми и взрослыми (последние чаще используют косвенную речь).

В перерывах между докладами можно было ознакомиться с прикладными аспектами когнитивной науки – испытать на себе компьютерные программы, регистрирующие движения глаз или распознающие эмоции, и осознать, что когнитивная наука все больше становится частью нашей повседневной реальности. Напоследок хочется отметить высокий уровень конференции во всех аспектах – научном, организационном, культурном – и пожелать организаторам дальнейших успехов.

*А.В. Дубасова, Ю.В. Мазурова,
Ю.В. Николаева, М.В. Худякова*

Сведения об авторах:

Анжелика Витальевна Дубасова
Санкт-Петербургский государственный университет
anzhalikad@gmail.com

Юлия Викторовна Мазурова
Институт языкознания РАН
mazurova.julia@gmail.com

Юлия Владимировна Николаева
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
julianikk@gmail.com

Мария Викторовна Худякова
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
mariya.kh@gmail.com

XXIV Европейская летняя школа по логике, лингвистике и информатике (ESSLI 2012)

6–17 августа 2012 г. в Ополе (Польша) прошла XXIV Европейская летняя школа по логике, лингвистике и информатике (ESSLI 2012). Ежегодно, начиная с 1989 г., это мероприятие проходит под эгидой Ассоциации логики, лингвистики и информатики (FoLLI) в одном из университетов Европы. В нынешнем году вниманию участников школы было предложено 48 лекционных курсов и семинаров, по традиции подразделенных на три «интерфейса»: «Language and logic», «Language and computation» и «Logic and computation». Наш обзор, нацеленный на читателя-лингвиста, рассказывает о ряде курсов из первых двух тематических блоков, т.е. дисциплинарно относящихся к формальной семантике и к компьютерной лингвистике.

Курсы интерфейса «Language and logic» объединяет ориентация на анализ естественного языка теми или иными логическими средствами, однако мотивация исследователей неодинакова: в одних случаях анализ нацелен преимущественно на непротиворечивое и максимально полное семантическое описание, в других во внимание принимаются и (аналитико-)философские проблемы, такие как онтологический статус множеств и интерпретация модальностей.

Курс «Multidimensional semantics», прочитанный Л. Прево и Л. Вьё (Франция), имел целью представить различные подходы к анализу естественного языка, основанные на выделении более чем одного «измерения» в семантическом представлении предложения. В число явлений, анализируемых таким образом, входят: личные местоимения и дейктические слова типа *сегодня*, *здесь*; прямая, косвенная и несобственно-прямая речь (*direct*, *indirect*, *mixed quotations*); пресуппозиции; вставные конструкции и сообщающие фоновую информацию клаузы (*supplements*); структура дискурса в рамках различных версий теории репрезентации дискурса (*Discourse representation theory*, *DRT*).

Понятие «измерения», ключевое для курса, не имеет единственного строгого определения и варьируется от подхода к подходу. Прототипическими случаями «многомерности» в семантике могут считаться те, когда интерпретация выражения зависит от нескольких эксплицитно указанных индексов (к примеру, возможного мира и временной точки соотнесения в грамматике Р. Монтегю), однако расширение инвентаря исходных семантических типов (скажем, за счет типа «utterances» у К. Поттса)

также ведет к «многомерности». Нет единства и в отношении того, является ли взаимонезависимость двух компонентов значения необходимым условием выделения их в разные «измерения». Открыт также вопрос о соотношении понятий «измерение» (*dimension*) и «уровень» (*level*). Так, дистрикцию Д. Каплана для местоимений «character/content» естественнее понимать как отражение различных уровней или этапов в процессе композиции значения (вначале *character* вместе с индексом контекста определяет *content*, который вместе с индексом возможного мира дает экстенционал), соотношение пропозиционального содержания высказывания и его роли в дискурсе – как низший и высший уровни анализа (*синтаксис vs. текст*). В то же время «double contribution» (явление, при котором цитируемый фрагмент участвует в семантике предложения одновременно как звуковая цепочка и как значимая единица речи, ср. «*My girlfriend bought me this tie,*» *said John, but I don't think she did* у Б. Парти) или сочетание в одном высказывании нескольких дискурсивных функций, напротив, представляют собой более или менее независимые «измерения».

Основной проблемой, затронутой в ходе курса «Plurals in semantics and philosophical logic» С. Флоридо (США, Великобритания) и О. Линнебо (Великобритания), был поиск корректного семантического представления для именных групп с семантическим признаком «множество». Среди трудностей, с которыми сталкивается всякий анализ, недистрибутивность (ср. англ. *Our group met, Tom and John met*, но **Tom met*) и некумулятивность (из *Эти линии параллельны* и *Те линии параллельны* не следует *Эти и те линии параллельны*) некоторых предикатов, а также логико-математические парадоксы теории множеств (ср. пример М. Резника *There are some sets that are self-identical, and every set that is not a member of itself is one of them*, представляющий собой истинное высказывание, но приводящий к парадоксу Рассела, если понимать *some sets* как обозначение некоторого множества множеств).

Авторы курса предлагают в качестве решения названных проблем так называемую «логику множественности» (*plural logic*), в которой вводятся особая синтаксическая категория множественных термов с множественной референцией и квантификация по ним. Таким образом, в примере Резника *some sets* имеет множественную референцию к множествам, а не единичную референцию к «множеству множеств». Один из вариантов *plural logic* располагает также предикатами, способными

принимать специфически множественные аргументы, что позволяет отразить недистрибутивность. Так, из *Холмс и Ватсон знакомы* можно вывести $\exists x$ (знакомы x), где x – переменная, пробегающая по множественностям, а предикат знакомы выполняется только множественностями (*Холмс знаком).

Ставится также вопрос о «надмножественных» (superplural) терминах и квантификации, причем аргументами в их пользу считается допустимость предложений типа *Эти люди и те люди соревнуются друг с другом* с предполагаемой интерпретацией «соревнуются две команды (т. е. множественность, составленная из двух множественностей), а не их участники один на один», а также существование в естественных языках единиц типа лит. *dveji* ‘две [пары]’. Примеры такого рода, так же как и постулируемое преимущество plural logic перед обычным теоретико-множественным подходом в отношении парадоксов, вызвали дискуссию, не принесшую окончательного ответа.

Курс «The semantics of attitude reports» Э. Майера (Нидерланды) был посвящен проблемам высказываний о пропозициональных установках (propositional attitude reports) – высказываний, имеющих форму *X полагает / надеется / желает / ... , что(бы) p*, где *X* – обозначение субъекта установки, а *p* – выражение некоторой пропозиции. По этой теме существует огромное количество литературы, причем первым из авторов, уделивших ей внимание, следует, по-видимому, считать Г. Фреге, использовавшего distinction смысла (Sinn) и значения (Bedeutung) для объяснения того факта, что, хотя *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* обозначают один и тот же объект, (1) может быть истинным при ложности (2):

1. *Иван полагает, что Утренняя звезда – планета.*

2. *Иван полагает, что Вечерняя звезда – планета.*

В дальнейшем Б. Рассел различил у предложений типа *Георг IV желал знать, являлся ли Скотт автором «Веверлея»* чтения *de re* (вопрос о конкретном человеке, которого Георг IV в своем вопросе мог даже не назвать Скоттом, а, скажем, попросту указать на него) и *de dicto* (вопрос о том, являются ли тот, кого называют Скоттом, и автор «Веверлея» одним и тем же лицом). Наряду с этими двумя чтениями, существуют пропозициональные установки *de se*, т. е. приписывание субъектом тех или иных свойств самому себе; в таких случаях важно отразить в формализации отождествление субъектом установки носителя приписываемого свойства с самим собой.

На занятиях курса обсуждались три подхода к проблеме *de dicto / de re / de se*. Один из

них, синтаксический, связывает чтение *de re* с происходящим на уровне логической формы особым передвижением составляющей (*res movement*), позволяющим ей получать более широкую сферу действия (*scope*), чем у интенционального глагола. В варианте Д. Льюиса, постулирующего дополнительно отношение знакомства (*acquaintance*) между субъектом и объектом пропозициональной установки, этот подход способен моделировать и установки *de se*: требуется лишь уточнить отношение знакомства как тождество. К другой группе относится подход Д. Каплана к *de re* и *de se*, основанный на представлении местоимения первого лица в его двумерной семантике, в которой интерпретация выражения зависит от контекста употребления, включая говорящего, и от возможного мира (см. выше). Третий подход – основанная на идеях Х. Кампа теория репрезентации дискурса, удобно представляющая различия в сфере действия, отличающие *de dicto* от *de re*, и обладающая несколько иным, нежели в стандартной логике предикатов, механизмом связывания (*binding*). На стороне теории репрезентации дискурса, вероятно, найдется симпатия автора курса: ей было уделено больше всего времени, и автору удалось показать совместимость DRT с некоторыми идеями Каплана и представимость в ней отношения знакомства в качестве вводимой пропозициональной установкой пресуппозиции, откуда следует, что DRT может моделировать все три типа установок: *de dicto*, *de re* и *de se*.

В завершение курса были затронуты и глаголы пропозициональной установки, отличные от эпистемических: *hope* ‘надеяться’, *desire* ‘желать’ и др. В предложенной модели эпистемическая установка может выступать основой для прочих (так называемые установки *de credito*).

В компьютерно-лингвистической части школы значительная часть курсов была так или иначе ориентирована на корпусные исследования. Р. Шефер и Ф. Бильдхауэр (Германия) прочитали вводный курс «Building large corpora from the web» о методах сбора текстовых коллекций объемом порядка нескольких миллиардов словоупотреблений, их автоматическом аннотировании и применении в задачах лингвистики. По мысли авторов курса, веб-корпус одного языка должен быть основан на случайной выборке из электронных документов, написанных на этом языке и открыто доступных в сети. Чтобы добиться почти случайного отбора страниц, удобно настроить поисковый робот (*crawler*) на обход веб-документов по гиперссылкам, начиная с нескольких страниц, выбранных как стартовые (*seeds*). Весь материал, полученный таким способом, будет первым

делом нуждаться в технической постобработке: приведении к единой кодировке, очистке от метатекстовой разметки, удалении документов на посторонних языках, исключении слишком коротких текстов, дублирующихся фрагментов и др. Эти задачи требуют большой вычислительной мощности, но для их решения уже известны эффективные приближенные алгоритмы.

Когда технический этап завершен, предстоит лингвистическая постобработка. Здесь первая проблема – токенизация: ни один существующий токенизатор не является достаточно общим, чтобы правильно обрабатывать любые веб-документы, из-за чего в корпусе появляется большое число гапаксов. В результате страдает качество лемматизации и (статистического) морфологического анализа. Дополнительную трудность лемматизатору создают орфографические ошибки и опечатки; авторы курса предлагают обходить эту помеху добавлением нового уровня разметки – «орфографически нормализованного» текста. Анализ готового веб-корпуса (в частности, анализ распределений словоформ и предложений по длине) позволяет устранить просчеты в стратегии обхода страниц и в постобработке, а чтобы содержательно сравнить построенный корпус с аналогами, хотя бы по характеру охваченного речевого материала, оказывается достаточным иметь частотные списки лемм.

Р. Шефер и Ф. Бильдхауэр прежде всего увязывают применение больших корпусов в лингвистике с лингвистическими «редкими событиями» – языковыми фактами, численность которых в корпусах объемом до нескольких сотен миллионов словоупотреблений очень мала (клитизация неопределенного артикля в немецком языке и др.). Авторы курса также показывают, что из достаточно большого случайно сформированного корпуса можно выбрать любой специализированный подкорпус.

Э. Коупстейк (Великобритания) и О. Эрбло (Германия) познакомили слушателей курса «Distributional semantics for linguists» с современным состоянием дистрибутивной семантики. Еще З. Харрис формулирует известную «дистрибутивную гипотезу»: если два слова встречаются в однотипных контекстах, то они близки по значению, – но заметный прогресс в этой области был достигнут лишь около 20 лет назад, когда появилась достаточно мощная вычислительная техника.

Чтобы построить дистрибутивно-семантическую модель, нужен большой лемматизованный корпус. В простейшем случае значение какого-либо слова w отождествляется с вектором частот начальных форм, извлеченным из контекстных окрестностей фиксированной ширины (например, по пять словоформ влево и

вправо) около всех вхождений форм слова w в корпус. Если корпус оснащен синтаксической разметкой, то дистрибутивное представление можно построить несколько сложнее. В обоих случаях нетрудно добиться, чтобы все векторы частот были заданы в одном и том же базисе, и затем снизить размерность полученного линейного пространства (например, удалением низкочастотных элементов базиса). Таким образом строится модель, в которой семантическая близость определена как легко вычисляемая мера на векторах: косинус, коэффициент Жаккара и т.п.

Авторы курса отмечают, что понятие семантической близости не соотносится прямо ни с одним из традиционно выделяемых типов лексико-семантических отношений (синонимия, антонимия, гипо-гиперонимия...). Более того, разные ЛСВ одной лексемы и даже омонимичные лексемы имеют единое дистрибутивное представление. Но известен ряд специальных приемов, позволяющих по дистрибутивным данным разграничивать ЛСВ и устанавливать тип семантического отношения между словами.

Одна из лекций была посвящена подходам к объединению дистрибутивной и композиционной (compositional) семантики. Это тенденция последних четырех-пяти лет, однако идеи Б. Кёкке и М. Барони уже приобрели большую популярность среди компьютерных лингвистов. Авторы курса предлагают и свой собственный подход; ключевым для него является понятие «идеальной дистрибуции». Если мир – модель некоторой логической системы, то каждой элементарной формуле, которая истинна в этой системе, можно поставить в соответствие предложение на естественном языке. Дистрибутивно-семантическая модель, вычисленная на основе корпуса из всех таких предложений, и называется идеальной. Непосредственно построить идеальную дистрибуцию можно только для «игрушечных» миров, описываемых очень маленькими онтологиями, но вообще этот путь представляется продуктивным, особенно для анализа квантифицированных высказываний.

Ряд курсов был специально посвящен применению методов машинного обучения (machine learning) к задачам лингвистики. Так, Т. Кисс (Германия) построил свой курс «Annotation mining in R» вокруг одного яркого примера. По правилу немецкой грамматики, существительные в именных группах с предлогом *ohne* ‘без’ должны иметь при себе артикль. Корпусный материал, однако, показывает, что это правило соблюдается далеко не всегда. Какие же причины побуждают носителей языка в одном случае употреблять артикль, а в другом – обходиться без него? Т. Кисс предлагает такое решение:

обогащать разметку контекстов, найденных в корпусе, набором дополнительных признаков (собственная семантика предлога; начальная форма существительного, его словообразовательные, морфологические и семантические характеристики; особенности конструкции всей именной группы и др.) и на полученной базе данных обучить классификатор, который бы явным образом присваивал каждому признаку «вес» – количественную меру значимости. Этим способом удастся узнать, например, что каузальная семантика предлога *ohne* и одно или несколько зависимых прилагательных в именной группе повышают шансы употребления артикля, а принадлежность существительного к семантическому классу «отношение» или «признак» понижает шансы. Описанный подход легко обобщить на широкий круг задач не только грамматики, но и лексикологии (таких, например, как снятие неоднозначности). Стоит добавить, что курс Т. Кисса был практико-ориентированным: слушатели учились строить классификаторы средствами статистического пакета R.

Курс А. Сёгора (Дания) «Semi-supervised learning for natural language processing» был весьма техническим по содержанию. В отличие от более известных вариантов машинного обучения «с учителем» (supervised) и «без учителя» (unsupervised), «частичное» обучение предполагает, что на вход алгоритма подается сначала небольшой массив размеченных (labeled) данных, а затем большой массив неразмеченных, при обработке которых классификатор запоминает свои решения и непрерывно пополняет ими тренировочное множество.

Методы, о которых было рассказано в курсе, находят свое важнейшее применение в системах зависимостного синтаксического анализа. В последние годы популярны два статистических алгоритма: (1) нахождение минимального остовного дерева (minimum spanning tree) из взвешенного графа возможных зависимостей и (2) shift-reduce анализ, при котором словоформы из предложения берутся по одной и на каждом шагу выбирается лучшая точка прикрепления начала связи, входящей в данное слово. В первом случае классификатор оценивает веса ребер, а во втором случае – вероятности их прикрепления.

Много внимания автор курса уделил задаче межъязыковой адаптации корпусных ресурсов. Если для какого-либо языка имеется достаточно большой банк синтаксических структур с разметкой зависимостей (dependency treebank), то классификатор, частично обученный на нем с привлечением только морфологической информации, т. е. без учета самих словоформ и их начальных форм, удастся применить для

синтаксического анализа близкородственного или даже неродственного, но типологически сходного языка. Качество разбора при этом падает, но не катастрофически.

Ф. Цимиано и К. Унгер (Германия) в курсе «Ontology-based interpretation of natural language» продемонстрировали одну возможность научить компьютер «понимать» небольшой фрагмент естественного языка чисто символическим путем, без использования статистических методов. Авторы курса считают достаточным подготовить два основных компонента: онтологию, представляющую знания человека о какой-либо предметной области, и лексикон, обогащенный синтаксической информацией (валентность глагола и т.п.) в той мере, чтобы компьютер мог без участия лингвиста построить лексикализованную грамматику. Инженер-разработчик должен вручную соотнести каждое понятие, формализованное в онтологии, с некоторой лексической единицей или словосочетанием. В системе Pythia, представленной на занятиях курса, при анализе пользовательского ввода промежуточное представление (между синтаксисом и собственно лексиконом) обеспечивается одним из вариантов формализма DRT. К сожалению, Pythia умеет интерпретировать весьма ограниченный набор высказываний на естественном языке, даже внутри фиксированной предметной области. Тому много причин: неполнота онтологии, сравнительная узость лексикона, обработка только композиционных высказываний, притом корректно построенных в грамматическом и семантическом отношении, и др.

Курс «Empirical approaches to discourse», прочитанный Дж. Спенейдер (Нидерланды), был одним из самых познавательных на летней школе. В центре внимания были когерентные отношения в дискурсе, отвечающие за связанность текста и элементов его структуры, например предложений. Наибольшее внимание уделялось каузальным и контрастивным отношениям. Введением в эмпирические исследования по когерентным отношениям послужили две классические работы по данной тематике (теории Дж. Гоббса, Б. Грош и К. Сиднер). Среди других теорий когерентности в курсе были представлены Rhetorical structure theory (В. Манн и С. Томпсон), разработанная для генерации текстов, и Segmented discourse representation theory (Н. Эшер и А. Ласкаридес).

Дж. Спенейдер указывает проблемы, с которыми можно столкнуться при применении данных теорий когерентности. Например, в основе инвентаря когерентных отношений могут отсутствовать принципы; разные типы информации могут быть объединены в одну

структурную единицу; система аннотации достаточно сложна и пр. Также был дан обзор инициатив по созданию корпусов с разметкой когерентных отношений, в том числе был рассмотрен Penn discourse treebank. В нем выделяется около 100 типов различных отношений, которые могут быть выражены и эксплицитно, и имплицитно. Один из недостатков проекта состоит в том, что в нем не поддерживаются вложенные структуры.

Курс «Natural language processing for historical texts», прочитанный М. Пиотровским (Швейцария), был посвящен автоматической обработке естественного языка в исторических (древних) текстах. За пять лекций, читавшихся в течение недели, был подробно описан процесс «от рукописи к электронному тексту». В основном курс носил технический характер. Слушатели познакомились с различными этапами обработки рукописей и бумажных носителей: сканирование, распознавание текста, конвертирование в различные форматы, дальнейшая проверка текста, программное обеспечение для обработки исторических текстов.

Главный объект курса – исторический текст – понимается как старый текст, значительно отличающийся от сегодняшних и тем самым создающий помехи при его автоматической обработке. От современного текста исторический может отличаться по многим параметрам: вид носителя (пергамент, мрамор, глиняные таблички и пр.), система записи (устаревший шрифт, аббревиатуры и пр.), язык, орфография, также текст может иметь дефекты, быть неясным и т.д. Все эти параметры вызывают определенные вопросы при их передаче в электронную форму: например, необходимо ли сохранять лигатуры или различные типы шрифтов в одном тексте? В ходе курса

были подробно обозначены и описаны трудности, с которыми сталкиваются многие проекты по оцифровыванию бумажных носителей.

Много внимания М. Пиотровский уделил оптическому распознаванию символов, в том числе был сделан обзор работ, сравнивающих результаты систем распознавания для исторических текстов. В случае, если текст рукописный и распознать его не представляется возможным, на помощь приходят специальные программы для упрощения работы людей, перепечатающих рукописи. Их достоинства и недостатки также были рассмотрены в течение курса.

Следующий этап работы с текстом – это его аннотация в соответствии с рекомендациями TEI (Text encoding initiative), исправление ошибок, а также обеспечение многоуровневой разметкой. В последний этап входят такие задачи, как частеречная разметка, лемматизация, парсинг.

В скором времени выйдет в свет книга М. Пиотровского, озаглавленная так же, как и прочитанный им курс лекций.

Д.Б. Тискин, А.С. Шиморина, В.В. Порицкий

Сведения об авторах:

Даниил Борисович Тискин
Санкт-Петербургский государственный университет
tyskin@yandex.ru

Анастасия Сергеевна Шиморина
Институт лингвистических исследований РАН
shinas@yandex.ru

Владислав Валерьевич Порицкий
Белорусский государственный университет
v.poritski@gmail.com

II Международная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»

8–10 сентября 2012 г. в Екатеринбурге состоялась II Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология». Организаторами конференции выступили кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Институт русского языка и Институт славяноведения Российской академии наук; подготовка конференции осуществлялась при активном участии международных комиссий по этнолингвистике и этимологии (председатели: Е. Бартмицкий, А. Шивиц-Дулар).

Нынешней осенью в Екатеринбурге собралось более 100 ученых, представляющих лингвистические центры России и зарубежья: Австрии, Белоруссии, Бельгии, Латвии, Литвы, Польши, Сербии, Словении, Финляндии, Франции, Чехии.

Многие гости – как российские, так и зарубежные – уже не раз побывали в Екатеринбурге, поскольку конференция, получившая с 2009 г. название «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология», является продолжением межвузовских и международных конференций, регулярно проводившихся в Уральском университете

с начала 1990-х годов («Русская диалектная этимология»: 1991, 1996, 1999, 2002; «Лингвокультурологические проблемы толерантности»: 2001, «Ономастика в кругу гуманитарных наук»: 2005). Новое название, с одной стороны, отражает давно сложившиеся, традиционные направления проблематики уральских конференций, а с другой стороны, подчеркивает ее обновление и расширение. За новым именем конференции стоит современный научный контекст, предполагающий необходимость интеграции когнитивно ориентированных наук, активного – в том числе и международного – обмена теоретическими достижениями, методами, материалами.

Без преувеличения, общая атмосфера конференции определялась в первую очередь именно пафосом интеграции. «Программным» в этом отношении стало открывшее конференцию пленарное заседание, где после приветствия организаторов выступили ведущие российские и зарубежные ученые, давно работающие с опорой на множественные междисциплинарные связи. В их докладах были представлены самые разные аспекты пересечений этнолингвистики, ономастики и этимологии. Так, в выступлении Е. Барминьского (Польша), с одной стороны, показана роль этимологии в реконструкции языковой картины мира, а с другой стороны – подчеркнута значимость «обратного» отношения, при котором с учетом синхронных коннотаций слова у исследователя появляется возможность верифицировать этимологические гипотезы. В докладе С.М. Толстой (Москва) обращено внимание на принципиально единую для этимологии и этнолингвистики природу метода семантической реконструкции, направленного на воссоздание семантической истории слова в языке и его «символической» истории в культуре. В выступлении Л.В. Куркиной (Москва), посвященном проблемам реконструкции архаичной семантики, на славянском материале убедительно показана необходимость этимологического изучения слова не только в контексте собственно языковых данных, но и в контексте материальной и духовной культуры. Интересный поворот этой темы представлен в совместном докладе М. Белетич и А. Ломы (Сербия), которые на нескольких диахронных срезах проследили историю лексики, этимологически связанной с праславянскими **mora*, **mara*: исследователи обратили особое внимание на переосмысление этих древних лексем в соответствии с изменениями духовной культуры и языкового сознания славян. Выступление Е.Л. Березович (Екатеринбург) было посвящено актуальным задачам российских топонимических исследований, в которых – в свете

современной научной парадигмы – насущной необходимостью становится макросистемное выстраивание топонимических полей, рядов, моделей, дающее ключ к семантико-мотивационной, этимологической и этнолингвистической интерпретации топонимического материала. Как показал доклад А. Шивиц-Дулар (Словения), также посвященный топонимии, еще далеки от окончательного решения и другие проблемы изучения географических названий – в частности, необходим их корректный структурный анализ, без которого невозможно дальнейшее движение к этимологической и этнолингвистической интерпретации.

В течение трех дней в рамках конференции работало 10 секций: «Этнолингвистика и этимология», «Ономастика», «Славянская и русская этимология», «Славянская и балканская этнолингвистика», «Русская лексика в этнолингвистическом аспекте», «Этнокультурный потенциал собственных имен», «Имя во времени, пространстве и социуме», «Этимология и контактология», «Семантико-мотивационный аспект этнолингвистических исследований», «Этносоциolingвистика и социolingвистика». Как можно видеть по этим названиям, в работе секций нашла органичное продолжение обозначенная на пленарном заседании проблематика разноплановых «зеркальных» отношений между современными этнолингвистическими, ономастическими и этимологическими исследованиями.

Разумеется, доклады участников конференции – при множественных пересечениях этнолингвистического, ономастического и этимологического содержания – характеризовались и определенными научными доминантами, что дало возможность обсуждения широкого круга внутренних проблем каждой из наук.

Так, в части докладов этнолингвистической направленности явно или скрыто продолжалась дискуссия о «временной» позиции исследователя: панхронической или основанной на разграничении диахронного и синхронного уровней. Особое внимание было обращено на то, что в этнолингвистике сейчас возникла необходимость проспективных исследований, связанных с трансформациями традиционной культуры в современном обществе. С теоретической стороны эту мысль обосновала в своем выступлении С.М. Белякова («Об этнолингвистике ретроспективной и проспективной»; Тюмень), а возможности ее реализации были показаны в докладах А.А. Кожиновой («Культурная категория труда в белорусской интернет-публицистике»; Белоруссия) и Е.Н. Руденко («Механизмы трансформации свадебного обряда в современной массовой культуре»; Белоруссия). В целом же, как мож-

но судить по материалам конференции, этнолингвистика сегодня наиболее успешно развивается как ретроспективная наука. Основные интересы исследователей, собравшихся в Екатеринбурге, были связаны с реконструкцией древних фрагментов национальной картины мира (М.М. Валенцова, А.В. Гура, К.А. Климова, Москва; А.Г. Кречмер, Австрия; М. Менцей, Словения; И. Поравска, Польша), воссозданием панхронических языковых образов (М. Рак, Польша; Н.А. Сеница, Екатеринбург), изучением коннотативного – культурно обусловленного – содержания нарицательных и собственных имен (Е.Д. Казакова, Ю.А. Кривошапова, Екатеринбург; И.А. Кюршунова, Петрозаводск; Д.В. Спиридонов и Л.А. Феоктистова, Екатеринбург), выявлением исторически сложившихся национальных культурных стереотипов и «кодов» (И.С. Просвирнина, Екатеринбург; А. Тырпа, Польша), семиотическим и лингвистическим анализом жанровых форм фольклора (О.Е. Фролова, Москва).

В докладах по ономастике, кроме отмеченного выше этнолингвистического ракурса, имена собственные рассматривались в свете закономерностей номинации и мотивации (В.В. Алпатов, Москва; М.Э. Рут, Екатеринбург; О.В. Чёха, Москва), структурного своеобразия (С. Торкар, Словения), особенностей функционирования в разных жанровых формах – от древних писцовых книг до современных рекламных и политических текстов (М.В. Костромичева, Орел; М.Л. Лурье, Санкт-Петербург; А.В. Приображенский, Петрозаводск; Т.П. Романова, Самара; И.А. Седакова, Москва). Было уделено внимание вопросам системной организации национального и регионального онимикона (В.И. Супрун, Волгоград), механизмам и моделям отыменной деривации (М.В. Ахметова, Москва; Б. Островский, Польша), проблемам типологии и идеографической репрезентации отдельных классов собственных имен (А.А. Макарова, М.В. Мелехина, Екатеринбург).

Как показала конференция, интересы и российских, и зарубежных ономастологов по-прежнему главным образом связаны с ядерными классами имен собственных – антропонимами и топонимами. В то же время очень заметен – особенно среди молодых исследователей – возрастающий интерес к менее изученным, окооядерным и периферийным зонам ономастического пространства. Так, в докладах участников конференции в самых различных аспектах рассматривались этнонимы (А.И. Грищенко, Москва), хрононимы (О.В. Атрошенко, Екатеринбург), зоони-

мы (Е.Н. Варникова, Вологда), эргонимы и прагмонимы (С.О. Горяев, Екатеринбург), поэтонимы (А.А. Фомин, Екатеринбург), мифонимы (К.И. Баранова, Екатеринбург), годонимы (О.С. Смирнова, Екатеринбург).

В докладах, имеющих этимологическую направленность, с особой остротой звучал вопрос о задачах и методах этимологии на современном этапе научных исследований. основополагающим в этом отношении стало выступление Л.П. Дроновой («Роль этимологии в современной научной парадигме», Томск), в котором прослежен исторический путь этимологической науки: от поиска фонетических соответствий до комплексных исследований, основанных на широком спектре методов и тесной связи с когнитивно ориентированными смежными дисциплинами. Была подчеркнута на конференции и особая значимость этимологии как науки, позволяющей прояснить те способы осмысления мира, которые содержатся в древних концептах: этой теме, в частности, был полностью посвящен доклад М. Якубович («Этимология как источник информации для исторической этнолингвистики», Польша).

Как всегда, многие этимологи приехали на уральскую конференцию с результатами своих новых работ, посвященных происхождению отдельных нарицательных слов и имен собственных (И.В. Васильева, Москва; Ю.А. Готлан, Томск; Л.П. Михайлова, Петрозаводск; Е.В. Попова, А.В. Тихомирова, Екатеринбург; М. Фурлан, Словения; Л.И. Шелепова, Барнаул; И. Янышкова, Чехия). Масштаб исследований здесь – от узколокальных диалектизмов до праязыковых индоевропейских корней. При безусловной общей научной ценности этих материалов следует особо отметить их значимость для одного из самых крупных проектов современной российской лингвистики – создаваемого А.Е. Аникиным нового «Русского этимологического словаря».

Многие доклады, основанные на этимологическом подходе к материалу, были одновременно направлены на решение контактологических, этногенетических и этноисторических проблем. Как и в прошлые годы, наибольшее внимание было уделено древнему взаимодействию финно-угорских и русского народов (Т.Н. Дмитриева, Н.В. Кабинина, О.В. Мищенко, Екатеринбург; С.А. Мызников, Санкт-Петербург; Я. Саарикиви, Финляндия). В то же время на конференции были представлены и другие контактологические темы: славяно-тюркские отношения (С. Петрович, Сербия), славяно-иранские (Н.В. Лабунец, Тюмень), финско-карельские (Д.В. Кузьмин, Петрозаводск) контакты, древние связи пермских и

волжско-финских народов (О.В. Смирнов, Екатеринбург). Нельзя не отметить, что в этих исследованиях, которые в целом базируются на классических методах, заметен и поиск новых методик, определяемых повышенным интересом современной лингвистической науки к сфере семантики. Очень показателен в этом плане доклад О.В. Мищенко (Екатеринбург), в котором важнейшим этимологическим инструментом становится глубокий и тонкий сравнительный анализ семантической организации русских и финно-угорских словообразовательных гнезд.

В рамках нашего краткого обзора хотелось бы отметить еще некоторые важные особенности прошедшей в Екатеринбурге конференции. Если ее общий пафос определялся идеей интеграции наук, то «ключевыми словами» конференции, определившими ее сквозную межсекционную тематику, стали *народная культура, диалектное слово, имя собственное, картина мира, словарь*. Принципиальная значимость этих слов вполне ясна и по предшествующему изложению, однако о некоторых ключевых темах стоит сказать подробнее.

Так, на фоне общего доминирующего внимания к народной культуре и диалектному материалу – славянскому и иному – в кругу собравшихся на конференцию был заметен особенно высокий интерес к языку и культуре российской деревни. В выступлениях участников эта тема звучала в самом разноплановом освещении: диалектное слово в сельских обрядах и фольклоре (Т.Е. Баженова, Самара; Е.Е. Королева, Латвия; Е.Н. Свалова, Пермь), исторический и живой ономастикон сельской России (М.Ю. Беляева, Славянск-на-Кубани; А.В. Конюк, Томск), диалектная фразеология (О.В. Белова, Москва; Е.С. Коган, Екатеринбург; И.А. Подюков, Пермь), семантика диалектного слова (Е.В. Шабалина, Екатеринбург; Ю.А. Шкураток, Пермь), диалектная языковая личность (З.В. Сметанина, Киров), современный образ русской деревни (И.В. Шалина, Екатеринбург). В значительной части докладов, основанных на российском диалектном материале, был проведен когнитивный анализ различных лексических групп народного языка: терминологии родства (Ю.В. Зверева, Пермь; И.Б. Качинская, Москва), лексики, характеризующей человека и его отношения в социуме (О.А. Кузнецова, Томск; В.С. Кучко, Т.В. Леонтьева, Екатеринбург), лексики сенсорного восприятия (Т.Н. Бунчук, Сыктывкар; А.А. Парфенова, Екатеринбург), соматизмов (Е.О. Борисова, С.С. Михалищева, Екатеринбург; И.И. Русинова, Пермь), бытовой лексики

(К.В. Пьянкова, Екатеринбург), народной музыкальной терминологии (О.А. Пашина, Москва).

Общий корпус докладов, посвященных языку и культуре российской деревни, столь представительен, что на его основе подготовлен отдельный том сборника материалов конференции.

Не менее важной сквозной темой, звучавшей на заседаниях всех секций, стала тема лексикографической репрезентации данных, имеющих ныне в распоряжении этнолингвистов, ономатологов и этимологов. С одной стороны, основываясь на опыте традиционных типов словарей, многие докладчики обращали внимание на необходимость совершенствования тех или иных принципов словарной обработки материала. С другой стороны, на конференции активно обсуждались проблемы создания новых типов словарей – словарей с повышенным научным и культурным потенциалом, которые не только фиксируют языковые данные, но и представляют их в определенном аспекте, создавая тем самым целостный фрагмент ментально-языковой действительности. В частности, в докладах Е. Бартминьского (Польша) и С. Небжеговской-Бартминьской (Польша) был освещен опыт люблинского этнолингвистического словаря, который создается на основе сетевой модели семантического анализа и направлен на целостную реконструкцию картины мира и человека в польской народной традиции. А.В. Юдин (Бельгия) выступил как автор уже частично подготовленного словаря-ономастикона восточнославянских заговоров, в котором применен модифицированный для ономастической сферы метод тезаурусного анализа. В докладе Е.Э. Ивановой (Екатеринбург) изложен опыт работы над маршрутным топонимическим словарем, который – в силу его просветительских задач и ориентации на широкого читателя – требует значительного расширения экстралингвистических сведений.

Примечательно, что в докладах участников звучала мысль о необходимости создания словарей не только книжного, но и электронного формата, который позволяет быстрее находить нужную информацию и осуществлять ее поиск по многим критериям. Была затронута на конференции и не менее значимая смежная проблема: создание лингвистических баз данных. В этом отношении «стратегический» характер носило выступление И.И. Муллонен (Петрозаводск), в котором – на примере базы данных топонимии Карелии – были показаны методика работы с этим информационным источником, его научный потенциал и результаты применения.

В конце третьего дня работы конференции состоялось ее заключительное пленарное заседание, на котором участников объединило обсуждение семи докладов, ярко отразивших характерную для конференции общность и одновременно многогранность научной проблематики.

Так, выступление Ж.Ж. В а р б о т (Москва), которым открылось заседание, было связано с важной для каждого лингвиста проблемой корректности словарной репрезентации языковых данных; основой доклада послужил критический словообразовательно-этимологический анализ материалов «Словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова. В ином ракурсе лексикографическая тема была продолжена в выступлении Я. В л а и ч - П о п о в и ч (Сербия), посвященном принципам представления диалектной лексики в готовящемся к изданию кратком этимологическом словаре сербского языка. Ономастическая проблематика – в сочетании с этнолингвистической – прозвучала в докладе А.И. Г у д а в и ч ю с а (Литва), в котором на основе анализа литовской антропонимии автором выявлены некоторые важные черты миропонимания и ценностные ориентации литовского народа. Историко-этимологический аспект изучения имен собственных представлен в выступлении В.В. Н а п о л ь с к и х (Ижевск), которым предложено новое прочтение «Списка народов Германариха», содержащего целый ряд древнейших этнонимов. Современные методы и возможности этнолингвистического анализа были раскрыты в докладе Г.И. К а б а к о в о й (Франция), посвященном концепту чести в ритуале гостеприимства, а также в докладе А. П а й д з и н ь с к о й (Польша), представляющем образ воли в польском языке. В выступлении Г.Е. К р е й д л и н а (Москва), где объектом анализа стали жесты и речь в семиотической концептуализации тела и телесности, были показаны связи между этно-

лингвистикой и семиотикой и обоснованы некоторые новые подходы к изучению концептов, включающих вербальные и невербальные знаки.

В завершение обзора уральской конференции нельзя не сказать о том, что на ее заседаниях – наряду с выступлениями известных ученых – прозвучали десятки докладов молодых исследователей, которые представляли более половины всего состава участников. Хотелось бы отметить высокий уровень подготовки нашей научной молодежи и ее интерес как к традиционной проблематике, так и к новым перспективам движения лингвистической мысли.

В целом, безусловно, уральская конференция стала одним из самых ярких общественно-научных событий 2012 г. не только в российском, но и в европейском масштабе. Для организаторов важно и то, что у всех участников была возможность ближе познакомиться с уральской землей: конференция проводилась в живописном месте на базе отдыха «Чусовая», где в свободное от научных дискуссий время гости могли отдохнуть, познакомиться с историческими достопримечательностями, побывать на экскурсиях в Коуровскую обсерваторию и знаменитую Новоуткинскую пещеру.

Наша наука развивается в непростых условиях, поэтому сейчас вряд ли возможно точно планировать время проведения следующей – третьей конференции под названием «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология». Тем не менее у всех, кто принадлежит к международному сообществу этнолингвистов, ономастов и этимологов, есть уверенность в том, что наши научные встречи будут продолжены.

Н.В. Кабинина

Сведения об авторе:

Надежда Владимировна Кабинина
Уральский федеральный университет
nadia.nvlad2010@yandex.ru

XIII Международная конференция «Ономастика Поволжья»

«Вопросы языкознания» ранее неоднократно сообщали читателям о конференциях «Ономастика Поволжья» [Супрун 1992; 1994; Супрун, Бардакова 2003]. Основанная известным российским ономатологом В.А. Никоновым, первая конференция с таким наименованием прошла в 1967 г. на его родине в Ульяновске, а затем отправилась по поволжским городам (Горький, Уфа, Пенза, Саранск, Волгоград, Йошкар-Ола, Казань) и наконец прибыла в Ярославль. С 12 по 15 сентября

2012 г. на базе Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского прошла XIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья».

В оргкомитет XIII конференции было представлено более 90 докладов ономатологов из более 30 городов Российской Федерации (Арзамаса, Белгорода, Борисоглебска, Боровичей, Волгограда, Вологды, Воронежа, Екатеринбург-

га, Елабуги, Йошкар-Олы, Казани, Костромы, Махачкалы, Москвы, Пскова, Самары, Санкт-Петербурга, Смоленска, Стерлитамака, Сургута, Тамбова, Твери, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Ульяновска, Уфы, Чебоксар, Читы, Элисты, Якутска, Ярославля), а также семь докладов зарубежных участников (Китай, Польша, Казахстан, Белоруссия, Украина).

На первом пленарном заседании присутствовали около 70 участников. Заседание открылось докладом О.Т. Молчановой (Польша). Она представила результаты анализа малоизвестных широкой научной общественности старинных карт Н. Витзена (конец XVII в.), которые содержат ценную информацию о размещении народов Поволжья. Проблемы взаимоотношения ареалов, выявленные в результате анализа субстратных апеллятивов и микропонимов российского Северо-Запада, были освещены в выступлении С.А. Мызникова (Санкт-Петербург).

Проблемам ономастической терминологии были посвящены пленарные доклады В.И. Супруна (Волгоград) и И.А. Дамбуева (Улан-Удэ). Перспективы интегративного ономастического анализа рассмотрены в докладе И.В. Крюковой (Волгоград), в котором были намечены перспективы исследования языковой рефлексии на имена собственные. Н.В. Васильевой (Москва) был сделан важный вывод о том, что содружество ономастики с теорией нарратива оказывается методологически весьма полезным. Выступление Р.В. Разумова (Ярославль) было посвящено истории ономастических исследований в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

Обсуждение ономастических проблем было продолжено на заседаниях пяти секций. На первой секции обсуждались вопросы теории и методологии ономастических исследований и проблемы антропонимики и этнонимики. Методологии ономастических исследований был посвящен доклад О.Т. Молчановой (Польша) «Топонимические изоглоссы и принципы реконструкции древних субстратов». Молодой екатеринбургский исследователь К.А. Гейн рассмотрел принципы идеографической характеристики микропонимического материала и представил свою модель идеографического топонимического словаря. Н.В. Менькова (Ярославль) привела примеры деминутивных форм антропонимов в функции обращения. Известный российский антропонимист И.М. Ганжина (Тверь) на материале тверских памятников деловой письменности преднационального периода показала сочетаемость возможности суффиксов в антропонимическом словообразовании. М.В. Ахметова (Москва) на материале газет и

форумов Интернета рассмотрела рефлексии местных жителей по поводу вариативности катойконимов. Т.В. Ховрина (Ярославль) выступила с докладом об антропонимах в книжнославянском переводе Лексикона Герасима Влаха.

Работа секции «Топонимика, гидронимика и микропонимика» открылась коллективным докладом дагестанских ученых Х.Л. Ханмагомедова, Д.Н. Гасановой, А.Н. Гебековой (Махачкала) «Топонимия Северного Кавказа как Азово-Черноморского и Волго-Каспийского регионов». В.В. Приходько (Ульяновск) представил гидронимы Ульяновской, Самарской областей, республик Татарстан и Башкортостан, содержащие в этимологии сему 'солёный'. Отдельные аспекты топонимического и микропонимического словообразования обозначены в докладах П.П. Виноградовой (Кострома), Ю.Ю. Гомыровой (Ярославль) и Е.В. Цветковой (Кострома).

На секции «Городское ономастическое пространство» рассматривались проблемы названий внутригородских объектов. На заседании развернулась дискуссия вокруг докладов А.Н. Соловьева (Смоленск) «Урбанонимическое поле как часть ономастического пространства» и Р.В. Разумова (Ярославль) «К вопросу об упорядочении терминологии в области эргонимии». Т.В. Горлова (Кострома) обратила внимание на микропонимы города Нерехты. В докладе В.С. Картавенко (Смоленск) речь шла о воспитательных аспектах изучения внутригородских названий.

В рамках секции «Ономастическая периферия и ономастическое пограничье» были рассмотрены сложные вопросы функционирования периферийных онимов. Доклады о диалектных теонимах были сделаны Н.С. Гонцовской и Г.Н. Негановой (Кострома). Демонимы описаны Д.М. Дмитрук (Кострома). Традиционные русские клички лошадей были проанализированы Е.Н. Варниковой (Вологда). М.С. Крутова (Москва) посвятила свой доклад такому значимому явлению в истории русской книжной культуры, как наименования русских рукописных книг. Н.С. Соловьева (Смоленск) показала современные названия мороженого. На секции также были заслушаны доклады, посвященные пропаганде и распространению ономастических знаний: составлению учебного лингвокраеведческого словаря онимов (Н.А. Максимчук, Н.В. Бубнова, Смоленск), образовательным возможностям сайта «Ономастика России» (С.А. Попов, Воронеж) и др.

Секция «Литературная ономастика» объединила исследователей имен собственных,

функционирующих в художественных произведениях различных стилей и жанров: в лирике А.Т. Твардовского (И.А. Королева, Н.С. Дениченко, Смоленск), Беллы Ахмадулиной (Н.В. Комлева, Вологда), Саши Соколова (М.Ю. Егоров, Ярославль), Е.В. Честнякова (О.А. Образцова, Кострома), С.С. Максимова (Н.Ю. Букарева, Ярославль), в научно-фантастических произведениях А. и Б. Стругацких (С.П. Яковлева, Москва). Проблемам ономастического переводоведения были посвящены доклады О.В. Рогачевой (Екатеринбург) «Имена в литературном сериале Дж.К. Роулинг и в его переводах на русский язык» и И.А. Сухановой (Ярославль) «Способы передачи имен персонажей в английском переводе романа Б. Пастернака “Доктор Живаго”».

Завершилась конференция традиционным круглым столом «Волга в языках и культуре народов Поволжья». Выступили С.А. Мызников, О.Т. Молчанова, Н.С. Ганцовская. В центре обсуждения были вопросы о наименованиях народностей, живущих по берегам Волги, функционирования и взаимодействия диалектов народов Поволжья, были также рассмотрены названия волжских притоков.

В целом круг рассмотренных на XIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» вопросов был широк: проблемы теории и методологии ономастических исследований, антропонимики, топонимики, литературной и переводческой ономастики, оно-

мастической терминологии и ономастической лексикографии, методических аспектов науки об именах собственных и других направлений ономастического поиска. В заключительном выступлении И.М. Ганжина, председатель оргкомитета XIV Международной конференции «Ономастика Поволжья», пригласила собравшихся в Тверь, где 10–13 сентября 2014 г. пройдет очередная встреча ономастологов.

Материалы конференции опубликованы в сборнике: Ономастика Поволжья: материалы XIII Международной научной конференции (Ярославль 13–14 сент. 2012 г.) / Отв. ред. Р.В. Разумов, В.И. Супрун. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. 424 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Супрун 1992 – *В.И. Супрун*. Хроникальная заметка // Вопросы языкознания. 1992. № 5.
Супрун 1994 – *В.И. Супрун*. Хроникальная заметка // Вопросы языкознания. 1994. № 2.
Супрун, Бардакова 2003 – *В.И. Супрун, В.В. Бардакова*. Хроникальная заметка // Вопросы языкознания. 2003. № 3.

В.И. Супрун

Сведения об авторе:

Василий Иванович Супрун
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
suprun@vspu.ru